

Министерство образования Российской Федерации
Алтайский государственный университет
Российская академия наук
Сибирское отделение
Институт археологии и этнографии
Лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири

Ю.Ф. Кирюшин

ЭНЕОЛИТ И РАННЯЯ БРОНЗА ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Монография

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛТАЙСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Барнаул – 2002

ББК 63.4(2Рос 53)2
К438

Рецензенты

И.Г. Глушков, доктор исторических наук, профессор
Кафедра археологии и исторического краеведения
Томского государственного университета

Научный редактор – академик **А.П. Деревянко**

К438 Кирюшин Ю.Ф.

Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири: Монография. – Барнаул:
Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 294 с.

ISBN 5-7904-0279-8

Монография подготовлена по проекту ФЦП «Интеграция» «Исторический опыт хозяйственного освоения юга Западной Сибири» (№ИО539), а также в рамках осуществления научно-исследовательской работы кафедры археологии, этнографии и исторического краеведения (по теме «Изучение этносоциальных процессов на Алтае в древности и средневековье») и Лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири ИАиЭ СО РАН (по теме «Сохранение и изучение археолого-этнографического наследия Сибири»).

В работе изложена авторская концепция решения проблем энеолита и ранней бронзы Западной Сибири, вводится в научный оборот значительный объем археологических источников.

Книга рассчитана на специалистов в области археологии, антропологии, этнографии и древней истории Евразии.

ISBN 5-7904-0279-8

© Кирюшин Ю.Ф., 2002

© Издательство Алтайского государственного университета,
оформление, 2002

Моим верным друзьям, коллегам и ученикам,
спутникам по экспедиционной жизни,
бывшим студентам сибирских вузов, трудами
которых исследовались памятники энеолита
и бронзы юга Западной Сибири,
с благодарностью **ПОСВЯЩАЮ**

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателей работа является первой частью обобщающего исследования, выполненного автором в середине 1980-х гг. и защищенного в 1987 г. в качестве докторской диссертации, «Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья». В последующие годы эта работа по разным причинам не была издана, полностью материалы не были включены в научный оборот, хотя частично и публиковались в различных научных трудах. За прошедшие 15 лет появились новые памятники, новые материалы, которые позволяют пересмотреть или несколько скорректировать точки зрения по вопросам относительной и абсолютной хронологии, формированию культур и культурной принадлежности, взаимоотношению с культурами соседних регионов.

В настоящей работе рассматриваются материалы памятников энеолита и ранней бронзы южной части Верхнего Приобья, в которую входят Барнаульско-Бийское и южная часть Новосибирского Приобья. Верхнее Приобье даже к настоящему времени остается территорией, в археологическом отношении изученной далеко не равномерно, да и материалы многих исследованных памятников до сих пор не введены в научный оборот, а хорошо известные большей частью сосредоточены в небольших локальных районах этого региона. Так, в Барнаульско-Бийском Приобье большая часть известных и частично раскопанных памятников является андроновскими или позднебронзовыми. Крупномасштабные исследования памятников энеолита и раннебронзового века только разворачиваются в последнее десятилетие. Материалы ряда стоянок и поселений, открытых и исследованных еще М.П. Грязновым в южной части Новосибирского Приобья, до сих пор не введены полностью в научный оборот и т.д. Да и сам поиск ранних поселенческих комплексов долгое время был затруднен в связи со спецификой их расположения (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1995; 1996, 1998; Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Тишкин А.А., 1996).

С другой стороны, само географическое положение рассматриваемых районов требует пристального к ним внимания, ведь предгорная равнинная часть Верхнего Приобья во все времена представляла собой контактную зону между миром степей Казахстана и лесостепями Приобья, между обитателями горной страны Алтай и населением предгорной равнины. Особенно это касается населения, проживающего в долинах рек, вытекающих из Горного Алтая. Существование различных экологических зон наметило тенденцию к становлению в них особых или отличных хозяйственных типов. Эта тенденция, слабо проявившаяся в эпоху энеолита, усиливается в эпоху ранней бронзы и оформляется в андроновскую эпоху, когда происходит окончательный переход к производящему скотоводческому хозяйству. Контакты населения предгорно-равнинной зоны Алтая со своими южными соседями способствовали появлению здесь раньше, чем в других районах Западной Сибири, ранних форм скотоводческого хозяйства, которое постепенно распространяется на все Верхнее Приобье. На заключительных этапах бронзового века южные районы Верхнего Приобья оказались включенными в зону расселения подвижных групп скотоводов. М.П. Грязнов относил этот период к третьему этапу развития производящего хозяйства у племен Казахстана и Южной Сибири (1957, с. 75).

Важными и актуальными остаются вопросы физико-географических особенностей региона в рассматриваемую эпоху и проблемы эколого-географического подхода в археологических исследованиях.

Изучение экономики древнейших обществ невозможно без правильного понимания той природной и климатической обстановки, в которой она развивалась. Это тем более важно в данном случае, когда рассматривается формирование человеческих коллективов и становление хозяйственных типов в различных природно-географических условиях Верхнего Приобья. Южная часть этого региона приходилась на предгорную зону Алтая

с ее мягким климатом, богатым растительным и животным миром. Даже в настоящее время в сезоны самых суровых засух здесь они почти не чувствуются. Средняя часть приходилась на лесостепные и частично степные районы Западной Сибири. Развитие хозяйственных типов в каждом из этих регионов шло по своим законам, которые определялись той природной обстановкой, в которой они существовали. Как справедливо замечает М.Ф. Косарев, «в древности зависимость человека от природного окружения была не более сильной, а, скорее, более прямой» (1986, с. 5). А.П. Окладников в ряде работ подчеркивал неразрывную связь природы и человека, а также необходимость понимания законов природы древним человеком и овладение ими (1958, с. 121).

По мнению М.Ф. Косарева, «географическая среда является материальной основой процесса производства, и в этом смысле их теснейшая связь и взаимозависимость очевидны и бесспорны» (1984, с. 81). В ряде его работ высказывается мнение о зависимости хозяйственных типов от природных условий, о колебаниях климата как одной из основных причин древних миграций людских коллективов и частичной смене ландшафтных зон (1964; 1971; 1972; 1973; 1974; 1978). М.Ф. Косарев первым из сибирских археологов стал проводить мысль об учитывании экологических аспектов при изучении древней истории Сибири (1980; 1983; 1986). Он пишет: «Вне экологизации археологической науки нельзя плодотворно разрабатывать такие важные проблемы древней истории, как происхождение тех или иных форм хозяйства, факторы неравномерности социально-экономического развития населения географических районов, причины, содержание и исторические последствия древних миграций, то есть практически невозможно выйти на интерпретационный уровень» (1983, с. 81). Древнейшее общество рассматривается им как часть природы, которая выступает по отношению к нему как географическая среда (1979, с. 7). Связь экономики культур бронзового века Западной Сибири и миграционных процессов с природной средой нашла отражение в работах и других специалистов (Маткшенко В.И., 1979; Славнин В.Д., 1979).

Знание природной обстановки рассматриваемых периодов важно для решения вопросов не только хозяйственной деятельности, но и проблем, связанных с первоначальным заселением каких-либо территорий или освоением новых пространств, что, несомненно, способствует выработке правильной и наиболее рациональной методики поиска новых археологических памятников строго определенных эпох. Сейчас предпринимаются попытки поиска закономерностей в топографии поселенческих комплексов в зависимости от колебаний климата и природной обстановки. Такая работа проводится для различных регионов Западной Сибири (Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Шамшин А.Б., 1983; Могильников В.А., 1983; Молодин В.И., Зах В.А., 1979; Потемкина Т.М., 1979), Казахстана и прилегающих к ним территорий (Евдокимов В.В., 1979; Зайберт В.Ф., 1983; Логвин В.Н., 1979).

Что такая работа крайне необходима, видно на примере Алтайского края. Здесь, в верхнем течении Оби и на прилегающих территориях, почти не известны памятники эпохи неолита. Материалы неолитической эпохи представлены в основном незначительными сборами с памятников вдоль ленточных боров или с донных озерных стоянок. Все известные неолитические памятники тяготеют к предгорно-таежной зоне, а вся лесостепная часть предгорной зоны и районов Приобья, не говоря уже о степных районах Кулунды, оставалась почти не заселенной или посещалась в какие-то кратковременные отрезки времени. Долгое время это объяснялось слабой изученностью этого региона, но сейчас, когда проведено практически сплошное археологическое обследование края, выявлено и поставлено на учет более 2,5 тыс. разновременных памятников, такое объяснение никак не может удовлетворить, тем более, что в соседних регионах такие памятники известны, в частности, целая серия неолитических стоянок на Андреевских озерах и вблизи них

недалеко от Тюмени, на Иртыше, в Нижнем Приобье и на Урале (Алексашенко Н.А., Паутова Г.П., 1979; Бадер О.Н., 1970; Викторова В.Д., 1968; Ковалева В.Т., 1981; Старков В.Ф., 1970; 1976; Чернецов В.Н., 1953; 1968; Юровская В.Т., 1975).

Казалось бы, чего не хватает: южнее и теплее. Но оказалось – не хватает самого главного. Лесостепные районы Верхнего Приобья не могли прокормить неолитического охотника и рыболова. Возможности рыболовства здесь были ограничены, часть озер были заморными, т.е. изолированными от крупных речных систем, или слабопроточными, что тоже приводило в зимнее время к заморам. Вода части озер была соленой или горько-соленой. Даже в настоящее время рыбоводство и рыболовство на них связаны с большими капитальными вложениями, с применением мощной техники и искусственным зарыблением породами, приспособленными размножаться в соленых водах. В южно-таежной и таежной зонах Западной Сибири в эпоху неолита развивается присваивающее рыболовческо-охотничье хозяйство с преобладанием первого. Немногочисленные озера с благоприятными условиями в степях, ленточные боры и березовые колки лесостепного Приобья не могли прокормить значительные коллективы неолитических жителей, так как и охота в лесостепи, видимо, не давала достаточного объема продуктов, необходимых для пропитания. И только с появлением в эпоху энеолита скотоводства эти районы интенсивно заселяются.

Таким образом, экологический подход в археологических исследованиях не просто желателен. Он крайне необходим для правильного решения различных аспектов хозяйственной деятельности древних обществ.

Рассматриваемая часть Приобья от границы с Казахстаном протянулась на расстояние около одной тысячи километров с юга на север. Как уже отмечалось, в нее входят две ландшафтно-климатические зоны: равнинная часть Алтая, или Приобское плато, которое протянулось от слияния Бии и Катунь до Камня-на-Оби. Общая протяженность рек этой зоны составляет около 91 тыс. км, примерно 90% этой величины приходится на водотоки длиной до 100 км, и лишь 10% – на реки длиной более 100 км (Винокуров Ю.И., 1980, с. 21). Крупными притоками Оби в этой части являются Алей, Чарыш, Чумыш и Ануй. На территории равнинной части известно более 6 тыс. озер, из которых почти 94% представляют собой малые водоемы с площадью зеркала до одного квадратного километра, делятся на бессточные, проточные и периодически сточные (там же, с. 23). Приобское плато представляет собой приподнятую слабонаклоненную в западном-юго-западном направлении равнину с абсолютными отметками 200–250 м на севере и 325–350 м на юге. Г.В. Занин выделяет в правобережье Оби Бие-Чумышскую возвышенность, древние террасы рек Оби, Бии и Чумыша (песчаные и лессовые), а также низкие надпойменные террасы крупных рек (1958). Приобское плато прорезано параллельно вытянутыми с северо-востока на юго-запад ложбинами древнего стока, расчленяющими плато на ряд крупных увалов. Ширина ложбин колеблется от 10 до 12 км, а глубина вреза от 50 до 100 м. К ложбинам древнего стока приурочены долины современных рек, которые тянутся в сторону Оби (Барнаулка, Касмала, Алей) или в сторону Кулунды (Кулунда, Бурла). К ним также часто приурочены ленточные боровые массивы, расположенные на вытянутых в северо-восточном направлении песчаных грядах (Ильин Р.С., 1935; Москвитин А.И., 1952; Нагорский М.П., 1941; Основные этапы, 1941).

В южной и юго-западной частях Алтайского края расположены Кулундинские степи, граничащие на юге со степями Казахстана. В настоящее время это зона рискованного земледелия. Здесь преимущественно располагаются степи с отдельными березовыми колками. Эта зона более тяготеет к равнинной со степными и лесостепными территориями. Здесь выделяются три типа почв, характерных для сухих, умеренно засушливых степей и средних лесостепей (Почвы Алтайского края, 1956), и сочетание двух типов растительности: степ-

ной и лесостепной. По долинам рек встречаются пойменные злаково-разнотравные луга с большим количеством корневищных злаков (Винокуров Ю.И., 1980, с. 28). Климату присущи черты континентального. Выделяются две климатические зоны: умеренно увлажненная (лесостепная) и недостаточно увлажненная (степная) (Слядзев А.П., 1958). По мнению геологов и геоморфологов, природные условия равнинной части Алтая окончательно оформились к началу голоцена (Малолетко А.М., 1974).

Таким образом, в рассматриваемом районе Верхнего Приобья выделяются две зоны, различающиеся между собой естественно-географическими условиями: предгорно-равнинная с лесостепными и равнинная со степными и лесостепными ландшафтами.

Важным является решение вопроса, были ли природные условия энеолита и бронзы такими, как теперь, или отличались. Здесь обычно рассматривают два фактора, связанных между собой: это возможные колебания климата и перемещение ландшафтных зон. Практически всеми специалистами в области палеоклиматологии признается цикличность изменения климата на нашей планете. По теории общей увлажненности О. Петерсона-А.В. Шнитникова продолжительность этих циклов определяется в 1800–1900 лет (Шнитников А.В., 1957). По мнению А.В. Шнитникова, за последние 6–6,5 тыс. лет наблюдались четыре этапа повышенной увлажненности: на границе V–IV тыс. до н.э. (середина атлантического периода); конец III – начало II тыс. до н.э. (начало суббореала); середина и конец I тыс. до н.э. (рубеж суббореального и субатлантического периодов) и т.д. (там же, с. 259–272). Каждый из этих циклов по А.В. Шнитникову состоит из двух фаз: влажной, продолжительностью 300–500 лет, и сухой в 600–800 лет, между которыми лежит переходная фаза в 700–800 лет (1969, с. 113–114). Наиболее последовательно использовал в своих работах данные А.В. Шнитникова М.Ф. Косарев, обосновывая выводы о возможных смещениях ландшафтных зон и миграционных процессах в Западной Сибири (1971, с. 37–44; 1972; 1973; 1974, с. 21–42; 1981, с. 39–50). Н.А. Хотинский выделяет три основных термических максимума голоцена: бореальный (8300–8900 лет назад), атлантический (5000–6000) и суббореальный (3400–4200 лет назад) (1977, с. 180; 1982, с. 142–147).

По мнению Т.П. Левиной и Л.А. Орловой, теплые интервалы климата на юге Западной Сибири охватывали 500–600 лет (1993, с. 53). Один из периодов теплого и влажного климата продолжался от 6050 до 5480 лет назад. Затем выделяются два последовательных этапа похолодания – влажный и сухой. Новое потепление и сохранившийся дефицит осадков начинается около 5200 лет назад. Около 4870 лет назад наступает новое похолодание, которое фиксируется растительностью, характерной для холодного и влажного климата (там же, с. 51). Следующее потепление, по их мнению, начинается от 4400 до 4000 лет назад и заканчивается 3840 лет назад. По мнению ряда зарубежных ученых, отмечается потепление в Шотландии, Финляндии и Англии от 4400 до 4000 лет (там же, с. 53). Следовательно, периоды потепления характерны не только для юга Западной Сибири, но и в целом для всего Евразийского континента.

Изменения климата в сторону потепления заметны по некоторым памятникам Западной Сибири, особенно по топографии в их расположении (Окладников А.П., Молодин В.И., Волков И.А., 1979, с. 120). Особенно четко это прослеживается на андроновских поселениях (Могильников В.А., 1983; Потемкина Т.М., 1979). Острую дискуссию вызвало предположение о возможных смещениях ландшафтных зон в эпоху бронзы. Не останавливаясь подробно на всех сторонах этой дискуссии, поскольку она достаточно подробно освещена в печати, заметим, что наиболее развернутая аргументация в ее защиту была дана в ряде работ М.Ф. Косарева (1964; 1971; 1972; 1973; 1974; 1981 и т.д.). Правда, в последней монографии он несколько более осторожно говорит о внедрении в таежную зону в периоды сухих фаз, способствующих выгоранию участков тайги, луговых и лугово-степных пространств, удобных для земледелия и скотоводства (1984, с. 40).

Эта точка зрения имеет как своих сторонников, так и своих противников. Возможные сдвиги ландшафтных зон отмечали О.Н. Бадер (1940; 1950; 1974) и А.Х. Халиков (1974). Для Северного Казахстана ее обосновывают М.К. Хабдулина и Г.Б. Зданович (1984). Противоположная точка зрения наиболее полно аргументирована в работах Н.А. Хотинского и его коллег, которые считают, что сколько-нибудь значительного сдвига границы между лесом и степью во второй половине голоцена (последние 4500 лет) на юге Западной Сибири не происходило (1977, с. 105; 1979, с. 11). Граница между лесом и степью, по их мнению, остается относительно стабильной, что противоречит представлениям о проникновении степей на север в суббореальном периоде (1979, с. 12).

В развитии этой дискуссии нами был собран дополнительный материал естественно-географического характера (почвенные, спорово-пыльцевые, ксилотомический и зоологические анализы и определения) в районах Васюганья и Верхнего Приобья, который позволяет более определенно высказаться по этой проблеме. Рассматриваемые материалы были получены при раскопках на памятниках оз. Тух-Эмтор (поселения Тух-Эмтор IV и Тух-Сигат IV), на оз. Шапочное (поселение Малгет) и оз. Иткуль (поселения Костенкова Избушка и Коровья Пристань III). Особенности Васюганья будут рассмотрены в отдельной работе, здесь я остановлюсь только на алтайских материалах.

Для оз. Иткуль прослеживается следующая картина. Памятники энеолита приурочены к поверхности или сглаженному уступу древней террасы Оби (Большой Мыс, Ляпустин Мыс, Озерки Восточные), что отражает высокое положение уровня грунтовых вод и, следовательно, уровня воды в озере. В эпоху ранней бронзы произошло значительное (5–6 м) понижение уровня воды в озере. Прибрежная отмель, сложенная буроватой глиной, сильно карбонатной и заметно песчаниковой глиной, вышла из-под воды, сформировалась озерная терраса, уступы и бровка которой хорошо выражены в рельефе в результате сильной абразии при низком положении уровня озера. Резкое понижение уровня озера, очевидно, связано с уменьшением поверхностного стока вследствие усилившейся аридизации климата (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1986, с. 85–86).

Эти данные хорошо совпадают с суббореальным периодом, время которого по А.В. Шнитникову – конец III – начало II тыс. до н.э. (1957), а по Н.А. Хотинскому – 3400–4200 лет назад (1977, с. 180). В какой-то период своего существования озеро было бессточным и солоноватым, о чем свидетельствуют следующие факты. Породы озерной террасы интенсивно засолены. Грунтовые воды в них имеют минерализацию более 1,2 г/л и содержат ионы (мг/л) хлора 136, сульфата 70, гидрокарбоната 671, кальция 210, магния 182,4, ионов натрия нет. Видимо, прорыв этой озерной системы и последующий постоянный сток воды (в настоящее время из озер Большой и Малый Иткуль вытекает небольшая речка Иткуль) произошел в энеолите, чему способствовал высокий уровень воды.

Если принять эту точку зрения, то становится понятным, почему эти озера не были освоены в эпоху неолита. В связи с понижением уровня воды человек заселял низкие участки озерной террасы. Поселения ранней бронзы Озерки Восточные, Костенкова Избушка, Коровья Пристань I, II, III ныне частично заливаются в весеннее время. Раскапывать их можно только в конце лета, да и то не всегда, или в засушливые годы после малоснежных зим. А если учесть, что находки этого времени залегают в основном на глубине от 0,6 до 0,8 м, то следует считать, что уровень воды в озерах был значительно ниже, чем в настоящее время. Трудно предположить, что уровень воды в озере изменился только за счет отмирания планктона, оседающего на дно. Толща илистых отложений оз. Иткуль уступает мощности отложений на озерах Малгет, Шапочное и Тух-Эмтор (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1979). Видимо, более низкий уровень воды в озерах следует объяснить более сухим климатом в эпоху ранней бронзы, чем в настоящее время. Зимы тогда были малоснежными, летних осадков немного, уровень воды в озерах, зависящий от весенних паводков, был низок, а к осени понижался и еще больше.

А.М. Малолетко на поселении Коровья Пристань III в слое, относящемся к ранней бронзе, были отобраны известковые конкреции, которые свидетельствуют о сухом и относительно прохладном климате (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1986, с. 85–86). Эти выводы находят подтверждение и в работе Н.А. Хотинского (1977, с. 180, рис. 49). Особенностью этих поселений является полное отсутствие следов зимних жилищ. Видимо, более благоприятные условия и не требовали долговременных жилищ типа землянок и полуземлянок. Такая же особенность характерна для лесостепного Поишимья. Здесь пока не известны жилища самусько-сейминской эпохи (Косарев М.Ф., 1981, с. 89). Этот район чрезвычайно близок к Верхнему Приобью территориально и по своим климатическим условиям, видимо, не отличался от него. В.И. Молодин, давая физико-географическую характеристику Барабы, отмечает периоды изменения климата: в III тыс. до н.э. в сторону увлажнения, а во II тыс. – в сторону потепления (1985, с. 10).

Подводя итоги, можно сделать вывод, что в энеолитическое время и в бронзовом веке в Верхнем Приобье, как и в целом по Сибири, наблюдаются колебания климата: в III тыс. до н.э. в сторону увлажнения, а во II тыс. до н.э. в сторону потепления и большей сухости. С первым периодом связаны подъемы уровня воды, а со вторым – резкое его падение, что хорошо прослеживается по топографии поселений. Существенных изменений в природной обстановке в лесостепной части Верхнего Приобья, скорее всего, не было. Подобную картину фиксирует для Среднего Приобья Т.М. Потемкина (1979, с. 60). Видимо, изменения на этой стадии засушливого климата могли происходить в степных районах Западной Сибири, в частности в Кулундинских степях и в Казахстане.

В вопросах культурной принадлежности автор пользуется определением, данным Н.С. Каменецким (1970, с. 29), но учитывает мнения других специалистов, высказанные по этой проблеме, в частности М.В. Аниковича (1981), В.М. Массона (1976), А.П. Смирнова (1964) и других. При этом автор, конечно же, учитывает изменчивость традиций и рассматривает культуры энеолита и раннего бронзового века в их развитии.

Автор сознательно отказался от историографии и истории археологических исследований в регионе. Дело в том, что М.А. Деминьм рассмотрен дореволюционный период изучения археологических памятников Алтая (1981; 1989), а А.П. Уманским обобщены данные по исследованиям на территории Алтайского края за 50 лет советской власти (1969). Мною совместно с А.Б. Шамшиным подробно рассмотрена в специальной статье история изучения археологических памятников энеолита и бронзового века лесостепного и степного Алтая (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1992).

При обработке материалов автор использовал традиционные методы: статистический, статистико-комбинаторный, типологический, а также комплексный метод исследования, включающий в себя антропологические, этнографические, медико-биологические и естественно-географические данные и источники. Кроме того, для объективной оценки природных условий прошлого и влияния их на хозяйственную деятельность человека, для выяснения изменений в хозяйственном укладе и домашних производствах применялись методы естественных и технических наук: почвенные, спорово-пыльцевые, палеозоологические, петрографические и минералогические анализы и определения, а также комплексный палеогеографический анализ. Палеозоологические определения были выполнены Т.В. Калашниковой и А.В. Гальченко при консультации Н.М. Ермоловой и Н.Д. Оводова, материалы Березовой Луки – П.А. Косинцевым, антропологические определения – В.А. Дремовым. Радиоуглеродные датировки получены в лаборатории Института геологии и геофизики СО РАН Л.В. Фирсовым, В.А. Панычевым и Л.А. Орловой в лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии СО РАН. Для определения функционального назначения многих каменных изделий использовались данные трасологического анализа, полученные Н.Ю. Кунгуровой при консультации Г.Ф. Коробковой.

Рисунки выполнены Н.Ю. Кунгуровой, А.Л. Кунгуровым и О.А. Семибратовой.

Глава 1

ЭНЕОЛИТ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

1.1. К ВОПРОСУ О ТЕРМИНЕ «ЭНЕОЛИТ», ЕГО ХРОНОЛОГИИ И ЗНАЧЕНИИ

Особый переходный период между неолитом и бронзовым веком был выделен еще во второй половине XIX в., т.е. более ста лет назад. В 1876 г. на международном конгрессе по археологии и антропологии в Будапеште венгерский археолог Ф. Пульский предложил признать существование медного века между каменным и бронзовым (Монгайт А.Л., 1973, с. 30; Рындина Н.В., 1978, с. 78). Ф. Пульский имел в виду период использования первобытным человеком самородной меди как разновидности камня. Московский археолог Н.В. Рындина, посвятившая данной проблеме специальную статью, пишет: «...ограниченные возможности получения и обработки самородного металла предопределяли, по мнению Ф. Пульского, во-первых, преобладание камня над металлом; во-вторых, использование металла преимущественно в производстве мелких орудий и украшений. Эпоха бронзы по Ф. Пульскому характеризуется открытием действительной металлургии, т.е. производством меди из руд и получением искусственных сплавов. Только с этого момента металл получает полное техническое преимущество над камнем» (Рындина Н.В., 1978, с. 78).

Итальянские археологи Л. Пигорини, Дж. Колини и П. Орси в своих работах ввели новый термин для обозначения эпохи между каменным и бронзовыми веками – «энеолит», который более соответствовал содержанию рассматриваемого периода (Монгайт, 1973, с. 30). О. Монтелиус в своей периодизации бронзового века Северной Европы разделил его на шесть периодов, первый из которых соответствовал энеолиту, или медному веку в периодизации других археологов (Монгайт А.Л., 1973, с. 30–31). В. Уайльд (1863) и М. Мух (1886) отмечали различия между медными и бронзовыми орудиями в Европе (Монгайт А.Л., 1973, с. 30). В конце XIX в. с началом применения методов естественных наук в археологии, в частности химии, стало возможным научно обосновать энеолит как особую стадию в технологической истории человечества (Монгайт А.Л., 1973, с. 30; Мерперт Н.Я., 1981, с. 9–10). В вышедшей в 1889 г. работе крупнейшего французского химика Пьера Барселена Бертелло (Бертло) «Введение в изучение химии древних и средних веков» на основании химического анализа древних бронзовых вещей Египта, Месопотамии, Европы было доказано, что древнейшие металлические орудия сделаны не из бронзы, а из меди (Монгайт А.Л., 1973, с. 30; Мерперт Н.Я., 1981, с. 10).

Английским историком металлургии Г.Г. Когленом выделено четыре фазы в развитии древней металлургии и металлообработки: 1-я фаза характеризуется применением самородной меди, обрабатываемой сначала холодной деформацией, позднее горячей деформацией во всех ее разновидностях; 2-я фаза начинается с открытия плавления самородной меди и появления первых изделий, отлитых в открытой форме; на 3-й фазе осваивается выплавка меди из руд, появляется литье в разъемных и составных формах; 4-я фаза знаменуется переходом к искусственным сплавам (бронзам).

Русский археолог В.А. Городцов в своей периодизации ввел термин «ранняя пора палеометаллической эпохи», что соответствует понятию «энеолит». В.А. Городцов писал: «Ранняя пора характеризуется литыми медными орудиями. В начале поры их было мало: господствовали каменные орудия, достигшие как раз в это время высшего совершенства, но в конце поры число медных орудий значительно увеличивается» (Городцов В.А., 1923, с. 29). Е.Н. Черных в одной из своих работ предлагает, несколько видоизменив тер-

мин В.А. Городцова «палеометаллическая эпоха», назвать время появления и употребления медных и бронзовых орудий медным веком или эпохой раннего металла (1965, с. 108).

Эпоха раннего металла, по его мнению, должна подразделяться на два этапа: 1) этап употребления собственно медных орудий (этап меди); 2) этап употребления бронзовых орудий (этап бронзы) (Черных Е.Н., 1965, с. 109). В более поздней работе он называет первый этап энеолитом, а второй – бронзовый век – он делит на три фазы: ранний бронзовый век, средний бронзовый век и поздний бронзовый век (Черных Е.Н., 1978). Н.Я. Мерперт пишет, что как бы ни обогащалось понятие «энеолит», с какими бы экономическими и культурными явлениями ни сопрягалось оно на конкретных территориях, основные общие его принципы и, соответственно, критерии выделения этого периода остаются подчиненными классификации по материалу орудий и технологическому принципу (Мерперт Н.Я., 1981, с. 11).

Н.В. Рындина считает оправданным выделение энеолита как особого периода. В частности, она пишет: «Огромные производственные и социальные изменения, которые повлекли за собой использование меди и позднее бронзы, делают оправданным выделение в истории первобытного общества двух самостоятельных этапов: медно-каменного века, или энеолита, и бронзового века» (Рындина Н.В., 1978, с. 75). В.М. Массон и Р.М. Мунчаев для определения энеолита используют экономические показатели, утверждая: «По критериям археологической периодизации под энеолитом следует подразумевать эпоху внедрения и широкого использования медных изделий, приводящих, как правило, к деградации кремневых индустрий, объединению наборов в каменных орудиях. Вместе с тем выделяемые на основании археологических критериев энеолитические комплексы соответствуют определенной эпохе в развитии древних культур, характеризующейся в первую очередь интенсивным развитием производящей экономики в лице земледелия и скотоводства, в различных их сочетаниях и сопутствующих новому образу жизни культурных инноваций, ярко проявляющихся в новых устойчивых наборах археологических типов. Наиболее ярко и отчетливо энеолитические комплексы представлены в южной зоне, где внедрение медных орудий позволило земледельцам и скотоводам достигнуть значительных успехов в развитии производства, тогда как для зоны охотников, рыболовов и собирателей аналогичный сдвиг происходит, да и то не всегда, с внедрением металлургии бронзы» (Массон В.М., Мунчаев Р.М., 1977, с. 10). Н.Я. Мерперт считает, что эти положения справедливы для характеристики энеолитического периода, но для его выделения, а не для определения основных отличий его от предшествующего периода (Мерперт Н.Я., 1981, с. 6).

В.М. Массон во введении к тому «Энеолит» многотомной «Археологии СССР» отмечает следующее: «Учитывая, что энеолит выделяется, как правило, на основании археологических материалов, его следует рассматривать как понятие археологической науки, как археологический комплекс, в котором набор типов объектов отражает культурные стереотипы и инновации, соответствующие образу жизни оставивших этот комплекс древних племен... Энеолит – не плод отвлеченных кабинетных комбинаций, не какой-то случайный переходный период, а проявление в конкретном археологическом материале реальной исторической эпохи... По критериям археологической периодизации под энеолитом следует понимать эпоху широкого внедрения и широкого использования медных изделий, приводящих, как правило, к деградации кремневой индустрии, обеднению наборов каменных орудий. Энеолитические археологические комплексы, выделяемые на основании археологических критериев, соответствуют определенной эпохе в развитии древних культур, характеризующейся в первую очередь интенсивным развитием производящей экономики – земледелия и скотоводства в различных их сочетаниях –

и сопутствующими новому образу жизни культурными инновациями, ярко проявившимися в новых устойчивых наборах археологических типов... Этот набор типов в сочетании с медными и деградирующими кремневыми изделиями (отсутствие геометрических микролитов как массовых серий и ряд других признаков) и характеризует археологические комплексы энеолитического типа» (Массон В.М., 1982, с. 7).

Таким образом, в советской археологической литературе утвердилось мнение о том, что энеолит – объективная, реально существовавшая эпоха в развитии первобытного общества. Сложнее обстоит дело с определением четкой границы между неолитом и энеолитом и времени существования энеолитических культур в различных природно-географических зонах. Так, В.И. Равдоникас считал, что к неолиту следует относить памятники севера европейской части СССР, в которых встречены изделия из меди и даже бронзы (Равдоникас В.И., 1947, с. 151).

А.Я. Брюсов под термином «неолит» понимал значение, придававшееся ему О. Монтелиусом, и относил к неолиту такие культуры, в которых медно-бронзовые орудия еще не начинают и не образуют типологических рядов местных форм, не могут оказаться в качестве вещей или в виде местных подражаний таким вещам (Брюсов А.Я., 1947, с. 15). «Нижнюю (позднюю) границу неолита образуют в этом случае, для данной области или культуры, начало местного производства металлических изделий, различные категории которых образуют в дальнейшем местные типологические ряды» (Брюсов А.Я., 1952, с. 5).

Б.Г. Тихонов, поддерживая в основном выводы А.Я. Брюсова, считает, что энеолитом называется период, начинающийся с момента появления первых металлических орудий, возникших самостоятельно или полученных из другого металлургического центра, и заканчивается появлением местной обработки металла. Основной чертой энеолита, по его мнению, является эмпирическое установление свойств металла, освоение навыков металлургического производства, т.е. техникиковки и литья, а в некоторых местах даже добычи и плавки руд. С освоением местного производства металлических изделий начинается эпоха бронзы (Тихонов Б.Г., 1960, с. 86–88). Б.Г. Тихонов здесь допускает существование энеолита, но эпоха бронзы начинается с местного ее производства. Чайлд В. Гордон писал о том, что неолит оканчивается с появлением меди вне зависимости от степени ее применения, наличие даже единичных медных предметов позволяет считать культуры энеолитическими (Гордон Ч.В., 1952, с. 40). М.Е. Фосс высказал мнение, что сам факт появления меди в любой форме был крупнейшим событием в первобытном обществе и знаменовал окончание неолита и начало новой, отличной от предшествующей, эпохи (Фосс М.Е., 1949, с. 34).

Рассматривая вопрос о разделении неолита и энеолита, Н.В. Рындина утверждает, что в ранних металлоносных культурах, носители которых делают первые шаги в освоении металла и не знают способов его упрочнения, медь находит применение только в производстве украшений и в меньшей степени орудий колющего и режущего действия – шильев, рыболовных крючков, ножей. Топоры и другие орудия рубящего и ударного действия (тесла, мотыги, долота, молоты) получают распространение только в связи с открытием эффекта упрочнения меди ковкой. Исходя из этих наблюдений Н.В. Рындина предполагает, что наиболее оправданным следует считать неолитические культуры, в инвентаре которых на фоне господства кремневой индустрии зафиксировано спорадическое появление меди в форме украшений и колюще-режущих орудий. С энеолитом наиболее естественно связывать культуры, которым присуще широкое внедрение металла в производство и прежде всего появление орудий и оружия ударного действия (Рындина Н.В., 1978, с. 80). Эту точку зрения поддерживает Н.Я. Мерперт (1981, с. 13). В.М. Массон же во введении к тому «Энеолит СССР» совершенно справедливо, на наш взгляд, отмечает

«Однако следует иметь в виду, что в руки исследователей попадает лишь определенная выборка древних изделий, состав которой во многом обусловлен источником информации. Так, при раскопках могил это будут в первую очередь украшения; крупные металлические изделия неизменно шли в переплавку и лишь в редких случаях попадали в состав культурного слоя, обычно представляющего собой по существу бытовой мусор» (1982, с. 6). С этим выводом мы полностью согласны, добавим лишь то, что едва ли в районах, где не было своих медных источников, могли выбросить испорченное крупное орудие или оружие, потерять его или даже положить в могилу. Такие вещи, скорее всего, использовались для изготовления новых изделий.

В Западной Сибири для памятников переходного времени ситуация выглядит еще сложнее. По отношению к памятникам афанасьевской культуры нет никаких сомнений. Все единодушно называют их энеолитическими, как и саму культуру в целом (Грязнов М.П., Вадецкая Э.Б., 1968; Цыб С.В., 1984). Правда, С.В. Киселев писал, что она существует в самом начале бронзового века (1949, с. 6), а Е.Н. Черных считает, что афанасьевские медные орудия появляются в конце ранней бронзы, не ранее середины III тыс. до н.э. (1978, с. 71). Что же касается памятников в степной, лесостепной, южнотаежной и таежной зонах Западной Сибири, то об их принадлежности к определенным периодам имеются различные точки зрения. В частности, В.И. Матющенко придерживается точки зрения А.Я. Брюсова, отрицая переходный период от каменного века к бронзовому. По его мнению, верхнеобская неолитическая культура и самусьская с высокоразвитым бронзолитейным производством хронологически смыкаются (Матющенко В.И., 1973, с. 108). Отдельные металлические предметы не могли изменить экономических основ общества (1973, с. 97).

М.Ф. Косарев для обозначения переходных памятников рубежа III–II тыс. до н.э. лесостепного и южнотаежного Приобья ввел термин «эпоха раннего металла» (1974, с. 19). Этот термин применяется В.И. Молодиным для обозначения памятников конца III – начала II тыс. до н.э. (1975, с. 17–18; он же, 1977, с. 35–48). Этот термин употреблял и автор для обозначения памятников первой четверти II тыс. до н.э. в Васюганье (Кирюшин Ю.Ф., 1976, с. 3–7; Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1979, с. 67–92). Позднее М.Ф. Косарев использует термин «переходное время от неолита к бронзовому веку» и «энеолит», часто заменяемый термином «ранний металл», и наоборот, что, на наш взгляд, только усложняет обозначение синхронных памятников (Косарев М.Ф., 1981). Е.А. Васильев для обозначения памятников начала II тыс. до н.э. бассейна р. Вах употребляет термин «энеолит», отмечая, правда, что медные вещи здесь пока не найдены, но он исходит из учета характера материала в целом (Васильев Е.А., 1972, с. 3–4). Он также поддерживает точку зрения Н.Н. Гуриной (Гурина Н.Н., 1978, с. 8) о выделении эпохи энеолита и ранней бронзы (Васильев Е.А., 1978, с. 3).

Неудобство ранее используемого термина «эпоха раннего металла» в том, что он по сути дела объединяет две эпохи: энеолит и раннюю бронзу. Видимо, теперь, когда накоплен достаточный материал, подтверждающий знакомство населения переходного периода от неолита к бронзе с металлическими изделиями, использование этих изделий, а в некоторых районах и их получение, настало время отказаться от термина «эпоха раннего металла», тем более, что Е.Н. Черных убедительно показал, что всю эпоху бронзы следует считать ранним металлом и принять периодизацию, которая делит эпоху раннего металла на два этапа: энеолит и бронзовый век, последний подразделяется на ранний, средний и поздний (Черных Е.Н., 1978, с. 105).

Говоря о времени появления энеолитических памятников и культур на территории Западной Сибири, следует отметить, что этот переход от неолита к энеолиту совершился не одновременно. На юге Западной Сибири, где были более благоприятные природные

условия, в том числе соседство с племенами энеолитической афанасьевской культуры, этот переход завершился, конечно, раньше, в южнотаежной и таежной зонах несколько позднее. Видимо, для определения времени появления энеолита на юге Западной Сибири следует принять точку зрения М.П. Грязнова, который писал о том, что в Южной Сибири появление и становление энеолита совпадают с другим важным нововведением: земледелием и скотоводством. Первые медные изделия, такие как иглы, булавки, небольшие ножи, долота, утверждал М.П. Грязнов, сходны с изделиям энеолитических памятников европейской части СССР (Griaznov M, 1969, p. 45–46). Нижняя граница энеолита, на наш взгляд, определяется появлением первых металлических орудий и зачаточных форм скотоводства. О существовании земледелия на юге Западной Сибири мы не имеем прямых данных. Сейчас, когда получены серии радиоуглеродных дат по афанасьевским памятникам Горного Алтая и Хакасии, мы можем говорить и о времени появления ранних энеолитических памятников Западной Сибири. Так, для Алтая наиболее ранняя дата дала возраст 5100±50 лет, или 3150±50 г. до н.э. (Je-1607), а по Хакасии 4820±50 лет, или 2870±50 г. до н.э. (Je-2093) (Ермолова М.Н., Марков Ю.Н., 1983; Кирюшин Ю.Ф., 1985, с. 47). С учетом корреляции эти даты удревняются до начала IV тыс. до н.э. (Ермолова М.Н., Марков Ю.Н., 1983, с. 96). Следовательно, появление энеолитических памятников в Южной Сибири следует относить к первой половине IV тыс. до н.э.

Для северных районов границей энеолита, по нашему мнению, следует считать появление первых металлических изделий. В этих районах, где нет ни своего камня, ни медных руд, металлические орудия и оружие очень быстро вытесняют привозные каменные, что очень хорошо прослеживается по материалам Васюганья (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1979). Особенностью памятников этого региона является почти абсолютное преобладание поселений, могильники чрезвычайно редки и малочисленны, поэтому находки металлических предметов или их обломков буквально единичны. Их редко теряли, а тем более выбрасывали. Следы обработки изделий приемами холодной и горячейковки на поселениях обнаружить практически невозможно, поэтому высокий уровень литейного производства начала II тыс. до н.э. в южнотаежной зоне Приобья был невозможен без предшествующих периодов, характеризующих первоначальными приемами обработки металла. Продолжительность эпохи энеолита в южнотаежной зоне могла быть меньшей, чем на юге, так как население этого региона пользовалось уже готовыми открытиями и не прошло длительный путь к их появлению. С другой стороны, и сама эпоха могла наступить несколько позднее. На это время приходится значительное возрастание роли рыболовства в хозяйстве, что давало более надежный источник существования и способствовало росту и оседлости населения. Я полностью поддерживаю М.Ф. Косарева, считающего, что рыболовство по объему добываемого продукта, технической оснащенности и ряду других признаков более других присваивающих промыслов приближается к производящему хозяйству, особенно к земледелию (Косарев М.Ф., 1984, с. 50). Не исключено, что как раз переход к энеолиту благоприятствовал расцвету рыболовческого хозяйства. Видимо, это так же, как и на юге, способствовало резкому росту населения, что могло приводить к военным столкновениям из-за охотничьих и рыболовческих угодий. Для этого времени характерно появление укрепленных поселков-городов, которых нет в предшествующую эпоху (Морозов В.М., Стефанов В.И., 1989, с. 155–158). В абсолютных датах это будет скорее всего III тыс. до н.э. По одному из жилищ (№1) поселения Тух-Сигат IV, в верховьях р. Васюган, была получена радиоуглеродная дата, которая дала возраст 4690±100 лет, или 2740 лет до н.э. (СО АН-1463) (Кирюшин Ю.Ф., Посредников В.А., Фирсов Л.В., 1981, с. 30). Ранний комплекс этого поселения, в том числе и это жилище, относится к эпохе энеолита. Здесь встречена типичная керамика и металлические лезвия составных ножей.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что население Западной Сибири в своем развитии прошло те же стадии, что и население других регионов нашей страны и древних цивилизаций в целом. Начало эпохи энеолита в Южной Сибири пришлось на первую половину IV тыс. до н.э. и совпало с развитием и становлением производящих форм хозяйства, которые способствовали росту населения. Численность энеолитических памятников предгорий Алтая в несколько раз больше, чем неолитических. В северных районах эта эпоха началась несколько позднее, в III тыс. до н.э. и способствовала, видимо, совершенствованию традиционных форм хозяйства, а также привела к росту населения, о чем свидетельствуют резкое увеличение памятников и появление укрепленных поселений.

Таким образом, давая понятие термину «энеолит», мы используем точку зрения В.М. Массона, изложенную им во введении к тому «Энеолит СССР» (1982, с. 7), а в периодизации бронзового века применяем четырехчленную периодизацию, предложенную Е.Н. Чернышом: энеолит, ранняя бронза, развитая бронза и поздняя бронза (1978, с. 109).

1.2. ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В БАРНАУЛЬСКО-БИЙСКОМ ПРИОБЬЕ

Энеолитические памятники этого района были открыты более 30 лет назад в результате работ Б.Х. Кадикова в предгорной зоне Алтая (Кадиков Б.Х., 1959, с. 18–19; Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Ф., 1980, с. 59–61), но длительное время они оставались или неизвестными, или без достаточной аргументации относились к эпохе неолита (Матющенко В.И., 1973). Стационарные работы автора на оз. Иткуль (Кирюшин Ю.Ф., 1980, с. 208–209; 1983, с. 201–202; Кирюшин Ю.Ф., Шемякина А.С., 1979, с. 229–230) и на комплексе поселений у деревень Павловка и Алексеевка в верховьях Барнаулки и Касмалы (Кирюшин Ю.Ф., Масленникова Г.В., Шамшин А.Б., 1981, с. 180) позволили выделить памятники или отдельные комплексы на многослойных, которые занимают промежуточное положение между неолитическими и памятниками эпохи бронзы, т.е. относятся к эпохе энеолита. В большинстве своем это поселения: Костенкова Избушка, Ляпустин Мыс, Коровья Пристань III, Городище I на оз. Иткуль, Комарово I на р. Иткуль, Малоугренево, Енисейское, Чебашиха и Камешок I на Бие, Бехтемир, Долгая Грива, Одинцовка, Фоминское, Быстрый Исток, Вихоревка, Пасечное, Волчиха, Цыганкова Сопка, Павловка I, III, VI, VIII, Алексеевка I, Чудацкая гора, Новоалтайск, Фирсово XI, XIV на Оби (рис. 1) (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А., 1992; Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., 1999; Кунгуров А.Л., 1999; Шамшин А.Б., 1993, 1997; Шмидт А.В., 2000). Памятники на озере и реке Иткуль полностью или в большей степени раскопаны.

Большое количество энеолитических памятников известно сейчас в западной части Алтайского края. Так, в Завьяловском районе по берегам многочисленных озер обнаружено около двух десятков поселений и стоянок, к сожалению, нередко уже перевеянных ветрами. Автором в 1982 г. было проведено обследование известных ранее памятников и открыт ряд новых (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1992, с. 208). Наибольшее количество энеолитической керамики и каменных изделий, относящихся к большемысской культуре, дали поселения Крутлое Озеро I, II, III у с. Гилевка, Тамбовское, Харитоново III, Вознесенское I, Пестряково Озеро и другие (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 2000, с. 22–27). В Мамонтовском районе у пос. Шипуновка на южном берегу оз. Большое Островное в песчаном карьере обнаружен клад из пяти каменных ножей, изготовленных из кварцитовидного сливного песчаника серого цвета (Кирюшин Ю.Ф., 1995, с. 48–51).

Крупные комплексы энеолитических памятников были открыты и обследованы в юго-западной части Алтайского края и прилегающих районах Республики Казахстан. Наиболее интересный из них изучен экспедицией АГУ в 1980-е гг. в Угловском районе. Это поселения и стоянки Павловка I, II, IV, VI, VIII, XII, Алексеевка I, V, Коростели 1, 3,

разрушенный могильник Павловка III (Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А., 1985; Клюкин Г.А., 1991). Поселения и стоянки Перешеечное VI, VII, Ненашево 3, Первомайский, Песчаный Борок, Сибирь II в Новогорьевском районе, Новенькое 1, 7, 15, 20, Калантьерь 13, 15, Гилево 4 в Локтевском районе, поселения Бахчи 6, 8, 9, 10, 11 у с. Аул Бородулинского района Семипалатинской области республики Казахстан (Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А., 1985; Клюкин Г.А., 1991; Могильников В.А., 1977, 1998). Эти памятники протянулись широкой полосой от Казахстана к северу по берегам многочисленных озер между речками Барнаулкой и Касмалой (рис. 1). Многочисленный керамический и каменный материал получен из небольших раскопок или собран на раздуваемых культурных слоях этих памятников.

В последние годы в окрестностях Барнаула при исследовании или обследовании разновременных памятников собрано большое количество находок, отнесенных А.В. Шмидтом к большемысским. В своей публикации он упоминает одиннадцать таких пунктов (А.В. Шмидт, 1997, с. 50–53).

Известно пока лишь три могильника этого времени: Большой Мыс, Костенкова Избушка на оз. Иткуль (Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х., 2000) и Фирсово XI на правом берегу Оби в окрестностях Барнаула (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., Нехведавичус Г.Л., 1994, с. 106, рис. 2; Шамшин А.Б., 1997). Могильник Павловка III был полностью разрушен ветровой эрозией, удалось собрать лишь фрагменты от нескольких сосудов и каменные изделия. Одно погребение обнаружено в Рубцовском районе вблизи устья р. Склоуха. Находка монолитом была доставлена в музей с. Бобково, где в сентябре 1991 г. была произведена ее расчистка А.А. Тишкиным, который условно обозначил это погребение по названию близлежащей старицы Долгая и опубликовал полученные материалы (Тишкин А.А., 1993, с. 98–102). В 1971 г. в небольшом овраге, выходящем к левому берегу Клепечихи, левого притока Алея, в одном километре к северо-западу от станции Шипуново пастухом Горбуновым был найден клад, состоящий из трех медных топоров (Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., 1996, с. 81–85). Все исследованные за эти годы памятники были выделены автором в большемысскую культуру (Кирюшин Ю.Ф., 1987, 1990 и др.).

1.2.1. Инвентарь

На рассматриваемых памятниках предгорной зоны Алтая получен многочисленный керамический, каменный и костяной инвентарь и отдельные металлические изделия. Но на самих памятниках этот инвентарь представлен далеко не равномерно, что объясняется в первую очередь неодинаковой их изученностью. Наиболее массовый инвентарь дали поселения Костенкова Избушка, где вскрытая площадь составила 2412 кв.м, Коровья Пристань III – более 1000 кв.м, Ляпустин Мыс (вскрыто около 400 кв.м), поселение Комарово I (вскрыто 420 кв.м). Первое место по численности и разнообразию занимает керамика. Только на поселении Костенкова Избушка встречены развалы и фрагменты более чем от 146 сосудов.

1.2.1.1. Керамика. Все сосуды изготовлены методом наращивания лент, а приоттенное или крутлое днище делалось из целого куска глины и крепилось затем к сосуду. Сосуды имеют круглодонную и слегка остродонную форму. У подавляющего большинства сосудов тонкие стенки – от 0,4–0,5 до 0,7–0,8 см в придонной части и днища, утолщенные до 1,0–1,2 см, высота сосудов равна или несколько больше диаметра венчика. Сосуды хорошего обжига и имеют красный, серый и темно-коричневый цвет. В качестве отощителя использовались крупнозернистый песок и мелко дробленный камень. Снаружи они тщательно заматы, а изнутри затерты щепкой или пучком травы. По технике нанесения орнамента всю керамику можно разделить на три группы.

Первая группа. Сюда выделена подавляющая часть сосудов. В частности, на поселении Костенкова Избушка из 145 восстановленных сосудов – 120, на поселении Комарово, кроме трех, все остальные, на других памятниках – буквально все (рис. 2-14; 15-2-5; 16; 17, 18-4, 19-3-5). Это остродонные или круглодонные сосуды, украшенные отпечатками гладкой и гребенчатой качалки (рис. 2-3), оттисками отступающей или шагающей гребенки (рис. 2-2, 4, 5). Эти отпечатки образуют чаще горизонтальные (рис. 2-3) или наклонные линии (рис. 4-3, 8-1), а в придонной части иногда вертикальные (рис. 9-3; 11). По венчику и шейке некоторые сосуды украшены резными линиями, образующими ряды сетки (рис. 2-3; 4; 7; 10), зигзаг (рис. 3-2; 3; 4-1), взаимопроникающие треугольники (рис. 4-1), ромбы (рис. 4-8), треугольники (рис. 3-3), иногда просто вертикальными или наклонными резными линиями (рис. 6-3; 8-1) или просто насечками (рис. 3-1; 4-2). Реже встречаются отпечатки угла дощечки или палочки (рис. 2-1, 2), в двух случаях ряд ямок (рис. 3-3) и в одном – один ряд жемчужин (рис. 15-4). В целом же и ямки и жемчужины для этой керамики не характерны. Сосуды этой группы имеют иногда слегка отогнутый наружу венчик и приостренное дно (рис. 2-3; 4). Днища некоторых сосудов имеют реповидную форму (рис. 3-2-4). Доля гладкой качалки в орнаментации посуды на памятниках оз. Иткуль не превышает 25–30%, а на других она еще ниже – не более 10–15%. В некоторых случаях хорошо видно, как шагающая гребенка переходит в отступающую (рис. 3-2).

На днищах некоторых сосудов имеются солярные изображения, представляющие собой линии отступающей или шагающей гребенки, расходящиеся от центра дна в разные стороны (рис. 9-3; 11-1). Фрагменты сосуда этой группы, украшенного по венчику двумя рядами отпечатками угла палочки и по тулову наклонными рядами гладкой качалки, разделенными горизонтальными (рис. 4-3), найден в могиле 5 на Костенковой Избушке. Один из сосудов этой группы с Павловки III, украшенный вертикальными рядами из гладкой качалки, имел в верхней части небольшие вертикальные налепы, разделенные четырьмя желобками, напоминающими антропоморфные изображения (рис. 18-4). Фрагменты сосудов этой группы встречаются и на всех памятниках, протянувшихся полосой от Казахстана до Камня-на-Оби. Керамика этой группы обнаружена Н.Ф. Степановой на поселении Малый Дуган в Горном Алтае в устье Куяма, правого притока Катуня (рис. 60-1-6), и Н.Ю. Кунгуровой на поселении Усть-Куям (рис. 60-7, 9) (Кунгурова Н.Ю., 1991, рис. 7).

Сосуды этой группы, украшенные отпечатками отступающей и шагающей гребенки, образующими горизонтальные и волнистые ряды, находят ближайšie аналоги по форме и орнаментации в энеолитической керамике Томско-Чулымского региона (Косарев М.Ф., 1981, рис. 19). Известна там и гладкая качалка, но чрезвычайно редко и вместе с рядами ямок (Косарев М.Ф., 1981, рис. 20-4, 19-20). Орнамент, нанесенный зубчатой качалкой, обнаружен на посуде афанасьевских памятников Горного Алтая (рис. 52, 53; Кирюшин Ю.Ф., Посредников В.А., Фирсов Л.В., 1981, рис. 3; Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982, рис. 4-4, 17; 9-2; 10-12; 11-2). Причем на афанасьевской посуде встречается и резная техника нанесения орнамента (Кирюшин Ю.Ф., Посредников В.А. Фирсов Л.В., 1981, рис. 3).

Посуда с гребенчатой качалкой в небольшом количестве встречается в переходное время от неолита к бронзовому веку в Среднем Приобье (Косарев М.Ф., 1984, рис. 1-1), лесостепном Тоболо-Иртыше (Косарев М.Ф., 1984, рис. 2-1) и в позднем неолите лесостепного Приобья (Потемкина Т.М., 1985, рис. 106-2). Керамика, орнаментированная гребенчатой качалкой, образующей горизонтальные или волнистые линии, зигзаги, найдена в раннеэнеолитическом могильнике у с. Съезжее на р. Самаре (Васильев И.Б., Матвеева Г.Н., 1979, рис. 7-9). Но, пожалуй, наибольшие аналогии этой группе керамики об-

наруживаются в посуде кельтеминарских памятников Средней Азии (Виноградов А.В., 1968). Так, на стоянке Джанбас 11 преобладает орнамент качалки, в которой основное место занимает зубчатая в самых разнообразных ее вариантах: крупная и мелкозубчатая, с длинным и коротким, частым и размашистым шагом (Виноградов А.В., 1968, с. 59, рис. 21-9-17). Встречается сочетание качалки с прочерненным орнаментом, образующим двойной зигзаг (там же, рис. 22-1), сетку (ромбическую решетку) (там же, с. 60, рис. 22-14). Гребенчатая качалка обнаружена в орнаментации керамики стоянки Байрам-Казган 4 (там же, с. 108, рис. 51-3), гладкая и зубчатая – на стоянке Мамур 3 Б (там же, с. 112, рис. 53-2, 5), шагающая гребенка и качалка – на стоянке Джингильды 6 (там же, рис. 55-8-12), гладкая качалка – на Гаджи-Казган 10 (там же, с. 123, рис. 56-25), на стоянке Карры-Кызыл 1 (Виноградов А.В., 1981, рис. 46), гладкая качалка и ряды сетки (ромбической решетки) – на Таджи-Казган 2 (Виноградов А.В., 1968, с. 121-122, рис. 56-23, 24), гладкая качалка на стоянке Лявлякан 125 (Виноградов А.В., Мамедов Э.Д., 1975, рис. 28-18), зубчатая качалка – на стоянке Аймора (Виноградов А.В., 1981, рис. 38-40). Зубчатой и гладкой качалкой орнаментирован ладьевидный сосуд из погребения 23 могильника Тумек-Кичиджик (там же, с. 111-114, рис. 52-49). Гладкая качалка присутствует в орнаментации сосуда с поселения Новочекино-3 в северной части лесостепной Барабы. В.И. Молодин и М.А. Чемякина относят комплекс, где найден этот сосуд, к раннему металлу (1984, рис. 2).

Вторая группа. Сюда выделены всего четыре сосуда, отличающиеся по технике нанесения орнамента. Они также тонкостенные, хорошо обожженные. Три из них украшены оттисками угла косо поставленного гребенчатого штампа (рис. 18-1, 2; 19-1). Сосуд из могильника Большой Мыс, найденный между могилами 7 и 8 на одном уровне с могильным заполнением, украшен по венчику треугольным зигзагом из отпечатков гребенчатого штампа и рядом ямок по шейке (рис. 18-1); второй, обнаруженный на поселении Ляпустин Мыс, имеет два ряда треугольного зигзага, по венчику и по тулову, и ряд ямок ниже шейки (рис. 18-2). Третий, с поселения Комарово, восстановлен не полностью (рис. 19-1). Отпечатки гребенки образуют здесь ряды елочки. К этой же группе отнесен сосуд с поселения Комарово, украшенный насечками, образующими ряды горизонтальной елочки, в придонной части резным орнаментом, тремя рядами овальных ямок в верхней части и одним в нижней (рис. 15-1) Эта керамика на поселениях найдена вместе с посудой первой группы. Посуда с подобной гребенчатой орнаментацией встречается на памятниках липчинской культуры в Восточном Зауралье (Бадер О.И., 1970, рис. 2-59-62), на памятниках Байрыкского этапа в Тюменском Приобье (Косарев М.Ф., 1981, рис. 16, 17). Сосуды, орнаментированные рядами косо поставленных насечек, образующих ряды елочки, обычны в орнаментации кельтеминарских памятников (Виноградов А.В., Мамедов Э.Д., 1975, рис. 12, 17, 25).

Третья группа. Сюда выделены сосуды с так называемым ложнотекстильным орнаментом. Эти сосуды более толстостенные, чем в первых двух группах. Они имеют круглое или уплощенное дно (рис. 18-3; 19-2; 20). Сосуды хорошего обжига, снаружи тщательно замты, а изнутри затерты щепкой или пучком травы. Эта посуда встречена на поселениях Костенкова Избушка, Комарово и на некоторых других. На Костенковой Избушке найдены фрагменты от 23-25 сосудов, в Комарово от 3-4 сосудов и на остальных единичные фрагменты. По венчику и шейке сосуды украшены насечками, овальными лунками, резными линиями (рис. 19-2; 20). Иногда украшалась и закраина венчика (рис. 20-1, 2). В некоторых случаях резные линии образуют узоры, похожие на антропоморфные изображения (рис. 20-2). Керамика с ложнотекстильным орнаментом в Верхнем Приобье появляется на кипринском этапе, где его доля составляет 3,29% (Молодин В.И., 1975, с. 19-25), бытует на памятниках ирбинского типа и получает дальнейшее развитие в кротовской культуре. По мнению В.И. Молодина, в Киприно на кротовской керамике

ложнотекстильный орнамент составляет 75% (там же, с. 55). Ложнотекстильная керамика широко встречается на памятниках крохалевского типа в Новосибирском Приобье (Молодин В.И., Полосьмак Н.В., 1980, с. 64; Полосьмак Н.В., 1978; 1979, с. 69, 279). По мнению Н.В. Полосьмак, ложнотекстильный орнамент связан с технологией изготовления керамики. Для уменьшения влагопроницаемости сосудов их поверхность заглаживалась щепкой или выбивалась колотушкой с нарезками, от которой оставались следы в виде «ложного текстиля» (Полосьмак Н.В., 1979, с. 45). Ложнотекстильная орнаментация встречается и в ранних памятниках Прииртышья (Генинг Г.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко А.С., 1970, с. 19–20), но там форма сосудов баночная, с прямыми стенками и плоским дном. Соглашаясь в принципе с Н.В. Полосьмак, заметим, что не вся посуда покрыта «ложным текстилем», а лишь какая-то ее часть, что, видимо, было связано с не только технологией изготовления.

1.2.1.2. Каменные орудия. Каменная индустрия энеолитических памятников довольно разнообразна. Значительная масса колющих и режущих орудий изготовлена из сливных кварцитовидных песчаников (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1983), другие изготовлены из яшмовидных и кремнистых пород, диорита и халцедона.

Топоры и тесла. Найдено более 20 целых экземпляров и несколько обломков разных типов.

Шлифованные топоры удлинённой трапецевидной формы с округленным лезвием. В могиле 2 могильника Большой Мыс встречен целый экземпляр, в верхней части и по бокам подработанный крупными сколами (рис. 21–1). Второй топорик, шестигранный в сечении, обработанный по бокам крупными сколами, найден в песчаном карьере на правом берегу р. Песчаной между селами Тырышкино и Сычевка (рис. 22–20).

Крупные тесла с подшлифовкой, изготовленные из природных галек путем подработки. Найдено три целых экземпляра на поселении Костенкова Избушка (рис. 23–7–9) и несколько обломков на других памятниках (рис. 24–1, 2).

Шлифованные тесла средних размеров, как правило, шестигранные в сечении. Все они имеют трапецевидную форму. Три тесла найдены на Костенковой Избушке (рис. 23–1, 3, 4), одно в Малоутренево (рис. 25–3) и одно в Степном Чумыше (рис. 26–13).

Тесла с подшлифовкой средних размеров, имеющие трапецевидную или близкую к ней форму и шестигранные в сечении. Три встречено на Костенковой Избушке (рис. 23–2, 5, 6), два в Малоутренево (рис. 25–1, 2) и одно в могиле 1 могильника Большой Мыс (рис. 21–5).

Мелкие шлифованные тесла удлинённых пропорций. Найден один экземпляр в Малоутренево (рис. 25–3).

Сверление топоров. В настоящее время из предгорной зоны Алтая известно около двух десятков каменных сверленных топоров. Пять подобных топоров хранится в коллекции Г.И. Спасского (Спасский Г.И., 1819, с. 124–151). А.С. Уваров определил их как топоры-молоты. Всего А.С. Уваров описывает девять топоров с Алтая (Уваров А.С., 1881, с. 7–9). Несколько топоров описывает Э.П. Эйхвальд (1856, табл. II, рис. 34 III, рис. 1, 2; IV, рис. 1). Три топора из лесостепного и два из Горного Алтая опубликованы Л.Р. Кызласовым (1965, рис. 2. 3). Два топора опубликованы В.И. Матюшенко (1973, рис. 8–5, 6). Несколько топоров хранится в коллекции А.И. Шренка в МАЭ (коллекция №35), причем один из них вислоубушный. Два топора опубликованы В.М. Флоринским (1896, с. 132–133). Каменные сверление топоров приводятся в альбоме рисунков В.В. Радлова (Музей антропологии и этнографии народов мира. РАН, колл. №5041). В последние годы в предгорной зоне Алтая найдено еще пять топоров. Типологию каменных сверленных топоров дал в своей работе С.В. Цыб (1981, с. 6–13). Автор придерживается типологии, разработанной С.В. Цыбом, и рассматривает в своей работе лишь топоры, найденные в последние годы и не опубликованные из более ранних коллекций.

Четыре топора относятся к простым клиновидным и имеют вытянутую форму (рис. 27). Все они шлифованные. Топор, найденный в Бийске, ближе к лезвию полирован (рис. 27-1), второй – у Песчаной у с. Старо-Тырышкино (рис. 27-2), третий и четвертый – на Чарыше (рис. 27-3, 4). В поперечном сечении форма их квадратная, в продольном прямоугольная. Проушина располагается ближе к обуху. Один топор ромбический, с усеченным обухом. Длина больше ширины в два раза, ширина почти равна толщине. Проушина – в центральной части (рис. 28-1). Найден в устье Песчаной. Один топор относится к обушковым (рис. 28-2), обнаружен в с. Красногорском.

Ножи. Выделяется несколько типов.

Шлифованные ножи с вогнутым лезвием, обработанные с противоположной обушковой части ретушью. Найдено два целых экземпляра и обломок. Один нож обнаружен в могиле 1 могильника Большой Мыс (рис. 21-7), другой целый и обломок у – с. Малоутренево на Бие (рис. 29-17, 22), один нож найден на Ляпустином Мысу (рис. 39-25).

Шлифованные ножи с прямым лезвием. Такой нож встречен в могиле 1 МБМ (рис. 21-6). На ноже из Малоутренева лезвие подработано ретушью (рис. 29-19).

Подшлифованные ножи с ретушью по краям. Найдено два экземпляра в Малоутренево (рис. 29-20, 21). Нож с Ляпустиного Мыса подработан двусторонней ретушью (рис. 39-26).

Двустороннеобработанные ножи. Один вогнутый с Малоутренево (рис. 29-18). Второй прямой, напоминающий наконечник дротика, с Павловки III, использовался как мясной нож (рис. 30-1). Пять двусторонне обработанных ножей найдены как клад у пос. Шипуновка Мамонтовского района (рис. 31; 32). Возможно, как нож использовалось орудие на шлифованном отщепе (рис. 33-11). Подобные ножи широко встречаются в энеолитических памятниках Западной Сибири от предгорий Алтая (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1983) до Томского Приобья (Дульзон А.Н., 1958; Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., 1996).

Долота и долотовидные орудия. Встречено три долота. Два – на Городище 1 (рис. 34-19, 20) и одно на Малоутренево (рис. 25-13). Долото с Малоутренево и долото больших размеров с Городища 1 напоминают подшлифованные тесла. Второе с Городища 1 подработано со всех сторон крупными сколами. Два долотовидных орудия найдены на поселении Костенкова Избушка (рис. 33-12, 13). Они различных типов. Одно оформлено на мелком отщепе (рис. 33-12), второе – двусторонне оформленное орудие, вначале обработанное плоскими сколами, а затем ретушью по краям (рис. 33-13). Верхняя часть орудия обломана.

Скребла. Два экземпляра встречены в Малоутренево (рис. 25-11, 12), одно – на поселении Алексеевка 1 (рис. 25-3).

Наконечники дротиков. Найдено два целых экземпляра и обломок. Один происходит с поселения Павловка X (рис. 30-2), два других – с поселения Новенькое 1 (рис. 35-32, 33).

Сверла. Найдено четырнадцать экземпляров, восемь из них на поселении Костенкова Избушка (рис. 32-1-8). Все они изготовлены на отщепах. Два из них без подработки, с мелкими выщербленностями по острию и по краям (рис. 33-1, 5). Шесть из них – сверла по камню (рис. 33-2-4, 6-8). На большинстве видны затертости и зашлифованности кромок. Два сверла – это двусторонне обработанные орудия, оформленные встречной регулярной ретушью. Одно подпрямоугольной формы (рис. 33-7), другое – иволистной (рис. 33-8). Два сверла встречены в Малоутренево (рис. 29-3, 14), два на поселении Кривое 1 (рис. 35-13, 14) и два на Перешеечном 6 (Гульбище) (рис. 35-21, 23).

Вкладышевые орудия и вкладыши. Обломки двух вкладышевых орудий, по-видимому, кинжалов, найдены в могильнике Большой Мыс (рис. 36-10, 11). Вместе с ними

найден отдельный вкладыш из сливного песчаника длиной 1,5 см, шириной 0,6 см, обработанный плоской встречной ретушью (рис. 36-12). Видимо, он относился к одному из этих орудий. Два вкладыша в обломке орудия (рис. 36-11) изготовлены из светло-серого прозрачного кремния (рис. 36-11). К сожалению, инвентарные номера на этих предметах не сохранились, и сейчас невозможно установить, из какого они погребения. Пять подобных вкладышей для оружия, обработанные плоской встречной ретушью, собраны на Павловке 1. Два из них имеют ширину 0,6 см (рис. 37-24, 25), три других от 0,8 до 1,1 см. Два подобных вкладыша встречены на поселении Новенькое 2 (рис. 22-7, 8), два на Кривом 1 (рис. 35-11, 12), одно на Перешеечном 7 (рис. 35-35), одно в Малоутреневе (рис. 29-15), два двусторонне обработанных вкладыша найдены на Городище 1 (рис. 34-8, 9). На поселении Костенкова Избушка встречены вкладыши мясного ножа (рис. 33-15). Несколько вкладышей найдено на поселении Цыганкова Сопка 1 (рис. 22-18).

Ножевидные пластинки. Обломки двух трапецевидных в сечении пластин встречены в погребении 9 могильника Большой Мыс (рис. 36-8, 9). Одна из них частично подработана ретушью с брющка по одному краю. Обломки двух пластин найдены в Малоутреневе (рис. 29-5, 6). Подработанная с одной стороны ретушью пластина и обломки еще одной встречены на Перешеечном 7 (рис. 35-29) 34). На поселении Костенкова Избушка обнаружена ножевидная пластина, обработанная притупляющей ретушью со стороны брющка, которая использовалась как скобель по кости (рис. 33-14). Девять ножевидных пластинок, трапецевидных в сечении, длиной от 4,2 до 1,5 см и шириной от 0,7 до 1,1 см, встречены в погребении на Чудацкой горе (рис. 37-3-8). Пять трапецевидных и треугольных в сечении пластин встречены на Городище 1 (рис. 31-1, 5), шесть пластин – на Ляпустином Мысу (рис. 39-7-12).

Наконечники стрел. Самая массовая категория вещей среди каменных изделий. Выделяется несколько типов:

Листовидные (рис. 21-2; 36-1-5; 29-2, 9, 11; 35-4, 17, 18, 23, 36; 39-14-15). Все они имеют вытянутую форму. Шесть найдено в могильнике Большой Мыс, пять из них – в погребении 13 (рис. 36-1-5), один в погребении 1 (рис. 21-2), два в Малоутреневе (рис. 29-9, 11) и по одному на Алексеевке 1 (рис. 35-4), на Кривом 1, на Новеньком 1 (рис. 35-28), на Перешеечном 7 (рис. 35-36), Долгой Гриве (рис. 29-2) и два на Новеньком 2 (рис. 35-35), три на Городище 1 (рис. 34-16, 17, 18), три на могильнике Фирсово XI (Шамшин А.Б., 1997, рис. 1-8-10, 12). Два происходят с Ляпустиного Мыса (рис. 39-14-15).

Миндалевидные. Найдено всего двенадцать экземпляров. Один в погребении 1 на Большом Мысу (рис. 21-3) и один в Малоутреневе (рис. 29-10), на Кривом 1 (рис. 35-15) и Перешеечном 6 (рис. 35-24), три на Городище 1 (рис. 34-12, 15, 16) и пять на Ляпустином Мысу (рис. 39-16-21).

Листовидные с выемкой у основания. Эти наконечники имеют подтреугольную вытянутую форму с овальными краями и вогнутым насадом. Представлены шестью экземплярами. По два с Алексеевки 1 (рис. 35-6, 10) и Перешеечного 6 (рис. 35-25, 27) и одно с Кривого 1 (рис. 33-16), одно с Городища 1 (рис. 31-14).

Треугольные с прямым основанием. Представлены наконечниками небольших размеров в количестве 20 экземпляров. По два с Кривого 1 (рис. 33-12, 14), Новенького 2 (рис. 33-30), Перешеечного 6 (рис. 33-19, 21), Ляпустиного Мыса (рис. 39-22-23) и по одному с Малоутренева (рис. 25-6) и Алексеевки 1 (рис. 33-5).

Треугольные с выемкой у основания. Представлены десятью экземплярами. Четыре из них встречены на Новеньком 2 (рис. 33-31), по два на Алексеевке 1 (рис. 33-7, 9) и Перешеечном 6 (рис. 33-20, 26), одно на Перешеечном 7 (рис. 33-31) и одно на Ляпустином Мысу (рис. 39-24). Десять найдено в могильнике Фирсово XI (Шамшин А.Б., 1997, рис. 1).

Черешковые. Встречено всего три экземпляра. У наконечников из погребения 13 МБМ (рис. 34-6) и Малоутренева (рис. 25-5) черешки едва обозначены, а у наконечника

из Долгой Гривы черешок оформлен специально ретушью по основанию и по краю (рис. 29-1). Подобные наконечники стрел с оформленным насадом были встречены А.П. Окладниковым в погребении 7 Пономаревского могильника на Ангаре (1974, с. 69-76, табл. 84-86), которые он датировал серовским временем (1955, с. 230). Черешковые наконечники стрел присутствовали в инвентаре энеолитического поселения Кепеткель 8 на р. Чаглинка в Казахстане, датируемом III тыс. до н.э. (Зайберт В.Ф., Плешаков А.А., 1978, с. 242-250).

Скребки. Представлены несколькими экземплярами, изготовленными на отщепах. По два встречено на Долгой Гриве (рис. 29-7, 8) и в Малоутренева (рис. 25-8, 9), по одному на Большом Мысу (рис. 36-7) и на Алексеевке 1 (рис. 35-7), два на Городище 1 (рис. 31-10, 11) и три на Ляпустином Мысу (рис. 39-27-29).

Резцы. Встречено два экземпляра на поселении Костенкова Избушка (рис. 32-9, 10). Это срединные резцы на отщепах, оформленные широкими резцовыми сколами.

Комбинированные орудия. Представлены четырьмя изделиями, найденными на поселении Костенкова Избушка (рис. 40; 41-9). Три из них представляют собой сверла-пилки по камню, изготовленные на крупных отщепах. Одно из них с двусторонней обработкой (рис. 40-1), второе представляет собой краевой галечный отщеп, не подвергавшийся дополнительной обработке. Утилитарная ретушь прослеживается по острию с двух сторон и по одной со стороны брюшка (рис. 40-2). Третье орудие изготовлено на пластинчатом отщепе черного кремня без дополнительной обработки. Вследствие употребления его в качестве пилки по мягкому камню на кромке со стороны спинки прослеживается зашлифованная полоса, лезвие слегка заполировано (рис. 40-3). Четвертое орудие представляет собой развертку-нож, изготовленный на продольном сколе какого-то зашлифованного орудия. Скорее всего, тесла. Нижняя рабочая часть подправлена ретушью (рис. 41-9).

Стерженьки для рыболовных крючков. Встречено шесть стерженьков нескольких типов. Один полностью готовый и второй незаконченный происходят с поселения Костенкова Избушка (рис. 41-1, 2). Длина готового 11,3 см. Он имеет вид стерженька, диаметр которого постепенно уменьшается, вверху утолщение в виде шляпки. Внизу имеется прорез шириной 0,5 и глубиной 1 см, с противоположных сторон которой имеются два выступа. Прорезь и выступы, видимо, сделаны для более прочного крепления самого костяного крючка. Второй стерженец длиной 11,7 см, видимо, не закончен. Близкие по размерам и форме стерженьки встречены в памятниках китайского времени в Прибайкалье (Окладников А.П., 1955, рис. 112). Правда, они не имеют прорези в нижней части. Буквально аналогичные стерженьки для рыболовных крючков встречены в погребении в Нижнетыткескенской пещере (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995, рис. 22-1, 2). Это погребение датируется серией радиоуглеродных дат серединой второй половины IV тыс. до н.э. (там же, с. 42).

Второй тип представлен целым стерженьком длиной 6,7 см с Долгой Гривы (рис. 29-4) и двумя обломками с Городища 1 (рис. 34-6, 7). Диаметр стерженька с Долгой Гривы в нижней и верхней частях постепенно сужается. Внизу и вверху по два прорезных желобка (рис. 29-4). Этот тип находит аналогии в Приангарье. Подобные стерженьки были встречены в погребении 1 пади Ленковка вместе с медными крючками (Окладников А.П., 1974, с. 131-134, табл. 165).

Третий тип представлен двумя обломками стерженьков, которые имеют утолщения в виде шляпки в верхней части. Один происходит из погребения 8 МБМ (рис. 36-13), второй с Малоутренева (рис. 29-16). Подобные стерженьки встречены в материалах погребения 3 могильника Шаманский Мыс на острове Ольхон на Байкале (Конопацкий А.К., 1982, с. 45-46, табл. XXXVI).

Второй и третий типы стерженьков также находят аналоги и в материалах погребения в Нижнетыткескенской пещере (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995, рис. 22-3-5).

Четвертый тип представлен обломком каменного сложносоставного рыболовного крючка из погребения 1 МБМ (рис. 21-4).

Три обломка стерженьков встречены на Ляпустином Мысу (рис. 39-30-32).

Утюжок. Найдено два экземпляра (один из них найден в Хабаровском районе) длиной 11,2 см. Сверху через утюжок проходит овальный желобок шириной 1 и глубиной 0,7 см, от него к широкой части – шесть параллельных желобков (рис. 42). Вдоль всего утюжка с обеих сторон располагается резной желобок, ниже которого идет ряд резных взаимопроникающих треугольников. На торце узкой части оформлена головка какого-то животного, хорошо видны глаза и нос. Второй найден на Алее, в окрестностях, с. Чистюнька. Его длина 9,7 см, ширина 6,8 см, поперечный желобок глубиной и шириной 1,6 см. С нижней стороны продольное овальное углубление шириной 2,5 см (рис. 43).

Отбойники. Почти на всех поселениях встречены отбойники, представляющие собой вытянутые овальные или круглые гальки, забитые с одной или обеих сторон (рис. 41-8). Иногда в качестве отбойников использовали мелкие овальные гальки, как из погребения на Чудацкой горе.

Точильные бруски. Представлены двумя экземплярами, изготовленными из мелкозернистого песчаника. Один найден на Костенковой Избушке. Его поверхность и боковые грани сточены (рис. 41-7). Второй – происходит из погребения 1 МБМ. Его поверхность также сточена (рис. 36-39).

1.2.1.3. Костяные орудия. Костяных орудий найдено гораздо меньше, чем каменных.

Гарпуны. Представлены пятью экземплярами. Два из них целые и три в обломках. Четыре гарпуна происходят с поселения Костенкова Избушка. Два, у которых обломана верхняя часть, имели по несколько зубцов с одной стороны и в нижней части желобок для привязывания лinya (рис. 44-3, 4), третий имел два зубца (рис. 44-2) и четвертый – один (рис. 44-1). Обломок пятого встречен в погребении на Чудацкой горе (рис. 38-13). Подобные гарпуны часты в памятниках неолита и энеолита Прибайкалья и Приангарья (Окладников А.П., 1974, табл. 136, 137, 166). Подобные гарпуны с зубцами с одной стороны встречаются на Урале и в Восточной Европе (Брюсов А.Я., 1952, рис. 13, 24; Гурина Н.Н., 1970). Подобные гарпуны обнаружены в позднеэнеолитических памятниках лесостепной зоны Бурятии, которые Л.Г. Ивашина выделяет в бухусанский этап и датирует концом III – началом II тыс. до н.э. (1979, с. 71-100, 120).

Стерженьек для рыболовного крючка. Напоминает каменные стерженьки, происходит из погребения на Чудацкой горе (рис. 38-15). Его длина 5,7 см, в верхней части имеет небольшую шляпку для подвешивания, а в нижней прорезь для крепления крючка.

Мотыга. Встречена на поселении Костенкова Избушка (рис. 45). Изготовлена из рога, видимо, лося. Ее длина 18 см. В нижней рабочей части хорошо заметны следы сработанности.

Долото. Найден один экземпляр на поселении Костенкова Избушка, изготовленный из куска рога (рис. 44-5).

Лощило. Изготовлено из куска трубчатой кости со следами заполированности в нижней рабочей части (рис. 44-6). Обнаружено на поселении Костенкова Избушка.

Наконечники стрел. Встречены два целых, один обломок наконечника и заготовка для наконечника. Все они черешковые, овальные в сечении. Одним наконечником стрелы был убит погребенный в могиле 5 на Костенковой Избушке. Стрела выбила два верхних передних зуба, поломала два нижних и застряла в шейных позвонках (рис. 46).

Четвертый наконечник с обломанным основанием встречен в могильнике Фирсово XI (Шамшин А.Б., 1997, рис. 1-11).

Проколки. Обнаружено три целых экземпляра и три обломка в могильнике Фирсово XI (Шамшин А.Б., 1997, рис. 1-2-7).

В погребении на Чудацкой горе найден костяной предмет овальной формы с обломанной узкой частью и двумя просверленными отверстиями в широкой (рис. 38-12). Назначение его неизвестно.

Из кости были изготовлены основания двух вкладышевых орудий из могильника Большой Мыс.

1.2.1.4. Металлические изделия. Металлических изделий обнаружено сравнительно немного. Это прежде всего клад из трех медных топоров, найденных у с. Клепечиха Шипуновского района (Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., 1996, с. 81-88), медное лезвие для составного ножа (рис. 35-2) и еще два обломка, видимо, тоже ножей. Топоры двух типов: два – клиновидные, аналогичны третьей группе майкопских топоров по классификации С.Н. Кореневского (1974). Отлиты они, как и древнейшие топоры из майкопских гробниц, в двусторонних формах со стороны брѣшка, о чем свидетельствуют характерные прогибы на них – следы усадки металла при остывании в форме. При рассмотрении топоров со стороны отверстия (в плане) втулка не выделяется. Отверстия круглые, слегка расширяющиеся книзу, диаметром 3-3,5 см. В профиле топоры слегка изогнуты, особенно со стороны брѣшка, образуя расширенное лезвие. Длина первого топора – 15,1 см (рис. 47-1), максимальная ширина (по внешнему диаметру втулки) – 4,1 см, длина лезвия – 8,9 см; второго топора – 12,2, 4,2 и 5,8 см (рис. 47-2) соответственно. Подобные топоры часто встречаются в памятниках майкопской культуры. Известны они в погребении кургана 1 майкопской культуры у станицы Псебайской, которые А.А. Иессен датирует 2300-2000 гг. до н.э. (Иессен А.А., 1962, с. 19-22). Б.Г. Тихонов аналогичные изделия из районов Приуралья относит к медным кавказским топорам новосвободненского этапа и вслед за А.А. Иессеном датирует их концом III тыс. до н.э. (Тихонов Б.Г., 1960, с. 57, табл. IV-3; XXV-23). Ю.С. Гришиным опубликован подобный медный топор, найденный у с. Плотникова Каменского района Алтайского края (Гришин Ю.С., 1971, табл. 12-3). Он считает, что аналогичные изделия типичны для памятников новосвободненского этапа и ямной культуры и проникновение их на Алтай относится, скорее всего, к первой половине II тыс. до н.э. (1971, с. 23).

Третий топор (рис. 47-3) относится к типу топоров-молотов. Он изогнут в профиле, с длинным, круглым в сечении обушком диаметром 2,3 см и круглой, выделенной в плане втулкой с внутренним диаметром 2,2 см. Длина топора 14 см, длина лезвия – 3,5 см. Топоры этого типа чрезвычайно напоминают боевые сверленные топоры-молотки культуры шнуrowой керамики и ладьевидных топоров в Восточной Прибалтике (Крайнов Д.А., Лозе И.А., 1987, рис. 21) и фатьяновской культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части России (Крайнов Д.А., 1987, рис. 25). Медные топоры-молоты найдены в Карбунском кладе культуры Триполье-Кукутены (Массон В.М., Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М., Черных Е.Н., 1982, табл. LXII-50).

Одновременность всех типов топоров не вызывает сомнений. Вместе с топором из с. Плотникова (Гришин Ю.С., 1971, с. 48, табл. 12-3) и несколько более поздними находками из Горного Алтая (Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982, рис. 3-12) они составляют серию древнейших находок оружия этого типа на Алтае, свидетельствующих о далеких западных связях его обитателей в эпоху позднего энеолита и ранней бронзы. Как уже отмечалось, подобные топоры в европейской части датируются концом III тыс. до н.э. Е.Е. Кузьмина аналогичные топоры с территории Таджикистана датирует концом III – началом II тыс. до н.э. (Кузьмина Е.Е., 1966, с. 8). Ю.С. Гришин осторожно

датировал топор из с. Плотникова первой половиной II тыс. до н.э. (Гришин Ю.С., 1971, с. 23). Думается, что эта осторожность была вызвана единичностью находки. Представляется, что в свете современных представлений как о развитии топоров рассматриваемого типа, так и о хронологии культур эпохи энеолита и бронзы на Алтае, эта дата может быть сужена по меньшей мере до конца III тыс. до н.э. Способ отливки топоров через щель со стороны брѳшка к XVIII в. до н.э. выходит из употребления (Рысин М.Б., 1990, 1991). Рассматриваемые топоры явно принадлежат к кругу древностей большемысской культуры, предшествующей на Алтае памятникам елунинской культуры и связанному с ними сейминско-турбинскому металлу, для которого подобное оружие совершенно чуждо.

Ножи ранних форм без черешка встречаются в энеолите Средней Азии и Кавказа, который датируется Е.Н. Черныхом V – первой половиной IV тыс. до н.э. (1978, с. 57). Е.Е. Кузьмина допускает, что ранняя дата подобных ножей, исходя из примитивности формы их, представляется наиболее чем вероятной (1966, с. 38). Ю.С. Гришин относит подобные ножи к листовидным первого типа и считает, что они могут датироваться в Сибири концом III – началом II тыс. до н.э. (1971, с. 9). Составной нож подобного типа встречен в погребении 1 могильника Падь Ленковка (Окладников А.П., 1974, табл. 169).

На поселении Цыганкова Сопка 1 вместе с энеолитической керамикой, вкладышами, ножевидными пластинками и скребками найден медный нож, с обломанной верхней частью, подобной ножу с Алексеевки 1 (рис. 35-2), и четыре медных шильца небольших размеров, квадратные в сечении (рис. 48-12-15). Три из них обоюдоострые, а у четвертого обломан один конец. Подобные шильца встречаются начиная с эпохи энеолита (Черных Е.Н., 1978, рис. 41, 8-10, 14, 15). Е.Е. Кузьмина относит подобные шильца ко второму типу и считает, что они получили широкое распространение в конце III тыс. до н.э. в энеолитических культурах Кавказа, а на позднекельтеминарских стоянках Средней Азии и Казахстана они появились под влиянием южных районов земледельческой культуры (Южная Туркмения), где эта форма шильев первоначально сложилась (1966, с. 62-63).

1.2.2. Украшения

Основная масса изделий из кости, рога и зубов животных представляет собой украшения, среди которых выделяется несколько категорий.

Подвески. Изготовлены из расщепленного клыка кабана и резца лошади. Обломки подвески из клыка кабана шириной 2 см найдены в погребении 10 могильника Большой Мыс (рис. 49-1, 2). Подобные подвески с отверстиями на противоположных концах найдены в погребении 19 могильника Тумек-Кичиджик в левобережье нижнего течения Амударьи (Виноградов А.В., 1981, рис. 52-39). По мнению А.В. Виноградова, это шейное или нагрудное украшение (1981, с. 115). Подобные подвески встречены в Нальчикском могильнике (Крутлов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Г.В., 1941, с. 137-144, табл. II- 4; IX- 9, 10) и в погребении 22 могильника Бухусан в Бурятии (Ивашина Л.Г., 1979, рис. 79-4). Подвеска из резца лошади длиной 10 и шириной 1,2 см имеет на концах по два отверстия (рис. 49-2). На широком они расположены по ширине, на узком – по длине. Найдена в погребении 10 МБМ. Не исключено, что это нашивка с головного убора, так как она находилась у затылка умершего. Обломок подвески из резца лошади найден в погребении на Чудацкой горе (рис. 38-16).

Нашивки. Видимо, в качестве нашивок использовались непросверленные резцы бобра, сурка, косули и благородного оленя. Так, в погребении 13 МБМ найдено свыше 50 обломков резцов бобра (рис. 49), благородного оленя (рис. 36) и косули (рис. 36). В погребении 4 того же могильника в области таза лежали 23 резца сурка (рис. 36; 49). В погребении 11 с левой стороны черепа в районе теменной кости расчищено скопление из резцов нижней челюсти косули. В погребении 3 непросверленные резцы бобра лежа-

ли на груди умершего. В погребении 1 в области тазовых костей прослежено скопление из 38 просверленных и непросверленных зубов барсука и сурка. В качестве нашивок или амулетов могли использоваться непросверленные зубы медведя и соболя. Встречаются обломки челюсти соболя с зубами. Большое количество нашивок из зубов различных животных встречено в могильнике Фирсово XI (Льжникова О., 1998, с. 25–28).

Подвески и бусы. В качестве подвесок и бус использовались сверленные клыки лисы (рис. 36, 49), добавочные зубы благородного оленя (рис. 36; 49), зубы медведя, резцы сурка (рис. 49), клыки барсука. Эти подвески и бусы найдены в основном в области груди и тазовых костей. Видимо, они крепились на головном уборе, поясе, на одежде и носились на шнуре на шее или на груди. В погребениях 4 и 5 найдены сверленные и несверленные костяные зубы, имеющие вытянутую и овальную форму.

1.2.3. Погребальный обряд

Характеристику погребального обряда эпохи энеолита предгорной зоны Алтая дают прежде всего 16 погребений могильника Большой Мыс на оз. Иткуль, раскопанные Б.Х. Кадиковым в 1962 г. (Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1980, с. 59–61; Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х., 2000, с. 39–44). Одно погребение с захоронением четырех умерших было вскрыто там же в 1954 г. колхозным звероводом А.Д. Самбурским (Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1980, с. 59); два погребения, относящиеся к этому же времени, расчищены автором в 1981 г. на поселении Костенкова Избушка (Кирюшин Ю.Ф., 1983 с. 201–202). Одно погребение было вскрыто М.П. Грязновым в 1927 г. на Чудацкой горе (1930). Одиннадцать энеолитических погребений были исследованы А.Б. Шамшиным начиная с середины 1980-х гг. на могильнике Фирсово XI, но обработаны только материалы восьми из них (Шамшин А.Б., 1997).

подавляющее большинство умерших лежит на спине в вытянутом положении (рис. 50), голова наклонена к правому или левому плечу, руки, в тех случаях, когда удастся проследить, лежат на поясе. Глубина могилы различна: на Фирсово XI от 0,4 до 1,3 м, на Чудацкой горе – 0,7 м; 0,5 м – на Костенковой Избушке, причем здесь они сооружены прямо в культурном слое; на Большом Мысу от 1 до 1,45 м. Глубина могил, которые сооружены на уровне материка, колеблется в пределах около 1 м, тех, которые углублены в материк, от 1,2 до 1,45 м. Сохранность погребений на материке гораздо хуже. Основная масса погребений одиночные, но большой процент составляют парные и коллективные захоронения (рис. 50). При внимательном анализе полевой документации Б.Х. Кадикова выяснилось, что захоронения 7 и 8 составляют собой парное погребение двух женщин 25–35 лет и 30–40 лет, погребения 4 и 13 – захоронения мужчин около 40 лет и женщин 45–55 лет (Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х., 2000, с. 33–37). По парной могиле 17, раскопанной В.И. Молодиным в 1976 г., мнения разошлись. По мнению В.П. Алексеева и Н.Н. Мамоновой, здесь похоронены юноша 18 лет и женщина 25 лет (Молодин В.И., 1999, с. 39). По мнению В.А. Дремова, это женщина возмужалого возраста и женщина 25 лет (Дремов В.А., 1997, с. 199–200).

Могильник Фирсово XI тоже дает своеобразную картину. В погребении 14 захоронены юноша и мужчина возмужалого возраста (20–25 лет). Это самое богатое погребение. В нем сделано более 250 находок (рис. 51). В погребении 42 похоронены мужчина и женщина (?) и в погребении 15 двое мужчин зрелого возраста (35–40 лет) и третий, возраст которого не установлен.

Погребение с четырьмя умершими было раскопано звероводом А.Д. Самбурским на Большом Мысу. Не исключено, что это были просто два парных погребения, расположенные близко друг к другу.

Из всех погребений на Фирсово XI семь мужчин, две женщины, юноша и подросток. В возрасте 45–55 лет – три человека, 35–45 – три, 20–30 – три. Из всех погребенных на оз. Иткуль десять мужчин, восемь женщин и один ребенок. В возрасте 50–60 лет – 4 человека, 40–50 – один, 30–40 – пять, 25–30 лет – три, 18–20 лет – один, т.е. возраст большинства умерших довольно значительный. В двух случаях имеются следы насильственной смерти. В захоронении, раскопанном А.Д. Самбурским, один из погребенных был убит каменным топором, обломок которого застрял у него в голове, а в захоронении на Костенковой Избушке погребенный был убит стрелой с костяным наконечником (рис. 46). Стрела сломала два верхних правых резца, выбила три нижних и раскрошила нижнюю челюсть в месте крепления зубов. Удар, видимо, был достаточно сильным и нанесен сверху вниз. Стрела пробила гортань и повредила шейные позвонки. Умерший так и был похоронен вместе с наконечником стрелы. Видимо, по каким-то религиозным представлениям ни в том, ни в другом случае орудия убийства не были убраны.

Ориентация всех погребений на Большом Мысу северо-восточная, на Фирсово XI варьирует от северо-западной до северо-восточной, но преобладает северная; на Чудацкой горе – восточная и на Костенковой Избушке – северо-восточная и западная. Последнее – отклонение от обычая, видимо, может объясняться как видом смерти (насильственной), так и тем, что убитый был похоронен в культурном слое поселения.

Одно из погребений в Фирсово XI было совершено в сидячем положении. Кости ног согнуты и прижаты к голове, кости рук находятся под костями ног. Возможно, руки были связаны между собой под ногами. Погребенный был посыпан охрой (Шмидт А.В., 1996, с. 77–79). Видимо, к этому времени следует отнести одиночное вертикальное захоронение ребенка, раскопанное В.Б. Бородаевым в устьевой зоне Алея у с. Усть-Алейка Калманского района. Глубина могилы 0,6–0,7 м, диаметр – 0,3 м. В погребении найдено 325 предметов: 25 сверленых зубов марала, 125 подвесок из расколотых пополам резцов, 129 перламутровых подвесок, одно костяное орудие и 45 каменных изделий. Среди них четыре ножа-бифаса с обушком, пять наконечников стрел, обломки четырех дротиков, отщепы с ретушью и без обработки. По инвентарю это погребение ближе всего к захоронению в Нижнетыткескенской пещере (Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова А.Л., Степанова Н.Ф., 1995), а по количеству и типам украшений – парной могиле (№14) из Фирсово XI, где обнаружено более 250 вещей, в том числе огромное количество украшений (Шамшин А.Б., 1997, рис. 7). В погребении Долгая из Рубцовского района умершая женщина 25–30 лет (определение А.Р. Кима) лежала на спине, головой на северо-восток. Левая рука вытянута вдоль туловища, нижняя часть правой находилась под тазовыми костями. В районе черепа найден маленький фрагмент красной охры, в области грудной клетки ожерелье из трех просверленных добавочных клыков благородного оленя, резцов сурка от трех особей и пресноводной ракушки с просверленным отверстием. Найдены каменные скребки для обработки кожи, вкладыши, отщепы. В районе грудной клетки расчищены многочисленные плоские подкрутные просверленные нашивки из створок раковин (Тишкин А.А., 1993, с. 99–101).

Отличительной чертой погребального обряда является обилие украшений из клыков и резцов сурка, барсука, благородного оленя, лисы, соболя, бобра, медведя, лошади или кулана (рис. 36; 49). Причем в качестве подвесок и бус зачастую использовались добавочные зубы благородного оленя. Украшения нашивались на головные уборы, на одежду и пояс, много украшений найдено в области пояса и тазовых костей. Носились они на груди и на шее. Среди украшений преобладают изготовленные из зубов сурка и благородного оленя. Видимо, особое отношение было к бобру и соболю. В могиле 5 Костенковой Избушки встречены две верхние челюсти бобра, одна лежала у черепа, вторая у правого колена. Обломок челюсти соболя найден и в погребении МБМ.

В захоронениях встречаются просверленные и не просверленные зубы медведя, найденные в районе груди, пояса и локтевых костей рук. Видимо, они носились в качестве подвесок или амулетов. Весь остальной инвентарь обнаружен по сути дела в трех погребениях (1, 9, 13). Все они мужские. Наибольшее количество украшений в могильнике Фирсово XI, как уже отмечалось, было в парном погребении 14. Всего более 200 предметов. Имелись украшения и в других могилах (Льжникова О., 1998, с. 25–28). В этой могиле были погребены мужчина возмужалого возраста (20–25 лет) и юноша. Там же, как и на Большом Мысу, наибольшее количество украшений в мужских погребениях. Богато украшениями и погребение из Усть-Алейки. Здесь 279 изделий можно отнести к украшениям (Шмидт А.В., 1996).

Второй особенностью погребального обряда является почти полное отсутствие керамики в захоронениях. Лишь в погребении 5 на Костенковой Избушке найдены фрагменты раздавленного сосуда (рис. 4-3), и на могильнике Большой Мыс между могилами 7 и 8 на одной глубине с ними встречен развал сосуда (рис. 18-1). Отсутствие керамики прослеживается в неолитических погребениях Кузнецкого могильника (Чернышов И.А., 1953), в погребениях могильника Крутиха, в грунтовом могильнике Усть-Алеус-4, в Ордынском-1 (Молодин В.И., 1977, с. 26–28), в раннебронзовом могильнике Ростовка под Омском (Матющенко В.И., Чиндина Л.А., 1969, с. 196; Матющенко В.И., Ложникова Г.В., 1969, с. 18–34). Видимо, эта черта характерна для ранних памятников лесостепной зоны Обь-Иртышья. Эта же особенность прослеживается и в поздне-неолитическом (а может быть ранне-неолитическом) могильнике Усть-Иша. Определенное сходство в погребальном обряде и в ориентации наблюдается в могильнике Тумек-Кичиджик в левобережье нижнего течения Амударьи (Виноградов А.В., 1974, с. 500; 1981, с. 107–116). В некоторых погребениях встречено большое количество украшений в области тазовых и бедренных костей (там же, рис. 53). А.В. Виноградов, считая этот могильник поздне-неолитическим, предварительно датирует IV тыс. до н.э., отмечая его близость ранне-неолитическим памятникам так называемой мариупольской культурно-исторической области (1981, с. 116).

1.2.4. Антропологический тип

Все черепа с могильника Большой Мыс и Костенкова Избушка были изучены В.А. Дремовым и, по его мнению, относятся к единому антропологическому типу. Исследуя палеоантропологические материалы могильников Усть-Иша и Иткуль (Большой Мыс), В.А. Дремов приходит к выводу, что по ряду специфических деталей строения мозгового и лицевого отделов эти две серии близки между собой (иткульские отличаются несколько менее крупными общими размерами и меньшей массивностью) (Дремов В.А., 1973, с. 204). Для них свойственна длинная, мезокранная, невысокая черепная коробка, среднеширокий, очень наклонный лоб с сильно развитым надпереносьем, высокое и широкое умеренно уплощенное лицо, большие мезоконхные орбиты, узкий нос со средневыступающими носовыми костями и сравнительно высоким переносьем (Дремов В.А., 1981, с. 7).

Некоторые различия черепов Усть-Иши и Иткуля объясняются эпохальной изменчивостью и тем, что черепа Иткуля моложе черепов Усть-Иши, по времени менее отстают от окуневских, но морфологически отличаются от них сильнее, чем черепа Усть-Иши (Дремов В.А., 1981, с. 7–8; 1980, с. 33). По мнению В.А. Дремова, если на раннем этапе (Усть-Иша) существовало монголоидное и европеоидное население, то на позднем (Большой Мыс – Иткуль) – однородное метисное (1981, с. 9–10). Причем население как Усть-Иши, так и особенно Иткуля представляло собой не механически, а биологически смешанные группы, сложившиеся в процессе длительных контактов монголоидов и европе-

оидов (Дремов В.А., 1980, с. 39). Монголоидность, как считает В.А. Дремов, следует объяснять преимущественно восточным (байкальским) направлением родственных связей населения, оставившего эти могильники. Наибольшую близость с черепами Усть-Иши и Иткуля по основным линейным размерам и пропорциям проявляют серии палеосибирского типа из погребной эпохи неолита-энеолита Байкальского района (Дремов В.А., 1980, с. 39; 1981, с. 8). Европеоидный компонент, вошедший в состав верхнеобского населения, отличался большой высотой лица, а по верхнелицевому указателю не уступал неолитическим племенам Байкальского района, подобные пропорции лицевого отдела в комбинации с крупными его абсолютными размерами наблюдаются в некоторых древних группах южной средиземноморской ветви европеоидной расы (Дремов В.А., 1980, с. 41). Палеоантропологические материалы свидетельствуют о принадлежности к средиземноморской расе населения юга Средней Азии с V-IV тыс. до н.э. (Дремов В.А., 1980 с. 41; Кияткина Т.П., Ранов В.А., 1971; Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972, с. 50-70).

По мнению В.А. Дремова, констатация южноевропейского средиземноморского элемента в материалах верхнеобских могильников Усть-Иша и Иткуль является лишь новым аспектом большой проблемы древних антропологических связей племен Сибири с европеоидным населением южных и юго-западных территорий, которая требует дальнейших серьезных исследований. Но уже сейчас ясно, что речь идет не о одновременном эпизодическом включении группы южного происхождения в состав сибирского населения, а о длительных и сложных процессах, шедших по разным направлениям (Дремов В.А., 1980, с. 44). Т.А. Трофимова при исследовании палеоантропологических материалов могильника Тумек-Кичиджик в Северной Туркмении пришла к выводу, что основная масса погребений относилась к южным грацильным формам протоевропейского типа, близким к черепам мазандаранской культуры Ирана и некоторым другим южным сериям (Трофимова Т.А., 1974, с. 139-149; 1979, с. 10-15). А черепа из погребений 19 и 26 представляют протосредиземноморские черепа восточно-средиземноморского облика, характерные для эпохи энеолита и бронзы с территории Южной Туркмении (Трофимова Т.А., 1979, с. 13; Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972, с. 50-70). Таким образом, близкий антропологический тип Усть-Ише и Иткулю прослежен в могильнике Тумек-Кичиджик.

С другой стороны, антрополог С.С. Тур обратила наше внимание на то, что более поздние черепа из Иткуля не только имеют меньшие размеры, но и обладают отличительными особенностями, совершенно не объяснимыми процессами грацилизации. По ряду признаков они занимают промежуточное положение между черепами Усть-Иши и черепами Тумек-Кичиджика (Виноградов В.В., Итина М.Н., Яблонский Л.Т., 1986, с. 79-122), что позволяет допустить генетическую связь населения Бийского района с кельтеминарцами. Вместе с тем ослабления монголоидных особенностей, которого следовало бы ожидать от смешения с европеоидными кельтеминарцами, в антропологическом типе иткульской группы не наблюдается. По общей уплощенности лицевого скелета (УЛС) черепа из Иткуля никак не уступают черепам из Усть-Иши, они, скорее, даже более монголоидны. Не исключено, что в морфологическом облике иткульских черепов находит также отражение моделирующее влияние относительно грацильного и низколицевого монголоидного типа со стороны Верхнего Приобья, присутствие которого там отмечается по материалам некоторых могильников (Дремов, 1997, с. 49-60). Совместное влияние этих разнонаправленных этногенных связей с кельтеминарцами и населением Верхнего Приобья, пожалуй, наиболее непротиворечивым образом могло бы объяснить формирование антропологического типа иткульцев на базе более древнего местного населения, оставившего могильник Усть-Иша. Близкую точку зрения высказал А.Н. Багашев в совместной работе с В.А. Захом (Зах В.А., Багашев А.Н., 1998, с. 194-202).

Антропологические материалы из могильника Фирсово XI очень фрагментарны, но, по мнению антропологов С.С. Тур и К.Н. Солодовникова, имеют отчетливую палеомонголоидную примесь и близки материалам с оз. Иткуль.

В лаборатории пластической реконструкции Института этнографии были сделаны две реконструкции по черепу из Усть-Иши и черепу из Большого Мыса с Иткуля. Череп из Усть Иши дал, по мнению В.П. Алексеева, типичного представителя памиро-ферганского типа, характерного для современных таджиков (рис. 54), а череп с Иткуля дал метисный вариант (рис. 55).

По нашему мнению, в процессе формирования древнего населения Верхнего Приобья могли принять какое-то участие и афанасьевские племена Горного Алтая. Польскими антропологами А. Верденским и И. Михальским поднят вопрос о наличии средиземноморского компонента в составе населения афанасьевской культуры Южной Сибири (Дремов В.А., 1980, с. 43). Эта точка зрения, по мнению В.А. Дремова, не лишена оснований. Черепа двух из пяти выделенных А. Вердинским типов – кроманьонского (Балыкты-Юл 1/2; Арагол 3; Курота П, курган 7; Куям, курган 5) и средиземноморского (Кокса, курган 3, м. 1; Куям, курган 6) – сильно расходятся по верхней высоте лица и указателю, занимая крайние позиции в афанасьевской серии Горного Алтая (Дремов В.А., 1980, с. 43). В пользу этой точки зрения говорит и погребальный обряд двух захоронений из Усть-Иши. В первом случае умерший был похоронен по типично афанасьевскому обряду: он лежал на спине с согнутыми в коленях ногами, которые завалились направо. Второй был похоронен в скорченном положении на левом боку, что является не типичным для неолита-энеолита Верхнего Приобья.

1.2.5. Поселения и жилища

Среди всех поселений, которые раскапывались большими площадями или небольшими разведочными раскопами, разрушенных ветровой эрозией или хозяйственной деятельностью человека, нет ни одного, на котором было бы встречено долговременное жилище. Правда, два небольших долговременных жилища есть на поселении Комарово. Связывать их с энеолитом можно пока только предположительно. В них встречен многочисленный каменный инвентарь и единичные фрагменты сосудов, чаще без орнамента. Жилища имели подпрямоугольную или овальную форму и были вытянуты в одном случае с ЮВВ на СЗЗ, в другом – с ССЗ на ЮЮВ, котлованы углублены в материк на 0,5 м и 0,65 м, площадь их около 18 и 20 кв. м (рис. 56). В жилище 1 в северной части прослеживается очаг. Остатки конструкций не зафиксированы, поэтому говорить о том, что представляли собой жилища, трудно, к тому же заполнения жилищ повреждены более поздними ямами и могилой (Абдулганеев М.Т., 1987). Все остальные поселения, видимо, являются летними, без следов долговременного жилища. Правда, это касается поселений в лесостепной зоне Алтая. Так, несмотря на большую площадь, вскрытую на поселении Костенкова Избушка (2412 кв. м), нет даже следов от столбовых конструкций жилищ. Видимо, жилища были легкого типа, наземными, вроде шалаша или чума. Ситуацию, правда, несколько проясняют находки керамики. Так, керамика первой и второй групп с пятого и шестого горизонтов, нанесенная на план, дала скопление в центре раскопа, который вытянут от правого берега протоки между озерами Большой и Малый Иткуль на 24 м и в ширину с севера на юг на 12–14 м. Это скопление прослеживается и на пятом, и на шестом горизонтах (рис. 57). Второе такое скопление прослеживается на пятом и на четвертом горизонтах, правда, здесь эта посуда встречается вместе с елунинской и гребенчатой керамикой. Это скопление в юго-западной части раскопа опять-таки на северном правом берегу протоки. Видимо, в этих местах и находились легкие наземные жилища или несколько жилищ. Особенно в центральной части, где жило энеолити-

ческое население в летний период. Здесь занимались рыболовством, охотой и скотоводством, о чем свидетельствуют многочисленные костные остатки, и литьем меди, что подтверждается находками шлаков.

Иная картина наблюдается в Горном Алтае. Здесь на Средней Катуні в устье р. Тьткескенъ (левого притока Катуні) вскрыта целая серия жилищ, среди которых есть легкие наземные и долговременные стационарные. Так, на многослойном поселении Тьткескенъ 6 частично раскопано крупное стационарное жилище полуземляного типа. Часть его оказалась разрушена старым Чуйским трактом, поэтому установить точные размеры сложно. Скорее всего, жилой котлован, углубленный в песок на 0,4–0,5 м, имел подпрямоугольную или подквадратную форму с приблизительными размерами 25–30 x 30–35 м. Выход был устроен к реке (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1994, с. 112). Здесь встречены развалы двух тонкостенных сосудов, фрагменты других, большое количество орудий на отщепах и крупных специальных заготовок, утюжок-«гладилка», обломок каменного браслета и скульптурка (там же, рис. 6, 7). Обращает на себя внимание очень большое количество наконечников стрел (29 экземпляров). Все они треугольных или усеченно-ромбических очертаний с прямой или выямчатой базой-насадкой (там же, рис. 3–5, 4–1–15). Жилище перекрывает раннеэнеолитический слой, что очень хорошо прослеживается.

Второе стационарное жилище было расчищено в 1988 г. в третьем культурном горизонте поселения Тьткескенъ 2. Оно оказалось частично врезано в слой позднего неолита (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993, с. 25). Жилище было вытянуто с севера на юг на 16 м, шириной около 10 м, котлован был углублен в грунт на 0,15 м. Четко прослеживалась конструкция жилища: столбовые ямы по внешнему и внутреннему контуру, каменные очаги наземной конструкции, каменные кладки и кирпичи. В заполнении встречено большое количество фрагментов тонкостенных сосудов, многочисленный каменный инвентарь и обломок медного шила (там же, рис. 1, 2).

В 1989–1990 гг. к востоку от обследованного жилища прослежены остатки легких наземных конструкций (жилищ), которые перекрывали жилище позднего неолита. Следует сразу оговориться, что в данном случае мы имели дело с остатками жилищ различной степени сохранности. По двум наиболее хорошо сохранившимся можно сделать вывод о конструкции остальных. Они представляли собой фигуру, близкую по форме к квадрату со сторонами 3 x 3,5 м, по периметру которой сосредоточены мелкие камни. Внутри находилось по одному наземному очагу, выложенному из мелких камней, среди которых встречались мелкие угольки и золистые пятна. Описываемые конструкции были вытянуты в цепочку с северо-запада на юго-восток. Основная масса находок была сделана внутри этих конструкций или поблизости от них. В одном из таких «жилищ» встречено скопление изделий и отходов кремневой индустрии. Среди находок фрагменты тонкостенных сосудов, украшенных отпечатками гладкой и гребенчатой качалки, шагающей гребенки, многочисленный кремневый инвентарь (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993, рис. 2, 3). Значение этого материала трудно переоценить. Дело в том, что первое жилище было углублено в позднеэнеолитический слой, что не давало чистоты материала, а в последнем случае и сами конструкции, и находки оказались отделены от вышележащего слоя эпохи бронзы и нижележащего позднеэнеолитического слоя стерильными прослойками. Все это делает материал этого слоя чрезвычайно важным для датировки первых двух типов керамики и многочисленного каменного инвентаря из лесостепной зоны Алтая.

На основании анализа типов жилищ и поселений можно сделать вывод о том, что в лесостепной и предгорной зонах Алтая сосредоточены в основном летние поселки, а стационарные зимние поселения локализуются в районе Средней Катуні. Здесь в зимнее время обычно сдувает снег, что делает этот район привлекательным для выпаса скота

в зимнее время. Может быть, скотоводческим типом хозяйства и объясняются большие размеры некоторых жилищ. В них в зимнее время могли содержать молодняк, дойных коров и т.д. Но это отдельный сюжет и на нем мы остановимся подробно в главе 3.

1.2.6. Датировка

Все исследователи, обращавшиеся к материалам могильников Усть-Иша и Большой Мыс на оз. Иткуль, неоднократно пытались определить их место в истории заселения Верхнего Приобья. Все специалисты, касавшиеся вопросов датировки этих памятников, приводят мнение Б.Х. Кадикова, якобы высказанное им на заседании Урало-Сибирской группы Института археологии АН СССР в апреле 1968 г. и опубликованное В.А. Дремовым, о том, что эти материалы датируются второй половиной III – началом II тыс. до н.э. (Дремов В.А., 1980, с. 13). В монографии, вышедшей в 2000 г., Б.Х. Кадиков, являющийся одним из ее соавторов, с полной ответственностью сообщил, что в своем докладе в апреле 1968 г., определяя хронологические рамки могильников, он отнес их к IV–III тыс. до н.э. и высказал предположение о более раннем возрасте Усть-Иши по сравнению с Большим Мысом (Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х., 2000, с. 5). С «легкой руки» В.А. Дремова, предложившего эту датировку (1980, с. 13), и другие специалисты стали ею пользоваться. В.И. Матющенко, анализируя ранние археологические материалы Бийского Приобья, тоже датирует могильник на Большом Мысу в этих пределах, т.е. второй половиной III – началом II тыс. до н.э. (Матющенко В.И., 1973, с. 104–109). В настоящем разделе мы рассмотрим относительную датировку типов энеолитической керамики и остановимся на вопросах абсолютной датировки отдельных категорий вещей и памятников в целом.

Как уже отмечалось, керамика первой группы находит ближайšie аналогии в энеолитических памятниках Томско-Чулымского региона, которые М.Ф. Косарев традиционно датирует второй половиной III, возможно, началом II тыс. до н.э. (1981, с. 70), в памятниках переходного времени от неолита к бронзе в Притоболье и лесостепном Тоболо-Иртыше, датируемых III тыс. до н.э. (Косарев М.Ф., 1984, с. 12–13). Подобная орнаментация встречается в афанасьевских памятниках у д. Ело Онгудайского района, которые датируются по C^{14} в пределах III тыс. до н.э., а могильник Ело 1, где есть сосуды, украшенные гребенчатой качалкой, даже первой половиной III тыс. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., 1985, с. 47; Кирюшин Ю.Ф., Посредников В.А., Фирсов Л.В., 1981, с. 31). Аналогии этой орнаментации встречаются в кельтеминарских памятниках поздней группы, которые датируются второй половиной III – рубежом III и II тыс. до н.э. (Виноградов А.В., 1968, с. 152), или на памятниках позднего неолита – раннего энеолита (Виноградов А.В., 1981, с. 133) и даже раннеэнеолитических памятниках Поволжья, датируемых предьянным временем, т.е. IV тыс. до н.э. (Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1979, с. 166).

Посуда второй группы, встреченная на поселениях Ляпустин Мыс, Комарово и в могильнике на Большом Мысу, находит аналогии и в материалах липчинской энеолитической культуры, датируемой второй половиной III – началом II тыс. до н.э. (Бадер О.И., 1970, с. 163; Косарев М.Ф., 1981, с. 70), в материалах энеолитического байрыкского этапа в Тюменском Притоболье, который М.Ф. Косарев считает синхронным липчинским памятникам (Косарев М.Ф., 1981, с. 58).

Таким образом, если говорить о верхней границе первых двух типах керамики, то ее скорее всего следует отнести ко второй половине III тыс. до н.э., но до рубежа III–II тыс. эта посуда не доживает, так как с XXI в. до н.э. на территории лесостепного Алтая существует ряд памятников елунинской культуры ранней бронзы, исследованных в последние годы (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1995; 1996; Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Тишкин А.А., 1996; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1999), на чем мы

остановимся ниже. С учетом комплексов эпохи энеолита, раскопанных на поселениях Тьткескень 2 и 6, в том числе «чистых», и тем, что погребение в пещере Тьткескень датируется пятью радиоуглеродными датами от 3350 до 3250 г. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995, с. 42) и полностью перекрывается афанасьевским слоем, мне представляется, что нижняя граница этой керамики лежит в пределах второй половины IV тыс. до н.э.

Сложнее обстоит дело с третьей группой керамики. Керамика с ложнотекстильным орнаментом появляется на позднем, кипринском этапе, неолита Верхнего Приобья (по классификации М.Н. Комаровой), который датируется В.И. Молодиным средней третью – началом последней трети III тыс. до н.э. (1977, с. 24). Следовательно, это середина – вторая половина III тыс. до н.э. Посуда, получившая название «ложнотекстильная», часто встречается на памятниках крохалевского типа в Новосибирском Приобье, который, по мнению В.И. Молодина и Н.В. Полосьмак, датируется предандроновским временем (1980, с. 64), следует за одинцовским типом и синхронен какому-то значительному периоду кротовской культуры (Полосьмак Н.В., 1978, с. 45). Посуда третьей группы в Барнаульско-Бийском Приобье встречена только на двух поселениях: Комарово и Костенкова Избушка. На поселении Костенкова Избушка четко выделяются среди ранней керамики следующие группы: энеолитическая керамика первой группы, в орнаментации которой встречается гребенчатая и гладкая качалка, отступающая гребенка и резная техника и керамика с ложнотекстильной орнаментацией (III группа энеолита); керамика елунинского типа, орнаментированная отступающей и печатной гребенкой в различных сочетаниях и керамика крохалевского типа.

Фрагменты всех типов сосудов были подсчитаны по штыкам суммарно, и составлен график распределения типов керамики по горизонтам (рис. 58). В частности, по всем горизонтам было собрано 1207 фрагментов керамики первого типа как минимум от 120 сосудов, которые распределились следующим образом (рис. 58): 1 штык – 11 фрагментов – 0,9%; 2 – 237 фрагментов – 19,6%; 3 – 333 фрагмента – 27,5%; 4 – 357 фрагментов – 29,6%; 5 – 177 фрагментов – 14,7%; 6 – 93 фрагмента – 7,7%; ложнотекстильная керамика, которой найдено 245 фрагментов от 42 сосудов, дала следующее соотношение: 1 штык – 12 фрагментов – 4,9%; 2 – 38 – 15,5%; 3 – 75 – 30,6%; 4 – 82 – 33,5%; 5 – 28 – 11,4%; 6 – 10 – 4,1%. Таким образом, пики наибольшего распространения обоих типов пришлись на четвертый штык (рис. 58). В первом случае 29,6%, во втором – 33,5%. Гораздо больше ложнотекстильной керамики, чем посуды первой группы, на третьем горизонте – 30,6%, где дали наивысшие пики елунинская и гребенчатая керамика. На горизонтах 5 и 6 количество ложнотекстильной посуды резко снижается – соответственно 11,4 и 4,1%, причем на 6-м горизонте нет ни одного фрагмента, ни венчика, ни днища. Всего 11 мелких кусочков. Особенно хорошо это видно на гистограммах (рис. 59), где за 100% взята керамика каждого штыка. Так, на 4-м горизонте посуда первого типа составляет 37,9%, а ложнотекстильная – 8,7%, на 5 – первая – 58,4, а ложнотекстильная 9,2, а на 6 – первая 78,2, а ложнотекстильная всего 8,4%. Таким образом, четко прослеживается уменьшение доли посуды с ложнотекстильной орнаментацией, и, наоборот, резкое увеличение керамики первой группы (рис. 59).

Я считаю, что эта тенденция носит не случайный характер, а объясняется хронологией этих типов посуды. Керамика с ложнотекстильной орнаментацией гораздо моложе керамики первой группы (имеется в виду начало ее существования) и появляется в период, когда происходит переход в орнаментации к отступающей гребенке в различных сочетаниях, характерной для елунинской культуры (Кирюшин Ю.Ф., 1983, с. 19–21). Следовательно, появление этой посуды, скорее всего, приходится на рубеж III и II тыс. до н.э. Может возникнуть мысль, что эта посуда появилась на поселении Костенкова

Избушка вместе с керамикой крохалевского типа, 119 фрагментов от 8–10 сосудов которой было найдено здесь, но основной пик ее залегания пришелся на второй горизонт – 36,1%, затем понижение, 3 штык – 31,9%, 4 – 26,9%, 5 – совсем резкое понижение – 4,2% и 6 – полное ее отсутствие. Интенсивность залегания не совпадает по своим показателям (рис. 58, 59). Видимо, керамика крохалевского типа попадает сюда гораздо позднее, на заключительных этапах елунинской культуры. Скорее всего, ложнотекстильную керамику нужно считать местной по своему происхождению, она появляется на рубеже III и II тыс., возможно, в конце III тыс. и существует в период ранней бронзы, т.е. в первой половине II тыс. до н.э.

Если рассматривать каменный, костяной и металлический инвентарь, то большая часть его находит аналогии в памятниках позднего неолита, энеолита и даже ранней бронзы, время существования большинства которых укладывается во вторую половину III – рубеж II тыс. до н.э. или просто в III тыс. до н.э. Еще В.Н. Чернецов писал, что шестигранные в сечении топоры и тесла очень характерны для эпохи бронзы (1953, с. 43). Наконечники стрел с насадом и бусинки из просверленных клыков марала встречены в погребении 7 Пономаревского могильника, который А.П. Окладников относил к серовскому этапу и датировал III тыс. до н.э. (1952, с. 139, 230). Рыболовные стерженьки находят аналогии в энеолитическом погребении 1 Падь Ленковая (Окладников А.П., 1974, с. 131–134), неолитическом погребении 3 могильника Шаманский Мыс на о. Ольхон на Байкале, которую А.К. Конопацкий считает китойской (1982, с. 73). В целом же и каменные наконечники стрел и стерженьки рыболовных крючков прекрасно перекликаются с инвентарем памятников Средней Катуни, особенно из погребения в Нижнетыткескенской пещеры, которое, как уже отмечалось выше, датируется пятью радиоуглеродными датами серединой, второй половины IV тыс. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995, с. 42). Костяные гарпуны находят аналогии в позднеэнеолитических памятниках лесостепной зоны Бурятии, датируемых концом III – началом II тыс. до н.э. (Ивашина Л.Г., 1979, с. 120), в памятниках неолита и энеолита Прибайкалья и Приангарья (Окладников А.П., 1974, с. 114–116, 131–138). Металлические изделия, найденные на поселении Алексеевка 1, в частности, составной нож, находят ближайшие аналогии в материалах III тыс., а вернее, даже второй половины III тыс. до н.э. (Гришин Ю.С., 1971, с. 9; Окладников А.П., 1974, с. 131–138). Украшения, найденные в могильнике Большой Мыс, имеют широкие параллели и находят аналогии в памятниках как неолита, так и энеолита. Но в районах, расположенных ближе всего к Верхнему Приобью, они чаще встречаются в конце III тыс. до н.э. (Ивашина Л.Г., 1979, с. 120), а в Средней Азии в памятниках позднего неолита – раннего энеолита (Виноградов А.В., 1981, с. 115–116).

Рассмотрим теперь вопрос о датировке каменных сверленных топоров. К сожалению, большая часть сверленных топоров, найденных на территории Западной Сибири, являются случайными находками. Исключение составляют два топора, найденные геологом А.П. Баженовым в древнем руднике Владимировская Чудская падь в Усть-Канском районе Республики Алтай и обломок сверленного топора, найденный автором на поселении Тух-Эмтор 4 в Васюганье, вместе с материалом бронзолитейного производства и керамикой, датируемых первой половиной II тыс. до н.э. Каменный топор с недосверленным отверстием был обнаружен В.И. Молодиным при исследовании афанасьевского могильника Пещеркин Лог 1 на левом берегу р. Каракол недалеко от с. Черный Ануй Усть-Канского района Республики Алтай (Деревянко А.П., Молодин В.И., Маркин С.В., 1987, с. 44–48). В.И. Матющенко, рассматривая неолит Верхнего Приобья, включил в него и сверленные топоры (1973, с. 58), которые он отнес к западному компоненту верхнеобской неолитической культуры. Правда, это гораздо раньше отметил Л.Р. Кызласов,

который в 1965 г. писал, что связи алтайской области распространения сверленных топоров были западными и осуществлялись в конце III – начале II тыс. до н.э. с Нижним Поволжьем, где проходила восточная граница катакомбовой культуры (1965, с. 167). Как уже отмечалось выше, большинство исследователей датируют каменные сверленные топоры III – началом II тыс. до н.э. (Брюсов А.Я., Зимина М.П., 1965; Кызласов Л.Р., 1965; Крайнов Д.А., 1972). Ряд исследователей считает их самыми древними клиновидными топорами и время их бытования определяют IV–III тыс. до н.э. (Брюсов А.Я., Зимина М.П., 1965; Крайнов Д.А., 1963; Крайнов Д.А., 1972). С.В. Цыб, давший типологию каменным «боевым» топорам Западной Сибири, поддерживает эту точку зрения (1981, с. 7). Автор данной монографии, рассматривая в одной из своих работ каменные сверленные топоры, отмечает, что наиболее вероятной датой их существования на Алтае является III тыс. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин А.Ю., 1998, с. 25).

Некоторые авторы считают вислообушные топоры искусным подражанием в камне литым металлическим топорам (Бадер О.Н., Кызласов Л.Р., Черных Е.Н., 1976, с. 236). В литературе уже рассматривались различные точки зрения о назначении сверленных топоров. Одни считали их боевым оружием (Брюсов А.Я., Зимина М.П., 1965, с. 14), другие – орудиями труда, которые использовались в горном деле (массивные клиновидные и усеченно-ромбические) (Киселев С.В., 1949; Кызласов Л.Р., 1965), третьи предполагали существование смешанных типов рабочих и боевых топоров (Крайнов Д.А., 1963; Мерперт Н.Я., 1975; Цыб С.В., 1981). Соглашаясь с тем, что они имеют смешанный характер, отметим все-таки, что основная масса топоров найдена в предгорьях Алтая в полосе от Змеиногорска до Бийска, где было известно наибольшее количество древних горных выработок. А топоры из коллекции Г.И. Спасского и ряд других были найдены при горных работах. А два таких топора, как уже отмечалось, найдены в наши дни в древнем руднике Владимировская Чудская Падь геологом А.П. Баженовым. Здесь в пределах северного склона Теректинского хребта, на высоте около 2000 м над уровнем моря, в открытом карьере добывались не вторичные минералы, а слабоокисленные первичные сульфидные руды, в основном халькоперит. Вторичные минералы меди не образуют сколько-нибудь заметных концентраций. Обработка же сульфидной руды требовала ее обжига до начала плавления, однако в пределах участка никаких следов обжиговой печи не прослеживалось. Видимо, измельченную руду спускали вниз в долину Чарыша и там обжигали и плавляли. В данном случае мы имеем уже довольно сложный процесс получения меди, т.е. по крайней мере меднолитейное производство. Ни о какой неолитической принадлежности каменных сверленных топоров не может быть и речи. Более того, когда в 1997 г. эта выработка была обследована В.Б. Бородаевым, им были найдены каменные орудия, роговые клинья, обломки орнаментированных деревянных предметов. По одному из них в Институте геологии СО РАН была получена дата, давшая возраст 4665±75 лет, или 2715±75 лет до н.э. (Баженов А.И., Бородаев В.Б., Малолетко А.М., 1999, с. 19; 2000, с. 8). Следовательно развитый процесс меднолитейного производства датируется началом III тыс до н.э. Если же посмотреть на карту находок топоров, то она очень хорошо совпадает с картой энеолитических памятников предгорий Алтая. Нам представляется, что наиболее вероятной датой существования этих изделий будет вторая половина IV–III тыс. до н.э. Возможно, каменные топоры были связаны с меднолитейным производством не только в качестве орудий труда, но и в качестве ритуальных предметов. Ритуальный характер находок массивного топора, лежащего в центре очага в шестом горизонте раннего бронзового века поселения Эзеро в Южной Болгарии, отмечает Н.Я. Мерперт (1975, с. 172).

Таким образом, все приведенные аналогии каменному, костяному и металлическому инвентарю и керамике позволяют датировать энеолитические памятники Барнаульско-Бийского Приобья второй половиной IV–III тыс. до н.э.

1.2.7. Культурная принадлежность

Как уже отмечалось выше, часть энеолитических памятников Барнаульско-Бийского Приобья была отнесена В.И. Матющенко к верхнеобской неолитической культуре (1973), выделенной им в 1960-е гг. (Матющенко В.И., 1969). По мнению М.Ф. Косарева, верхнеобская неолитическая культура в действительности представляла собой большую культурную общность, в пределах которой локализовалось несколько родственных культур. Как отмечает М.Ф. Косарев, В.И. Матющенко объединил в неолитическую культуру памятники раннего металла Южного Приобья (Косарев М.Ф., 1981, с. 63). Нам представляется, что в данную культуру включены и разновременные, и разнокультурные памятники. По мнению В.И. Молодина, уже на завьяловском этапе неолита Верхнего Приобья начинается процесс локализации отдельных групп населения Западно-Сибирской культурно-исторической провинции, и позднее этот процесс завершился сложением отдельных локальных культур и групп населения (1977, с. 18). Каменный инвентарь рассмотренных энеолитических памятников Барнаульско-Бийского Приобья обнаруживает большое сходство с аналогичными изделиями развитого и позднего неолита Верхнего Приобья (там же, табл. V-X). Прослеживается сходство в погребальном обряде и в обилии украшений из зубов и клыков различных животных. Это сходство хорошо видно при сравнении с неолитическими и энеолитическими памятниками Байкала и Прибайкалья, Ангары и Бурятии (Окладников А.П., 1952; 1974; Конопацкий А.К., 1982; Ивашина Л.Г., 1979). Как уже отмечалось, антропологический тип населения по ряду признаков близок антропологическому типу населения неолита-энеолита Байкальского района (Дремов В.А., 1980, с. 39). В то же время орнаментация посуды Барнаульско-Бийского Приобья существенно отличается от энеолитической керамики поселения Ботай в Северном Казахстане, правда, и там в небольшом количестве встречается гребенчатая техника.

Мне представляется, что формирование культуры населения энеолита предгорий Алтая носило сложный характер. Видимо, в позднем неолите начинается проникновение в эти районы каких-то групп населения из южных и юго-западных районов Средней Азии, относящихся к южноевропейскому средиземноморскому антропологическому типу. Это проникновение носило длительный характер. Оно фиксируется на антропологических материалах могильников Усть-Иша и Большой Мыс, где встречаются и чистые монголоиды и европеиды и появляются смешанные варианты (Дремов В.А., 1980, с. 44). Подобный антропологический тип зафиксирован в позднекельтеминарском могильнике Тумек-Кичиджик в северной Туркмении (Трофимова Т.А., 1974; 1979). Очень близки погребальные обряды и особенно преобладание гребенчатой и гладкой качалки в орнаментации керамики. Имеются много аналогий и в украшениях. Видимо, это были кельтеминарские племена, периодически проникавшие в Верхнее Приобье. О связях неолитических племен Урала, Зауралья и Западной Сибири неоднократно писалось различными исследователями (Збруева А.В., 1946; Матюшин Г.Н., 1975; 1982; Матющенко В.И., 1973, с. 127-128; Молодин В.И., 1977, с. 17; Чернецов В.Н., 1948; 1959, с. 30-31; 1960). Влияние племен кельтеминарской культуры было настолько сильным, что оно достигло Енисея, что было отмечено А.П. Окладниковым для инвентаря неолитических памятников Среднего Енисея (Окладников А.П., 1957, с. 49-50). В.И. Матющенко высказал мнение, что формирование неолитической культуры населения лесного и лесостепного Приобья происходило при участии населения Приаралья (1973, с. 128). Пока не совсем ясно, что послужило причиной таких передвижений, возможно, перенаселенность исконных территорий, что было связано с осушением районов Приаралья, возможно, переход к новым типам хозяйства, особенно скотоводству, требовал новых, слабо освоенных территорий, пригодных для скотоводства. Постепенный приход этого населения хорошо

фиксируется многочисленными поселениями и стоянками, протянувшимися полосой вдоль Алтайских гор от Казахстана на юге до Камня-на-Оби на севере. Все эти памятники тяготеют к озерным системам, но обязательно с наличием луговых пространств вокруг них, что давало возможность заниматься не только рыболовством, но и скотоводством. И если памятники на границе с Казахстаном дают, может быть, не всегда чистые большемысские комплексы (большее разнообразие в орнаментации керамики), то с удалением к северу и особенно к северо-востоку картина меняется, начинает преобладать большемысская орнаментация. На мой взгляд, здесь как раз был коридор, по которому проходило постепенное движение племен из Средней Азии. Таким образом, второй компонент культуры энеолитических племен Верхнего Приобья прослеживается довольно отчетливо.

Третий компонент, по-нашему мнению, был связан с афанасьевской культурой. Энеолитические памятники афанасьевской культуры и предгорной зоны разделяет буквально несколько десятков километров. Афанасьевское погребение было раскопано участницей экспедиции Г.П. Сосновского сотрудницей Эрмитажа А.М. Виноградовой в 1936 г. в Горно-Алтайске. В долине нижнего течения Катунь вместе с афанасьевской керамикой найдена и керамика, характерная для предгорной зоны (Абдулганеев М.Т., Киржашин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982, с. 70). При раскопках афанасьевского поселения Узнезя-1 у с. Узнезя в Шебалинском районе Республики Алтай Н.Ф. Степановой в 1985 г. была встречена керамика, орнаментированная гребенчатой качалкой, оттисками крупнозубой гребенки, которая часто встречается в лесостепном и предгорном Алтае. Видимо, долина Катунь была тем коридором, по которому афанасьевцы спускались в предгорную зону, а племена, жившие там, попадали в горные долины. Контакты афанасьевцев с населением Верхнего Приобья неоднократно отмечались различными исследователями (Киселев С.В., 1949, с. 35; Косарев М.Ф., 1974, с. 45). Контакты с афанасьевским населением, видимо, прослеживаются и по костным материалам могильника Усть-Иша. Типичная афанасьевская керамика найдена в Малоутренево и на Ляпустином Мысу вместе с керамикой первой группы (рис. 18-5-7). Взаимное влияние обнаруживается не только в совместном нахождении разнокультурной посуды, но и в орнаментации сосудов первой группы (резная техника, качалка).

С другой стороны, отсутствие афанасьевских материалов на сравнительно ранних поселенческих комплексах поселений на р. Тьткескень на Средней Катунь и то, что афанасьевский слой перекрывал собой большемысское погребение в Нижнетьткескеньской пещере, ставит вопросы: как, когда и где осуществлялись эти контакты? Новосибирскими археологами в 1980–1990-х гг. обнаружены и исследованы погребальные и поселенческие комплексы афанасьевской культуры в бассейне Ануя Алтайского края и Республики Алтай (Погожева А.П., 1984, с. 225–226; Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с. 27–69; 109–113; рис. 64–87). Афанасьевские материалы встречены при исследовании пещеры имени академика Окладникова у с. Сибирячиха Солонешенского района (Деревянко А.П., Молодин В.И., Маркин С.В., 1987, с. 20). П.И. Шульгой в период с 1983 по 1999 г. обнаружен и частично исследован комплекс афанасьевских памятников на Чарыше в Чарышском районе (Шульга П.И., 2000, с. 108–112). В Курьинском районе Алтайского края Л.С. Марсодоловым обнаружено афанасьевское поселение Подсинюшка (Марсодолов Л.С., 1997, с. 116–119).

Таким образом, сейчас выясняется, что предгорные районы западного и юго-западного Алтая насыщены афанасьевскими памятниками, особенно по долинам рек, вытекающих из Горного Алтая. И пока трудно однозначно сказать, участвовали ли афанасьевцы в формировании рассматриваемой культуры или просто контактировали с ее носителями, так как сами эти памятники исследованы пока слабо. Исключение составляет Денисова пещера,

где афанасьевские слои датируются в пределах III тыс. до н.э. По мнению А.П. Деревянко и В.И. Молодина, это время расцвета афанасьевской культуры (1994, с. 113). Как уже отмечалось, в Нижнетыткескенской пещере афанасьевский горизонт перекрывал энеолитическое погребение (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995, с. 27).

Совместное залегание в одних слоях большемысской (рис. 60) и афанасьевской керамики прослежено Н.Ф. Степановой на поселении Малый Дуган на р. Куюм – правом притоке Катуня (Степанова Н.Ф., 1997, с. 113–116). В целом складывается впечатление, что афанасьевцы появляются здесь сравнительно поздно, только в III тыс. до н.э.

Не совсем понятным остается происхождение производящего хозяйства. Мне представляется, что скотоводство, появившееся у энеолитических племен Верхнего Приобья, скорее всего, было заимствовано у афанасьевского населения (Кирюшин Ю.Ф., Калашникова Т.В., Шамшин А.Б., 1980, с. 64–67). При выборке пятого и шестого горизонтов на поселении Костенкова Избушка вместе с энеолитическими материалами встречены кости лошади, крупного и мелкого рогатого скота. В количественном отношении преобладает лошадь. Совместное нахождение костных остатков домашнего скота и энеолитических материалов не вызывает сомнений.

Таким образом, в формировании культуры энеолита Верхнего Приобья приняли участие местные племена и пришлые кельтеминарские и, возможно, какие-то племена афанасьевской культуры Горного Алтая. По могильнику Большой Мыс на оз. Иткуль она получила название большемысская, о чем мною сообщалось в многочисленных публикациях (Кирюшин Ю.Ф., 1981, 1985, 1986, 1987, 1988, 1990, 1991, 1994; Kiryushin Y.F., 1994). Памятники большемысской культуры протянулись полосой по предгорьям Алтая, заходя по долинам крупных рек и в Горный Алтай, от верховьев Алея (район Локтя и Змеиногорска) до границ Кемеровской и Новосибирской областей (комплекс памятников на оз. Танай) (Бобров В.В., 1996, с. 66–71; Мална Е.М., 1994, с. 90–94). Северная граница проходила в районе с. Ордынского. Здесь в полосе от Камня-на-Оби до Ордынского на разновременных памятниках встречены фрагменты большемысских сосудов и типичный каменный инвентарь (Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С., Шамшин А.Б., Уманский А.П., 1990). Южная граница проходила по Средней Катуня, что хорошо видно по многочисленным большемысским памятникам.

Хозяйство населения эпохи энеолита будет рассмотрено ниже в специальной главе.

1.3. ЭНЕОЛИТ НОВОСИБИРСКОГО ПРИОБЬЯ

В настоящее время в южной части Новосибирского и частично северной части Барнаульского Приобья известна группа ранних памятников, открытых М.П. Грязновым в ходе обследования им будущего ложа Новосибирской ГЭС (Грязнов М.П., 1954) и незначительно исследованных им совместно с М.Н. Комаровой в начале 1950-х гг. (Комарова М.Н., 1956). Позднее на памятниках у с. Ордынского продолжили работы Т.Н. Троицкая (1968, 1973) и В.А. Зах (1973, 1979, 1983). Значительная часть памятников, открытых М.П. Грязновым и М.Н. Комаровой, исследована В.И. Молодиным (1972, 1973, 1975, 1977). В южной части Новосибирского Приобья им открыто и изучено значительное количество памятников от эпохи неолита до развитой бронзы (Молодин В.И., 1977). Большая часть этих памятников одними учеными относится к неолиту (Матюшенко В.И., 1973), другими – к неолиту и к эпохе раннего металла (Молодин В.И., 1977).

В северной части Алтайского края по берегам Оби и Обского водохранилища проводит многолетние исследования А.П. Уманский (Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П., Севастьянова Э.А., 1973). Им открыты и изучены многочисленные разновременные памятники. Наиболее известными из них являются комплексы у д. Плотинная, у с. Дресвянка и в урочище Раздумье (Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С., Шамшин А.Б., Уманский А.П. 1990,

с. 37–56; Уманский А.П., 1987, с. 81–99). Некоторые материалы и сведения о ряде этих памятников уже публиковались, поэтому я не стал давать карту их расположения.

Изученные в Барнаульско-Бийском Приобье энеолитические комплексы позволяют пересмотреть относительную датировку ряда памятников или материалов с многослойных стоянок и поселений и отнести их к энеолиту. К таким стоянкам относятся Ирба, Кротово 2, 7, Мерсть 1 и 2, Ливадия, часть материалов с донной стоянки Киприно, могильник и две стоянки у с. Ордынское – Восточная и Западная. К этому времени, видимо, следует отнести два погребения из Ордынского, опубликованные В.И. Молодиным, одно из которых он считает кипринским (1977, с. 23–24, 27), и погребения из могильника Крутиха 5. Три он датирует неолитом (1, 2, 4) и одно (3) эпохой раннего металла (Молодин В.И., 1977, с. 26). К этому времени относятся два погребения из могильника Раздумье 1б (Уманский А.П., 1987, с. 85–86), материалы из разрушенных погребений могильника Плотинная 2 и поселенческие материалы с Плотинной 1 (Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С., Шамшин А.Б., Уманский А.П., 1990, рис. 2, 3).

1.3.1. Инвентарь

На рассматриваемых памятниках получен многочисленный керамический, каменный и костяной инвентарь, отдельные металлические предметы и украшения.

1.3.1.1. Керамика. Все сосуды сделаны от руки методом наращивая лент. Сосуды хорошего обжига. Посуда с округлым и приостренным дном более тонкостенная, чем плоскодонная. По форме всю посуду можно классифицировать на две группы, по орнаментации каждую из них можно разделить на две подгруппы.

Первая группа. Сюда выделены сосуды с острым и округлым дном. Венчики у них прямые или слегка отогнуты наружу. Днище делалось из целого куска глины и затем крепилось к сосуду. По орнаментации эта группа делится на две подгруппы.

Первая подгруппа. В нее выделены сосуды, в орнаментации которых преобладает гребенчатый штамп. Это ряды косо и вертикально поставленной гребенки (рис. 61), оттиски гребенки, образующие зигзаги, наклонные линии, ряды елочки (рис. 62–4). Встречаются один или несколько рядов ямок (рис. 61–9), иногда гребенчатая качалка переходит в отступающую гребенку (рис. 61–4). На некоторых сосудах прослеживаются печатная гребенка и гребенчатая качалка (рис. 61), на других отпечатки гребенки сочетаются с волнистыми линиями из отступающей палочки. На ряде сосудов имеются овальные вдавления (рис. 62–4). Посуда этой группы преобладает на поселении Ирба (рис. 61), встречается на стоянках Киприно (рис. 62, 63), Ордынское 1а (Грязнов М.П., 1954, рис. 2–А). Правда, М.П. Грязнов датирует эту стоянку неолитом (1954, с. 15), а В.И. Молодин – эпохой раннего металла (1977, с. 36). Часть керамики и каменных орудий с поселения Ирба была опубликована М.Н. Комаровой (1956, рис. 41).

Вторая подгруппа. В нее выделены остродонные сосуды, украшенные насечками. Насечки образуют горизонтальные, наклонные и вертикальные линии, взаимопроникающие треугольные зоны (рис. 62–1; 63–1) (Комарова М.Н., 1956, рис. 40–16). Вся эта посуда происходит со стоянки Киприно. Иногда на посуде прослеживаются косо поставленные отпечатки угла гребенчатого штампа.

Посуда с орнаментацией, характерной для первой подгруппы, встречается на памятниках липчинской культуры в Восточном Зауралье (Бадер, 1970, рис. 2–59–62), на памятниках байрыкского этапа в Тюменском Притоболье (Косарев М.Ф., 1981, рис. 16, 17). Как уже отмечалось, присутствует она в орнаментации энеолитической посуды в Барнаульско-Бийском Приобье, правда, в небольшом количестве.

Посуда, орнаментированная насечками, характерна для боборыкской культуры энеолита Тюменского Притоболья (Косарев М.Ф., 1981, рис. 7), встречается и на бай-

рыкском этапе (там же, рис. 16-2а, 2б, 2в). Сосуд с насечками есть и на поселении Комарово (рис. 15-1).

В.И. Молодин относит данную керамику к ирбинскому типу и датирует эпохой раннего металла, т.е. концом III – началом II тыс. до н.э. (1977, с. 43).

Вторая группа. Сюда отнесены сосуды с уплощенным и плоским дном. По орнаментации эта группа делится на две подгруппы.

Первая подгруппа. В нее выделены сосуды, украшенные отпечатками гребенки от венчика до дна. Это ряды из отпечатков вертикальной или косо поставленной гребенки (рис. 64-4-6, 8, 10). Иногда отпечатки гребенки образуют сетку по венчику или по тулову. Они чередуются с рядами косо поставленных насечек (рис. 64-10) Сюда же отнесен сосуд, орнаментированный рядами косо поставленных насечек, образующих ряды елочки (Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П., Севостьянова Э.А., 1973, рис. 2-б). Днища сосудов этой подгруппы орнаментированы рядами из отпечатков гребенки или насечками (рис. 64-6, 8, 10). Иногда днище делится на четыре сектора, которые орнаментируются самостоятельно, так что получаются взаимопроникающие зоны (рис. 64-8). Сосуды этой подгруппы большей частью встречены на памятнике Ордынское 1б (западная стоянка), в меньшей степени на Ордынском 1а (восточная стоянка) и на Ирбе. В орнаментации сосудов этой подгруппы встречаются ряды ямок, жемчужин, зашпы. Посуда, орнаментированная рядами наклонных насечек, образующих елочные композиции, встречена на стоянках Шайтанка 1 и 2 в верховьях Кети (Косарев М.Ф., 1973).

Вторая подгруппа. К ней отнесены сосуды, украшенные оттисками отступающей гребенки или угла отступающей гребенки, образующей горизонтальные и вертикальные ряды (рис. 64-1, 9), иногда волнистые ленты (рис. 64-7). Эта посуда встречается в большей степени на памятнике Ордынское 1б (западная стоянка) (рис. 64), в меньшей на Ордынском 1а (восточная стоянка и на стоянке Ирба. Венчики некоторых сосудов волнистые (рис. 64-7). Видимо, к этой же подгруппе следует отнести сосуд из погребения из Ордынского, которое В.И. Молодин называет кипринским (1977, табл. XV). По технике орнаментации (оттиск угла отступающей гребенки) он полностью соответствует сосудам этой подгруппы, по рисунку он действительно ближе кипринским, от которых отличается, вероятно, плоским дном. Посуда, украшенная оттисками из уголков отступающей гребенки, широко встречается в энеолитических памятниках лесного Зауралья (Старков В.Ф., 1976). Эта керамика как раз очень близка сосуду из Ордынского. В.И. Молодин датирует Ордынское 1б (Западная) эпохой раннего металла и считает этот памятник отличным от самусьских (1977, с. 68). Данная посуда, по его мнению, обнаруживает определенное сходство с ирбинскими комплексами и ее следует датировать первой половиной II тыс. до н.э. (Молодин В.И., 1977, с. 72-74).

1.3.1.2. Каменный инвентарь. Каменный инвентарь памятников Новосибирского Приобья менее многочислен, чем в Барнаульско-Бийском Приобье. Основная масса изделий изготовлена из сливных кварцитовидных песчаников. Обращает на себя внимание большое количество орудий из мелкозернистого песчаника, которые использовались как точильные бруски.

Шлифованные ножи. На стоянке Киприно найдено четыре ножа двух типов. Три из них относятся к ножам с вогнутым лезвием (рис. 65-25-27; Молодин В.И., 1977, рис. 40-1, 2) и одно к ножам с прямым лезвием (рис. 65-24). Подобные ножи встречены в Малоугренево и в погребении 1 могильника Большой Мыс. Причем как в том, так и в другом случае встречены вместе ножи с прямым и вогнутым лезвием (рис. 21-6-7, 29-17, 19, 23). Один нож с вогнутым лезвием происходит из погребения у пос. Ливадия (Комарова М.Н., 1956, рис. 42-18). Один нож с прямым лезвием найден на Кротово.

Двусторонне обработанные ножи. Представлены одним целым экземпляром и обломком другого с Восточной стоянки (Ордынское 1а) (рис. 66-4).

Топоры. Встречен один экземпляр на стоянке Мереть. Его длина 13 см, ширина лезвия 6 см, а обуха 4,4 см (рис. 48-1).

Тесла. Представлены одним экземпляром подшлифованного тесла, шестигранного в сечении, происходит с Ордынского 1б – Западная. Его длина 10,5 см, ширина лезвия 4,5 см (рис. 48-2).

Долотовидное орудие. Встречено два экземпляра. Одно с Ордынского 1б. В рабочей части и по бокам обработано сколами (рис. 67-3). Второе с Ордынского 1а обработано с рабочей части и с одной стороны (рис. 66-14).

Скребла. Представлены двумя экземплярами с Ордынского 1б (рис. 67-4, 6). Обработаны крупными сколами.

Сверла. Найдено восемь экземпляров. Пять из них происходят с Киприно (рис. 65-21-23, 68-17, 18), два с Ордынского 1б (рис. 67-9, 14) и одно с Ордынского 1а (рис. 66-5). Сверла из Киприно изготовлены на пластинах (рис. 68-17, 18, 22), остальные – на крупных отщепах.

Наконечники дротиков. Встречено девять целых и четыре в обломках. По одному целому происходят из Кротово (рис. 68-1), Мерети (рис. 68-5), Ордынского 1б, четыре целых и два обломка происходят с Ордынского 1а (рис. 66-1-3). Два целых и два обломка найдены в могильнике Плотинное П (Киришин Ю.Ф., Удодов В.С., Шамшин А.Б., Уманский А.П., 1990, рис. 3-2, 3, 8, 9). Все они изготовлены из сливных кварцитовидных песчаников и обработаны двусторонней ретушью. Типологически эти наконечники дротиков близки аналогичным орудиям с Павловки X и Новенького 1 (рис. 30-2; 35-37).

Ножевидные пластинки. Встречены на всех памятниках, но особенно много их на Киприно (рис. 65-1-14). В основном это обломки, треугольные и трапецевидные в сечении. Некоторые из них подработаны ретушью (рис. 65-11), другие имеют следы сработанности (рис. 65-5, 8).

Наконечники стрел. По количеству – это вторая категория вещей после ножевидных пластинок. Выделяется несколько типов.

Листовидные (рис. 66-7; 68-20-22). Все они имеют вытянутую форму. Найдены в Киприно, в Ирбе, на Ордынском Восточной.

Миндалевидные. Найдены на Киприно (рис. 68-25-27) и на Ордынском 1а (рис. 66-6, 8).

Листовидные с выемкой у основания. Встречены на Киприно (рис. 68-17, 18), Кротово.

Треугольные с прямым основанием. Встречены на Киприно (рис. 68-7-12), Ирбе.

Треугольные с выемкой у основания. Найдены в Киприно (рис. 68-13-16).

Черешковые. Обнаружен один экземпляр в погребении на Ордынском 1б (рис. 48-11).

Скребки. Встречены буквально на всех памятниках. Все они, как правило, изготовлены на отщепах. Особенно много скребков на Ордынском 1б (рис. 67-5-8, 12) и на Киприно (рис. 65-15-19).

Встречаются ретушированные отщепа (рис. 65-20).

Стерженьки. Найдено несколько экземпляров на стоянке Ордынское 1а (Восточная). Все они изготовлены из глинистого сланца и имеют вытянутую форму, сужающуюся к концам и округлые в диаметре (рис. 66-12-13). Подобные стерженьки были встречены автором в Степановском могильнике в Васюганье, который он отнес к эпохе раннего металла и датировал началом II тыс. до н.э. (Киришин Ю.Ф., 1978).

Отбойники. Найдены буквально на всех памятниках. Изготовлены, как правило, из галек вытянутой формы. Некоторые имеют форму пестов.

Точильные бруски. Изготовлены из кусков и плиток мелкозернистого сланца. Некоторые из них имеют вытянутую форму (рис. 66-10, 16; 67-1, 2, 11), другие представ-

лены в бесформенных обломках (рис. 68–29). Все они несут явные следы сточенности. Особенно много точильных брусков на стоянке Ордынское 1а, что, несомненно, исключает ее неолитический возраст. Судя по сработанности на многих брусках, ими затачивались или правились колющие и режущие предметы. Три точильных бруска найдены в погребении 7 могильника Раздумье 2.

1.3.1.3. Костяные орудия. По сравнению с каменными их сравнительно немного.

Гарпуны. Представлены одним экземпляром, происходящим из погребения 7 грунтового могильника 1б из урочища Раздумье, раскопанного А.П. Уманским в 1965–1966 гг. (Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П., Севастьянова Э.А., 1973; Уманский А.П., 1987, с. 24). Гарпун имеет три зубца с одной стороны и небольшое углубление в нижней части для привязывания.

Ретушеры. Найдено два экземпляра в погребении 7 из Раздумья 1. Они имеют овально-изогнутую форму, длина 17 и 16 см, ширина около 1,5 см (рис. 69–2, 3). Ретушеры приострены с обеих сторон.

Проколки. Представлены двумя экземплярами. Одна с поселения Мереть (рис. 48–10), другая из Ордынского 1б (рис. 70–5). Обе проколки в нижней части обломаны.

Формовочный нож. Найдено один экземпляр ножа на Ордынском 1б, который, судя по сработанности, применялся для изготовления керамической посуды (рис. 70–3).

Лошिला. Представлены тремя экземплярами с поселения Ордынское Западная. Два из них сильно сработаны (рис. 70–2, 4), у третьего сработанность едва заметна, им только начинали пользоваться (рис. 70–6). Лошила, видимо, применялись для заглаживания керамики. Возможно, третий инструмент использовали для обработки кожи.

Пластины. Обломки тонкой костяной пластины найдены в погребении 7 могильника Раздумье 1б. Обломок костяной пластины с двумя сквозными отверстиями встречен на Ордынском 1б (рис. 70–1). Назначение пластин пока не совсем понятно: то ли это украшения, то ли защитные доспехи.

1.3.1.4. Металлические орудия. Представлены тремя экземплярами шильев. Одно из них происходит из могилы 11 Ордынского 1б (рис. 48–8), одно из Мерети (рис. 48–9) и одно из Кротово (рис. 48–3). Шилья из Ордынского и Мерети квадратные в сечении, из Кротово – округлые. Достоверно к энеолиту можно отнести только шило из Ордынского. Подобные шилья бытуют начиная с эпохи энеолита (Черных Е.Н., 1978, рис. 41, 8–10, 14, 15). Е.Е. Кузьмина относит эти шилья ко второму типу и считает, что они получили широкое распространение в конце III тыс. до н.э. (1966, с. 62–63).

1.3.2. Предметы искусства и украшения

Предметы искусства представлены двумя зооморфными изображениями. Одно из них – стилизованное изображение головы верблюда из погребения 7 могильника Раздумье 7 (рис. 70–1) Изображения верблюда не характерны для племен Верхнего Приобья в рассматриваемое время. Видимо, это, скорее всего, свидетельствует о каких-то южных связях, возможно, юго-западных. Второе изображение головы птицы из Ордынского Западной. Рельефно передана голова птицы в виде прочерченных линий, выделены клюв и глаза (рис. 64–3). С правой стороны под глазом нанесены две черточки. Изображение опубликовано В.И. Молодиным, который трактует его как головку хищника (1976, с. 112–113). В.И. Матющенко считает, что это фигурка лебедя (1973, с. 93). Однако после находки великолепного рогового навершия в виде головы ворона в могильнике Сопка 2 В.И. Молодиным в 1981 г. (1983, с. 220), которое сопоставимо с изображением головы птицы из Ордынского, можно сделать вывод, что это, скорее, тоже голова ворона, поэтому В.И. Молодин прав в том, что изображение с Ордынского 1б – это голова какого-то хищника.

Из украшений встречены подвески из зубов животных из погребения кипринского времени из Ордынского (Молодин В.И., 1977, табл. ХУ). В погребении 7 Раздумья 1б обнаружены обломки раковины, которая также могла использоваться в качестве украшения.

1.3.3. Погребальный обряд

Погребальный обряд энеолитических племен Новосибирского Приобья прослеживается по четырем захоронениям в Ордынском, три из них были раскопаны М.П. Грязновым (1954) и одно В.А. Захом (1973, с. 23; Молодин В.И., 1977, с. 2–3) и двум захоронениям из Раздумья 1, исследованными А.П. Уманским (1987). Во всех случаях умерший лежал на спине, но ориентация различна; так, в трех могилах, раскопанных М.П. Грязновым, умершие похоронены головой на запад; в могиле, вскрытой В.А. Захом, – на северо-восток; в погребении 2 в Раздумье 1б на север и могила 7 там же была вытянута по линии ССВ–ЮЮЗ. Все погребения совершены на значительной глубине (от 1,0 до 1,5 м). В Раздумье прослежены остатки деревянной обкладки и засыпка костей охрой. В одном из погребений Ордынского встречены каменные орудия (рис. 48–7, 11), медное шило и 83 кости овцы (42 астрагала, 26 пяточных и 15 мелких костей) не менее чем от 23 особей. Остальные два без инвентаря. В Раздумье одно из погребений также без инвентаря, но с астрагалом барана, второе с инвентарем. Могила, раскопанная В.А. Захом, также с инвентарем. Таким образом, для энеолитических погребений Новосибирского Приобья можно отмечать значительное разнообразие в погребальном обряде, которое прослеживается и в ориентации умерших, и в присутствии охры, и в снабжении инвентарем, что, видимо, связано с многокомпонентностью культуры населения эпохи энеолита данного района.

1.3.4. Антропологический тип

Костные остатки из погребений Ордынского были исследованы В.П. Алексеевым, который на основании изучения черепов из могил 3 и 12 (энеолит) пришел к выводу о наличии в составе населения Верхней Оби грацильного монголоидного типа с низким prognathным лицом, характерного для таежной зоны Западной Сибири (1961, с. 118–119).

Вторая группа черепов эпохи неолит–энеолит была определена В.П. Алексеевым как протоевропейская (там же). Два черепа из Раздумья определены В.А. Дремовым как протоевропейские, аналогичные черепам из Ордынского (1981, с. 10). По устному сообщению В.А. Дремова, они аналогичны черепам с поселения Ботай. Эти материалы приводят к выводу о наибольшем сходстве с черепами Южной Сибири и ямной культурой Нижнего Поволжья (Дремов В.А., 1981, с. 10). Существование в таежной зоне Западной Сибири в эпоху энеолита низколицевого монголоидного типа, аналогичного Ордынскому, подтверждается находкой черепа в погребении 1 Степановского могильника в среднем течении Васюгана, раскопанного автором в 1971 г. (Кирюшин Ю.Ф., 1978). По мнению В.А. Дремова, население Новосибирского Приобья в эпоху неолита–энеолита имело смешанное происхождение, однако, в отличие от предгорий Алтая, где обитало сравнительно однородное метисное население, в Новосибирском Приобье составляющие компоненты различались намного отчетливее (1981, с. 11).

1.3.5. Датировка и культурная принадлежность

Большая часть рассматриваемых памятников датировалась М.П. Грязновым, М.Н. Комаровой и след за ними В.И. Матющенко эпохой неолита (Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П., Севастьянова Э.А., 1973; Комарова М.Н., 1956; Матющенко В.И.,

1973). В.И. Молодин ряд материалов с донной стоянки в Киприно и некоторые захоронения из Ордынского отнес также к неолиту, а вот стоянки Ордынское 1а (Восточная), Ирба, ряд кротовских стоянок он датировал эпохой раннего металла, а стоянку Ордынское 1б (Западная) совместно с И.В. Полосьмак относит к памятникам эпохи раннего металла, отличающимся от самусьских (1973, с. 36–37; Молодин В.И., Полосьмак И.В., 1980). Остановимся теперь несколько подробнее на абсолютной и относительной датировке типов керамики и некоторых категорий вещей, обнаруженных вместе с ней. Посуда первой группы находит аналогии в керамике липчинской культуры в Восточном Зауралье (Бадер О.Н., 1970, рис. 2–59–62), байрыкского этапа в Тюменском Приоболье (Косарев М.Ф., 1981, рис. 16, 17). Присутствует она и в энеолитических памятниках Барнаульско-Бисского Приобья и в боборыкинской культуре энеолита Тюменского Приоболья (Косарев М.Ф., 1981, рис. 7). Все эти памятники датируются второй половиной III – началом II тыс. до н.э. Видимо, наиболее вероятной датой существования этой группы керамики будет вторая половина III тыс. до н.э.

Вторая группа керамики обнаруживает большое сходство с первой, она явно с ней генетически связана и часто даже встречается вместе (Ордынское 1а и 1б, Ирба). Вместе с тем эта посуда явно моложе, хотя и находит аналогии в энеолитических памятниках лесного Зауралья (Старков В.Ф., 1976). В.И. Молодин отмечает определенное сходство посуды этой группы с посудой первой, которую он называет ирбинской и датирует первой половиной II тыс. до н.э. Соглашаясь в принципе с этой датировкой, отметим, что эта посуда, как и сами памятники, несомненно, предшествует кротовской культуре, нижняя дата которой определяется В.И. Молодиным в первой его монографии XVIII–XVII вв. до н.э. (1977, с. 67). Видимо, наиболее вероятным временем существования посуды второй группы будет первая четверть II тыс. до н.э. В.И. Молодин, рассматривая эту керамику, обратил внимание, что в ее орнаментации присутствует жемчужник, который, как он считает, появляется в период финального неолита (1973). Правда, позднее он памятники, давшие подобную керамику (Усть-Алеус 1, 7), отнес к эпохе раннего металла и датировал первой половиной II тыс. до н.э. (Молодин В.И., 1977, с. 69–74). Жемчужник присутствует и в орнаментации керамики елунинской культуры в Барнаульско-Бийском Приобье, которая датируется автором рубежом III–II тыс. – XVI вв. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., 1983, рис. 4, с. 21).

Этим датам не противоречит каменный и металлический инвентарь. Так, шлифованные ножи с прямым и вогнутым лезвием являются частой находкой на энеолитических памятниках Барнаульско-Бийского Приобья, то же самое относится и к наконечникам дротиков и стрел. Подобные рыболовные стерженьки встречены автором в Степановском могильнике в Васюганье, который он датировал началом II тыс. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., 1978). Медные шилья получают широкое распространение в конце III тыс. до н.э. (Кузьмина Е.Е., 1966).

Таким образом, первую группу посуды следует датировать второй половиной III тыс. до н.э., а вторую – первой четвертью II тыс. до н.э., а памятники, где она встречена, также в этих пределах, т.е. второй половиной III – первой четвертью II тыс. до н.э.

Памятники, где встречается первый тип посуды, были выделены М.Н. Комаровой в ирбинский тип неолита Верхнего Приобья (1956, с. 97–99), а В.И. Молодиным отнесены к раннему металлу (1977, с. 36–43). Посуду, выделенную во второй тип, он отличает от самусьской, отмечает близость между этими двумя группами и считает, что вторая близка керамике эпохи бронзы и имеет характерные черты, которые позволяют говорить о ней как об особой группе (1977, с. 68–74).

Рассматривая ирбинский тип памятников, В.И. Молодин в принципе соглашается с мнением В.И. Матющенко о влиянии населения Поволжья на западно-сибирские культуры, уточняя при этом, что это влияние было, скорее всего, опосредовано через северное население носителей ямочно-гребенчатой керамики (1977, с. 42).

Это предположение В.И. Молодина подтверждается и антропологическим типом части энеолитического населения Новосибирского Приобья, которое относилось к своеобразному грацильному, низколицему монголоидному типу, известному по находкам эпохи неолита в лесной зоне европейской части СССР и энеолита в таежной зоне Приобья. Видимо, население эпохи энеолита было многокомпонентным по своему составу. Здесь жили местные племена, потомки племен завьяловского и кипринского этапов неолита Приобья, и группы населения, имеющие более западное происхождение, о чем свидетельствует большое сходство с орнаментацией липчинской керамики, и группы населения, пришедшие из таежной зоны Зауралья и Приобья. Видимо, эти приходы были неодновременны, а значительно растянуты по времени. К эпохе энеолита – ранней бронзы не успел сложиться единый метисный антропологический тип, как считает В.А. Дремов (1981, с. 11), хотя в орнаментации керамики такое единство прослеживается. Несомненно, второй тип посуды генетически связан с первым и вырастает из него, что очень хорошо прослеживается в однотипной орнаментации. Время существования второй группы посуды заходит в эпоху ранней бронзы.

О многокомпонентности населения Новосибирского Приобья говорят и различия в хозяйстве и верованиях. Так, в энеолитическом погребении на Ордынском обнаружены кости от 23 особей (42 астрагала, 26 пяточных и 15 других мелких) очень крупной, по определению Н.К. Верещагина, домашней овцы, по величине равной из числа современных самым крупным романовским или гиссарским (Грязнов М.П., 1954, с. 6–7), что свидетельствует о хорошо развитом скотоводческом хозяйстве и особом отношении к овце как к ритуальному животному.

Материалы стоянок свидетельствуют об охотничьем типе хозяйства и об особом отношении к лосю и медведю. Среди костей диких животных 90–95% составили кости лося, на остальные приходятся кости медведя, бобра, других мелких хищников и чешуя рыб. На стоянке Ордынское 1б (Западная) обнаружено углубление, где лежали плотной кучкой кости нижней части четырех ног лося. На стоянке Ордынское 1а (Восточная) из восьми хозяйственных ям в пяти находились кучки костей ног лося, в одной (№7) кости лося и черепки от одного сосуда, в одной (№8) 18 кльков и 3 первых шейных позвонка, принадлежащие трем взрослым медведям и двум медвежатам, и только в одной яме лежали кучкой костяные орудия и заготовки для них. В данном случае мы, видимо, имеем следы проявления какой-то охотничьей магии. На стоянке Ордынское 1б (Западная) найдено изображение головы ворона. Изображение ворона известно в искусстве кротовских племен.

Таким образом, видимо, к началу ранней бронзы в южной части Новосибирского Приобья проживало многокомпонентное по своему составу население, которое в процессе взаимодействия еще не создало единый метисный антропологический тип и единую археологическую культуру. Нам представляется наиболее удобным оставить за этими памятниками термин «ирбинский тип», предложенный В.И. Молодиным, расширив его хронологические рамки до первой четверти II тыс. до н.э. Возможно, с появлением однослойных или слоев на хорошо стратифицированных памятниках можно будет поставить вопрос о выделении самостоятельной культуры эпохи энеолита в южной части Новосибирского Приобья.

Глава 2

РАННИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

2.1. Ранняя бронза Барнаульско-Бийского Приобья

Памятники ранней бронзы Барнаульско-Бийского Приобья были выделены автором в елунинскую культуру, названную по грунтовому могильнику у д. Елунино Павловского района Алтайского края (Кирюшин Ю.Ф., 1983; 1985; 1985а; 1987; Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1992, с. 208–209). Памятники елунинской культуры протянулись широкой полосой по предгорно-равнинной зоне Алтая, от верховий Алея, левого притока Оби, до среднего течения Чумыша, правого притока Оби (рис. 71). Северная граница проходила в районе г. Камня-на-Оби. Видимо, от с. Ордынского до Камня-на-Оби могла проходить контактная зона с племенами южно-таежного Приобья и лесостепного Обь-Иртышья. Эта зона, скорее всего, не была стабильной, она то расширялась к югу, то отодвигалась на север. Южная граница проходила по предгорной зоне Алтая, но в последние годы елунинские материалы получены с многочисленных памятников Средней Катуни (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Долинин Е.В., Кирюшин К.Ю., 1992, с. 39–40, рис. 12; Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Степанова Н.Ф., 1997, с. 36–41). На Катуни елунинские памятники занимают ареал, который до них был заселен большемысскими племенами. Западная граница проходит по западной части Алтайского края, по лесостепным и степным регионам и полностью совпадает с границей большемысской культуры. На юго-западе это район городов Семипалатинск–Павлодар в Республике Казахстан. Восточный ареал несколько уже, восточнее среднего течения Чумыша елунинских памятников пока не обнаружено.

Культура представлена многочисленными поселениями, могильниками, кладами и большим количеством случайных находок. Среди поселений полностью раскопаны Костенкова Избушка, Озерки Восточные, Ляпустин Мыс, Коровья Пристань I, II, III на оз. Иткуль. Причем поселения Коровья Пристань I, II являются многослойными памятниками, а поселение Озерки Восточные при раскопках 1981 г. дало почти исключительно материал, относящийся к елунинской культуре. Полностью раскопано многослойное поселение Боровое III. Поселение, находившееся на широком мысу первой надпойменной террасы правого берега Бии в 0,5 км к юго-востоку от одноименного села, открыто в 1930-х гг. сотрудниками Бийского музея, в 1960-х гг. обследовано Б.Х. Кадиковым, в 1981 г. – А.Л. Кунгуровым. В 1988 г. М.Т. Абдулганеевым вскрыто 100 кв. м площади, а в 1988 г. А.Л. Кунгуровым исследовано оставшихся примерно 500 кв. м (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А., 1992, с. 8). На памятнике вскрыты остатки елунинского жилища и несколько хозяйственных ям (Кирюшин Ю.Ф., Матющенко В.И., 1994, с. 113–115). Собранная коллекция елунинской керамики исчисляется 668 фрагментами от 93-х сосудов, среди которых есть венчики (56 экз.), стенки (507 экз.), днища и придонные части (105 экз.) (Грушин С.П., 1998, с. 61–70).

Во второй половине 1990-х гг. на елунинском поселении Березовая Лука в Алейском районе Алтайского края вскрыто 500 кв. м площади из предполагаемых 40000 кв.м. Поселение перекрыто речными отложениями мощностью 2,5–3 м и идеально сохранилось (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1995, вып. V, ч. II; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1996; Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Тишкин А.А., 1996; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1999). По программе «Интеграция» готовится отдельная монография о данном поселении, поэтому материалы Березовой Луки будут привлекаться для датировок, сравнений и сопоставлений. На ряде поселений

проведены значительные раскопки, с других получен лишь подъемный материал. Это поселение Аэродромное в Бийске, частично исследованное в 1960-х гг. Б.Х. Кадиковым, в 1979 г. А.К. Кунгуровым, в 1981 г. Ю.Ф. Кирюшиным, а в 1986 г. около 30 кв. м вскрыто А.А. Казаковым (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А., 1992, с. 10).

Комплексы поселений у сел Павловка и Алексеевка в Угловском районе обнаружены и исследованы автором (Кирюшин Ю.Ф., 1985), стоянки и поселения по берегам оз. Кривого в Завьяловском районе обнаружены С.П. Зверяко и исследованы автором. Г.Е. Ивановым по берегам Барнаулки и Касмалы (левые притоки Оби) открыто несколько поселений, относящихся к елунинской культуре (Иванов Г.Е., 1982).

Значительная коллекция керамики была собрана М.П. Грязновым на Чудацкой горе в устье Касмалы, левого притока Оби (Грязнов М.П., 1926). Памятник уже к 1927 г. интенсивно разрушался ветровой эрозией, и М.П. Грязнову удалось вскрыть 121 кв.м площади в двух пунктах восточной части и 3 кв.м на небольшом останце на западной окраине. В раскопе и в сборах была собрана представительная коллекция елунинской керамики, частично опубликованная им (Грязнов М.П., 1930). В 1980-х гг. этот памятник неоднократно посещался автором и археологами Алтайского университета: В.Б. Бородаевым, А.Л. Кунгуровым, М.Т. Абдулганеевым, А.А. Казаковым. Проводились сборы разновременного подземного материала. Значительное количество найденных здесь целых сосудов, развалы и фрагменты других (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 2000, с. 23–31) свидетельствуют скорее всего о том, что здесь мог находиться могильник, разрушенный ветровой эрозией, или какое-то культовое или прикладное место, так как сама Чудацкая гора значительно возвышается над остальной частью берега.

Самой восточной точкой распространения памятников елунинской культуры является верхнее течение Чумыша. Так, в Верхнем Причумышье у с. Бураново Тогульского района зафиксированы находки елунинской керамики. К этой же культуре относятся случайные находки Г-образных зооморфных изображений в виде стилизованных изображений головы ворона с клювом. В Целинном районе на поселении Усть-Васиха 2 встречена коллекция фрагментов елунинской культуры. Мне представляется, что плоскодонная керамика, отнесенная А.Л. Кунгуровым к неолитической корначанской культуре, является раннеелунинской (Кунгуров А.Л., 1998, с. 39–49).

К елунинской культуре можно отнести значительное количество случайных находок, среди которых есть бронзовые наконечники копий, скульптурные изображения, каменный сосуд со сценами охоты, отдельные каменные и костяные изделия. Известен и клад каменных изделий (пестов), найденный на поселении Березовая Лука (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1999, с. 391).

Могильные комплексы известны по следующим памятникам: Елунинскому грунтовому могильнику 1, открытому и исследованному автором (Кирюшин Ю.Ф., 1980, с. 208–209); могильнику Староалейка 2, открытому В.Б. Бородаевым и А.Л. Кунгуровым (1980, с. 77–78) и исследованному автором (Кирюшин Ю.Ф., Масленникова Г.В., Шамшин А.Б., 1981; Кирюшин Ю.Ф., Бородаев В.Б., 1984; Кирюшин Ю.Ф., 1987); могильнику Цыганкова Сопка, открытому и исследованному автором (Кирюшин Ю.Ф., 1987); могильнику на ул. Поселковой в Барнауле (Бородаев В.Б., Кунгуров А.Л., 1980; Бородаев В.Б., Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1983), могильнику Волчий Мыс в Шипуновском районе (Могильников В.А., Конников Б.А. и др., 1974, с. 213–214).

Известны единичные захоронения на поселениях (Кирюшин Ю.Ф., 1983). А.П. Уманским опубликованы материалы двух аварийных погребений ранней бронзы с каменным и костяным инвентарем из с. Буранова Калманского района (Уманский А.П., 1992, с. 18–19, 166) и из с. Нижняя Суетка Благовещенского района (Уманский А.П., 1995, с. 51–53). А.П. Уманский отнес эти погребения к особой культуре, отличной и от

кротовской и от елунинской (1995, с. 55). Но в свете материалов, полученных на поселении Березовая Лука, их смело можно отнести к елунинской культуре, только к ее ранним этапам, на чем я подробно остановлюсь ниже.

Аварийное погребение было обнаружено сотрудником Бийского краеведческого музея С.Ю. Исуповым у с. Елбанка Усть-Пристанского района в Заячьем овраге. От погребения сохранились два целых сосуда, пять целых костяных наконечников стрел и два обломка. Третий елунинский сосуд был найден неподалеку от погребения, вниз по течению Чарыша. Елуниское погребение с четырьмя каменными жезлами было обнаружено у д. Шипуновка Мамонтовского района (Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., 2001). Елуниское погребение было найдено у с. Молоково Шелаболихинского района (Тишкин А.А., Грушин С.П., 2000, с. 112–114) и одно елуниское погребение было вскрыто В.К. Мерцем в кургане Шидерты 10 у Павлодара в Восточном Казахстане. Но, пожалуй, на сегодняшний день самым крупным исследованным могильником елунинской культуры является Телеутский Взвоз-І. Сейчас здесь вскрыто 36 погребений елунинской культуры и культовые сооружения в виде глубоких «ровиков». Были найдены развалы керамических сосудов и скопления костей животных (Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Тишкин А.А., 1996; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1998; 1999; 2000; 2001; Тишкин А.А., Грушин С.П., 2000). По этому памятнику готовится отдельная монография, поэтому я буду привлекать только опубликованные материалы.

2.1.1. Инвентарь

На памятниках елунинской культуры получен многочисленный инвентарь, первое место среди которого по количеству занимает керамика. На втором месте идет каменный инвентарь. Гораздо меньше встречено костяного и бронзового инвентаря и предметов бронзолитейного производства.

2.1.1.1. Керамика. Вся посуда изготовлена от руки, методом наращивания лент, что хорошо видно на изломах. Стенки сосудов сравнительно толстые и имеют красноватый или темно-коричневый цвет. В тесте примесь дробленого камня и крупнозернистого песка. Вся посуда плоскодонная. По различиям в технике орнаментации выделяются три группы посуды.

Первая группа. Сюда относятся сосуды, украшенные от венчика до дна оттисками отступающей и шагающей гребенки (рис. 72–95). Подобными оттисками наносились горизонтальные, вертикальные и волнистые ленты (рис. 72–74), иногда фигуры типа треугольников, прямоугольников и ромбов (рис. 75–76). Количество зубцов в штампе колеблется от 2–3 до 6–8. Некоторые оттиски глубокие и хорошо заметны (рис. 78-1, 2, 3, 5), другие неглубокие и едва видны (рис. 78-4). Аналогичная посуда, относящаяся к первой группе, встречена на многослойном поселении в устье Куяма, правого притока Катуня (рис. 77). На части посуды с Чудацкой горы орнамент наносился двух- или трехзубым штампом с редкоставленными зубцами, что создает впечатление, что это отступающая палочка (рис. 86). Закраины многих сосудов украшены оттисками гребенки или лунками. По шейке части сосудов располагаются ряды жемчужин. На одном из сосудов с поселения Коровья Пристань III их пять, и они спускаются до нижней части (рис. 72-21). На одном сосуде жемчужины чередуются с ямками (рис. 73-2). Некоторые сосуды по венчику украшены оттисками гребенчатого штампа (рис. 75-1), иногда образующими одинарные или двойные зигзаги. На ряде сосудов отступающая гребенка переходит в шагающую, на одном сосуде встречаются вместе отступающая гребенка с гребенчатой или гладкой качалкой (рис. 78-1, 2, 3; 81-1). Особенно часто такую керамику можно обнаружить в могильных комплексах.

Все три сосуда из погребения в Заячьем Овраге у с. Елбанка орнаментированы плотно нанесенными горизонтальными рядами гребенчатой качалки по тулову и верти-

кальными наклонными по шейке (рис. 79-1-3). Сосуды, орнаментированные только гребенчатой качалкой, встречены в погребениях могильников Цыганкова Сопка (рис. 80-4, 6), Телеутский Взвоз (рис. 83), Елунино I (рис. 81-1), Чудацкая гора (рис. 84-1, 2). На поселениях сосуды, сплошь украшенные гребенчатой качалкой, встречаются гораздо реже (рис. 73-3, 4), но на поселении Березовая Лука преобладает керамика, орнаментированная гребенчатой качалкой и шагающей гребенкой (рис. 93-94), что чрезвычайно сближает ее с энеолитической большемысской. В отдельных случаях отступающая гребенка образует прочерченные линии, в которых лишь кое-где видны зубцы (рис. 78-4; 80-3, 5; 82). Иногда оттиски гребенки выполнены в технике шагания с элементами протаскивания. Сосуд с такой орнаментацией происходит из погребения в Молокове (рис. 83-3).

Днища части сосудов украшены кругами или взаимно пересекающимися линиями из оттисков отступающей гребенки (рис. 72-1; 73-1, 4, 6; 75-3; 80-6; 81-2, 3). Сочетание этих приемов особенно характерно для посуды из могильных комплексов. Сосуды этой группы имеют различную форму. Некоторые из них горшковидные с отогнутым наружу венчиком (рис. 78-3, 4), другие имеют закрытую и открытую баночную форму (рис. 78-1, 2), а в одном случае даже чашевидную (рис. 81-2). У отдельных сосудов прослеживался небольшой поддон (рис. 76-2).

Для большей части сосудов этой группы характерны следующие пропорции: диаметр венчика в два раза больше диаметра дна и равен высоте сосуда. Видимо, к этой же группе следует отнести два сосудика с Чудацкой горы, имеющих стаканообразную форму. Диаметры днищ у них лишь не намного меньше диаметра венчика (рис. 85-1, 2). Оба орнаментированы оттисками отступающей гребенки, иногда образующими прочерченные линии. Один из них украшен в средней и в придонной частях насечками, а днище его разделено на четыре сектора, покрытых прочерченными линиями. Подобная манера орнаментации встречается на посуде начала II тыс. до н.э. из Ордынского. Правда, там секторы заполнены оттисками печатной гребенки. Точно такая орнаментация украшает днища андроновских сосудов из того же Ордынского. К этой же группе, видимо, следует отнести еще три сосуда с Чудацкой горы, орнаментированных прочерченными линиями, в которых кое-где видна отступающая палочка (рис. 86). По мнению Г.А. Максименкова, посуда с Чудацкой горы имеет определенное сходство с окуневской керамикой, и ее можно рассматривать как вариант посуды окуневского типа, хотя не исключена возможность некоторых хронологических отличий (1970, с. 73).

На венчиках и туловище сосудов этой группы прослеживались волнистые и прямые валики. Некоторые из них – вытяжные, а другие налепные. На сосуде с поселения Костенкова Избушка валик – тонкий налепной и волнистый (рис. 89-5). Два других сосуда с валиками найдены на поселении Коровья Пристань III и на ул. Поселковой в Барнауле (Бородаев В.Б., Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1983, с. 13). Один сосуд с Аэродромной стоянки в Бийске имел горизонтальный слабо выраженный валик (рис. 82-1). Прямые и волнистые валики имеются и на керамике с могильников Цыганкова Сопка (рис. 80), Чудацкая гора (рис. 84). Подобная валиковая керамика встречается в Приобье на памятниках Ордынское, Кротово 7/8, Ирба (Молодин В.И., 1977, табл. III, IV), в Прииртыше (Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М. и др., 1970, с. 27; Генинг В.Ф., Стефанова Н.К., 1982, рис. 2). Особенно много посуды с валиками преимущественно на кротовских памятниках Барабы (Молодин В.И., 1977, с. 49-50, табл. XLVII – II; Молодин В.И., Полосьмак И.В., 1978, рис. 5).

В.И. Молодин считает, что валики, украшающие кротовскую посуду, несут только декоративную нагрузку и являются своеобразной особенностью данной керамики (1975, с. 259-261; 1985, с. 38). Налепные валики встречаются и за пределами Западной Сибири. Так, в частности, фрагменты сосудов с валиками были встречены на площади первого

Турбинского могильника (Бадер О.Н., 1964, рис. 105, 106) и на поселении Галкина Гора на Волге, исследованном А.Х. Халиковым (1960, с. 88–89). Сосуды, украшенные отпечатками шагающей и отступающей гребенки, рядами из оттисков угла гребенки и двойными рядами валиков, найдены на Семипалатинских дюнах (рис. 95). Причем на одном сосуде встречаются волнистый и горизонтальный валики вместе, и есть сосуды с двойными рядами валиков, венчики которых не украшены.

Считаю, что к этой группе следует отнести семь сосудов, обнаруженных Т.Н. Троицкой в насыпях курганов 2, 7, 8 и 11 могильника Ордынское I (1973, с. 84–101). Шесть из них реставрируются. Могильник датируется ранним железным веком, а ранние материалы, по мнению Т.Н. Троицкой, попали в насыпи из разграбленных могил. Два сосуда горшковидной формы украшены гребенчатой качалкой с шагающей гребенкой (рис. 99–2, 3). Один из них с отогнутым наружу венчиком (рис. 99–3). Остальные сосуды баночной формы, украшены горизонтальными и вертикальными рядами из оттисков гладкой и гребенчатой качалки, шагающей гребенки (рис. 99–1; 100–2, 3) и только в одном случае слабым оттиском отступающей гребенки (рис. 100–1). Закраины четырех сосудов украшены насечками, на одном сосуде расположены три горизонтальных валика, также украшенных насечками (рис. 100–1). Т.Н. Троицкая датирует эти материалы эпохой ранней бронзы (1973, с. 92). Фрагменты сосудов первой группы есть и на поселении Крохалевка 4 (рис. 162–2, 3, 8, 9).

По нашему мнению, посуда первой группы генетически связана с энеолитической керамикой первой группы этого же района, в орнаментации которой встречаются шагающая и отступающая гребенка и гребенчатая качалка (рис. 2–19). Подобная посуда, выделенная в первую группу, обнаружена на поселении Вишневка 1 в лесостепном Приишимье (Татаринцева Н.С., 1984, рис. 1).

Посуда первой группы найдена в большом количестве на поселении Костенкова Избушка. Здесь из 1291 найденных фрагментов от 129 елунинских сосудов большинство относилось к первой группе. Керамика первой группы встречена на поселениях Коровья Пристань I, II, III, Ляпустин Мыс, Озерки Восточные на оз. Иткуль, Чудацкая гора в устье Касмалы, Енисейское на Бие, Аэродромная стоянка и Выхоревская переправа в Бийске, Волчиха в Быстроистокском районе и в могильниках Елунино, Староалейка II, Цыганкова Сопка, на ул. Поселковой в Барнауле, Комсомольский Мыс на Иткуле. На поселении Боровое III керамика первой группы явно преобладает (рис. 137; 138). На поселении Березовая Лука, являющимся самым древним на Алтае, в орнаментации преобладают гребенчатая качалка и шагающая гребенка (рис. 93–94). Подобная орнаментация характерна для керамики с Семипалатинских дюн – самого южного памятника (рис. 95).

Вторая группа. Сюда выделены сосуды баночной формы и приближающейся к горшковидной. В орнаментации применяется комбинированная техника создания орнамента. Отступающей гребенкой нанесены прямые и волнистые линии, печатные ромбы, зигзаги, прямые и наклонные линии (рис. 101–103). Иногда на одном сосуде вместе с рядами отступающей гребенки встречаются 2–3 ряда из оттисков угла дощечки или палочки, овальные и треугольные лунки, отпечатки угла гребенчатого штампа (рис. 101–1). Иногда вместо гребенчатого зигзага нанесен резной (рис. 101–6). Посуды этой группы немного. Она преобладает на поселениях Коровья Пристань I, II, в небольшом количестве встречена на поселении Костенкова Избушка и Ляпустин Мыс. На поселении Коровья Пристань III она перекрывает посуду первой группы, что прослеживается довольно четко. Создается впечатление, что эта группа посуды несколько моложе первой и появилась в результате взаимодействия с каким-то другим населением.

Ряды треугольных насечек встречаются на андроновской посуде Верхнего Приобья. Возможно, посуда этой группы отражает постепенный ход развития керамических орна-

ментов от простейших, выполненных в отступающей технике, к более сложным геометрическим орнаментам, выполненным в гребенчатой технике. Насечки треугольной и овальной формы чрезвычайно широко встречаются в орнаментации андроновской посуды Верхнего Приобья.

Подобная посуда, украшенная оттисками угла дощечки и гребенки, выделяется в третью группу на поселении Вишневка 1 в лесостепном Пришимье (Татаринцева Н.С., 1984, рис. 3). На одном сосуде и двух венчиках этой группы имеются валики. В двух изделиях с Костенковой Избушки они горизонтальные (рис. 89-2, 4), а с Коровьей Пристанью III – волнистый. На сосуде с Костенковой Избушки валик сверху и снизу украшен отпечатками мелкозубой гребенки, образующими ряд елочки (рис. 89-2). Слабо выраженные горизонтальные валики прослеживаются на посуде афанасьевских памятников Горного Алтая. Н.Ф. Степановой при раскопках афанасьевского поселения Узнезя-1 в низовьях Катуня встречены развалы двух афанасьевских сосудов, украшенных по шейке налепным валиком, рассеченным оттисками гребенчатого штампа (рис. 160).

Третья группа. В нее выделены сосуды баночной формы, украшенные гребенчатым штампом (рис. 104-105). Отпечатки штампа образуют наклонные линии, треугольники, зигзаги, ряды елочки и вертикальные ленты. Орнамент обычно делится на зоны уголкового гребенчатого штампа, дощечки или ногтевыми отпечатками. Закрайны некоторых сосудов украшены зашипами, а шейки – одним или двумя рядами ямок. Днища многих сосудов украшены насечками или ногтевыми отпечатками, реже отпечатками гребенки. Количество зубцов в штампах различно и колеблется от 4-5 до 8-10. На одном сосуде этой группы поселения Аэродромное в Бийске широкий гладкий валик (рис. 89-1). На этом сосуде хорошо заметно, как печатная гребенка местами переходит в шагающую.

По форме эта группа сосудов не отличается от предыдущей, а вот разница в технологии изготовления очень хорошо заметна. Тесто сосудов более рыхлое и более пористое. Новое, что еще появляется, это ногтевые отпечатки. Причем их нет ни на одном сосуде из первых двух групп. Подобная орнаментация встречается в различных районах нашей страны. Ногтевыми отпечатками украшены некоторые сосуды из второй группы могил Фофановского могильника (Герасимов М.М., Черных Е.Н., 1975, рис. 7). Посуда этой группы встречена на поселениях Коровья Пристань III, Костенкова Избушка, стоянка Аэродромная в Бийске. На поселениях Коровья Пристань III и Комарово найдены сосуды, украшенные только ногтевыми отпечатками. На характеристике этой посуды мы остановимся ниже.

2.1.1.2. Каменный инвентарь. Представлен большим количеством разнообразных орудий, но по сравнению с энеолитическим временем некоторые из них меняют свою форму или их число резко снижается. Почти совсем исчезают крупные топоры и тесла, резко уменьшается количество ножей.

Топоры. Представлены двумя целыми экземплярами и обломком (рис. 107-1, 4, 5). Целые топоры имеют трапецевидную форму и слегка округлое лезвие. Поверхность их подработана сколами, а затем подшлифована. Обломок имел клиновидную форму и сильно округлое лезвие, подправленное заточкой. Для изготовления таких топоров использовались естественные удлиненные гальки, у которых оформлялась рабочая часть. Такого типа топоры существуют здесь начиная с эпохи энеолита, причем форма их остается неизменной, что свидетельствует о преемственности навыков в их изготовлении. Целые топоры найдены на поселениях Корчажка 5 (рис. 107-4) и Костенкова Избушка (рис. 107-5), обломок – на Ляпустином Мысу (рис. 107-1).

Тесла. Встречается несколько типов.

Шлифованные тесла небольших размеров трапецевидной формы и шестигранные в сечении составляют большинство (рис. 108-6; 109-2, 3). Встречены на поселениях Коровья Пристань III и Ляпустин Мыс. На первом поселении найден обломок шлифован-

ного орудия со следами вторичной обработки. На его поверхности имеются следы крупных сколов (рис. 110-16). Возможно, это обломок шлифованного тесла. Скребок, сделанный на обломке шлифованного орудия, найден и на Костенковой Избушке (рис. 111-3).

С подшлифованным лезвием и обработанные с остальных сторон крупными сколами. На поселении Костенкова Избушка найдено два целых экземпляра подобных тесел (рис. 111-5; 112-1). Одно такое тесло найдено на Ляпустином Мысу. Лезвие его было обколото в процессе работы (рис. 113-18).

Обработанные по всей поверхности сколами. Найдено четыре экземпляра: три на Озерках Восточных (рис. 114-2, 3; 115-12) и одно на Костенковой Избушке (рис. 112-2). Три из них имеют трапецевидную форму, а одно больше похоже на долотовидное орудие (рис. 114-3).

Рубящее орудие. Найден один экземпляр на Озерках Восточных, обработанный по всей поверхности крупными сколами (рис. 114-1). По продольному разрезу орудие больше напоминало тесло, а по его размерам – топор, поэтому мы выделили его в отдельный тип.

Ножи. Встречено всего три ножа. Один из них с КП-III треугольной формы (рис. 108-2). Основной рабочий край его короткий, овальный, обработан сплошной заостряющей ретушью с двух сторон. Под вторую рабочую сторону использован естественный острый край отщипа, далее к основанию подправленный сплошной заостряющей ретушью, симметрично противоположащей. Второе орудие – разделочный нож сегментовидной формы с Костенковой Избушки, с двух сторон обработанный плоскими сколами и подправленный ретушью (рис. 116-1). Третий нож также найден на Костенковой Избушке. Он изготовлен на удлиненной плитке кремнистого сланца и обработан с двух сторон крупной ретушью (рис. 116-3). На поверхности местами видна валунная корка.

Вкладыши и ножевидные пластинки. Два вкладыша с двусторонней обработкой встречены на Аэродромной стоянке (рис. 117-1, 13), три вкладыша мясного ножа – на КП-III. Два из них с двумя лезвиями (рис. 117-11, 15) и один с одним (рис. 117-12). Там же найдены вкладыш бокового скребка с двумя лезвиями (рис. 117-10) и обломок пластины, трапецевидной в сечении (рис. 117-9). Четыре обломка ножевидных пластин, трапецевидных и треугольных в сечении, встречены на Озерках Восточных. Три из них подработаны ретушью (рис. 114-12-14), один без ретуши использовался как вкладыш ножа (рис. 115-9).

Наконечники дротиков. Найдено четыре целых экземпляра и обломок на поселении Костенкова Избушка (рис. 111-1; 118-6, 7), один целый и обломок на Коровьей Пристани III (рис. 108-3, 5) и один – в могильнике на Поселковой улице в Барнауле. Два из них чрезвычайно сходны между собой и имеют у основания черешковидные выступы. Один – с Костенковой Избушки (рис. 111-1), второй – с Поселковой улицы (Бородаев В.Б., Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1983, с. 13).

Наконечники стрел. Представлены более чем 50 экземплярами, которые по форме можно разделить на несколько типов. Все они изготовлены на отщипах.

Листовидные. Имеют вытянутую форму и обработаны встречной регулярной двусторонней ретушью. Встречены на поселениях Костенкова Избушка (рис. 118-5, 9), в погребениях 1 и 5 могильника Цыганкова Сопка (рис. 119-4, 8), на поселении Березовая Лука (рис. 120-4, 5, 14).

Миндалевидные. Найдены на поселении Костенкова Избушка (рис. 118-3, 8, 12), Коровья Пристань II (рис. 113-15-17), Озерки Восточные (рис. 114-6, 7, 10), Березовая Лука (рис. 120-3, 6, 12). Обработаны встречной регулярной ретушью.

Треугольные с прямым основанием. Обработаны со всех сторон встречной регулярной двусторонней ретушью. Встречены на Аэродромной стоянке (рис. 117-2-5) и на Костенковой Избушке (рис. 118-1, 4, 11).

Треугольные с выемкой у основания. Техника обработки та же. Представлены двумя экземплярами с поселения Костенкова Избушка (рис. 118-2, 10) и тремя с Озерок Восточных (рис. 114-8; 115-10, 11).

Треугольные черешковые. Обработаны со всех сторон встречной регулярной ретушью. Обнаружены на могильниках Цыганкова Сопка (рис. 119-3, 7), Телеутский Взвоз (рис. 121-2), поселении Березовая Лука (рис. 120). Всего найдено 17 экземпляров (Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., 2001, рис. 3).

Все эти типы наконечников стрел встречаются и в предшествующее энеолитическое время (рис. 21, 22, 25, 26, 29, 30). Известны они и в памятниках бронзового века Западной Сибири, таких как Самусь IV (Матюшенко В.И., 1973б, с. 19, рис. 2), могильники Ростовка (Матюшенко В.И., Ложникова Г.В., 1969, табл. 8-4-6; 9-10; 10-4; 11-8, 9), Сопка 2 (Молодин В.И., 1985, рис. 16-11, 13, 14, 17-34), Преображенка 3 (Молодин В.И., 1977, табл. X-1-3; 1985, рис. 16-12, 15, 16). Треугольные наконечники с прямым основанием и черешковые найдены в первом Турбинском могильнике (Бадер О.И., 1964, рис. 90, 91).

Скребла. Встречены на всех памятниках и представлены различными типами. Среди них есть скребла овальной формы с ретушью по периметру, изготовленные на крупных отщепах (рис. 115-1; 122-1, 4), подтреугольной формы, изготовленные на отщепах, обработанные по спинке встречными сколами и по краям притупляющей частичной ретушью (рис. 117-20, 21). Два скребла изготовлены из обломков каких-то более крупных изделий, возможно, ножей. Первое из них двусторонне обработано плоскими сколами, а по краю с двух сторон оформлено притупляющей ретушью (рис. 122-10), второе, сделанное на плитке кремнистого сланца, по краям подправлено нерегулярной ретушью с двух сторон (рис. 116-4). В качестве скребла использовался отщеп с подработанной рабочей кромкой (рис. 122-7).

Скребки. Эти изделия являются наиболее массовой находкой на памятниках ранней и развитой бронзы Барнаульско-Бийского Приобья. Скребки самые разнообразные: геометрических форм с ретушью по периметру (рис. 111-4; 122-1, 4), овальных форм с ретушью по большей или овальной части (рис. 110-1-3; 115-2, 3, 5, 6), округлые высокие на отщепах с рабочим краем, обработанным притупляющей ретушью (рис. 113-8-10), высокие скребки с округлым рабочим краем (рис. 118-11). Это и скребок, сделанный на обломке шлифованного тесла (рис. 108-7). Рабочий край сплошной, овальный, затем переходит в выступающий рабочий край, который в свою очередь переходит в острое шлифованное лезвие бывшего орудия. В качестве скребков использовались и частично подработанные отщепы (рис. 117-14-16).

Нуклеусы. Представлены торцовым нуклеусом (рис. 112-9), нуклевидным обломком (рис. 112-8), обломком нуклевидного орудия (рис. 112-6), найденным на Костенковой Избушке, и нуклевидным сколом с Коровьей Пристанью III (рис. 108-13). Скол со следами использования в качестве нуклеуса. Боковой край после изготовления был обработан, и орудие использовалось как скребок. Небольшой обломок нуклеуса пирамидальной формы встречен на поселении Озерки Восточные (рис. 114-11).

Долотовидное орудие. Найден один экземпляр на КП III (рис. 123-5). Изготовлен, видимо, на обломке лезвия полированного тесла.

Комбинированные орудия. Встречено несколько типов комбинированных орудий.

Концевой скребок – разделочный нож. Найден один экземпляр на поселении Костенкова Избушка (рис. 116-3). Орудие выполнено на кварцитовом отщепе, рабочие края подработаны ретушью, с другой стороны подработан лишь один край. В качестве ножа использовались обе длинные грани отщепа, в качестве скребка – концевой участок между ними. Он подработан притупляющей ретушью.

Разделочный нож-пилка. Изготовлен на плитке кремнистого сланца и найден на поселении Костенкова Избушка (рис. 116-2). В качестве ножа использовалось овальное

лезвие, оформленное двусторонней ретушью. Противоположный край служил в качестве пилки по камню. Этот край выщербился и сточился, в результате чего перестал использоваться в работе.

Нуклеус-скребок. Торцовый нуклеус с тремя фасетками, сработанный (рис. 108-12). Скребковый рабочий край расположен на краю ударной площадки нуклеуса, обработан притупляющей ретушью. Материал – темно-серый камень.

Сверла. Найдены почти на всех памятниках. Они имеют подтреугольную форму, большинство из них изготовлено на отщепах и подработано встречной плоской ретушью. Шесть (целых или несколько обломков) обнаружены на Аэродромной стоянке (рис. 117-7-12), два на Озерках Восточных (рис. 115-7, 8), одно на Костенковой Избушке (рис. 112-4) и четыре на Коровьей Пристани III (рис. 110-5-8). Трассологический анализ сверл с КП III позволил определить, что они использовались по мягкому камню (рис. 110-5, 6), по кости и рогу (рис. 110-8), а также по дереву (рис. 110-7).

Пилки. Встречено несколько экземпляров пилок по камню на поселении Костенкова Избушка (рис. 116-5; 118-14). Все они изготовлены на плитках кремнистого сланца, рабочие края их оформлены двусторонней ретушью.

Проколки. Найдены на всех памятниках (рис. 112-7; 117-17). Изготовлены, как правило, на отщепах сливного песчаника, обработаны плоской и притупляющей ретушью. У некоторых выделяются узкие жальца (рис. 117-17), другие похожи на крупные наконечники.

Провертки. Представлены несколькими экземплярами на удлинено-треугольных отщепах. Края их подретушированы (рис. 140-10).

Резцы. Встречены на всех памятниках. Изготовлены на углу отщепов и обычно оформлены двумя сколами (рис. 115-4; 117-6, 18).

Точильные бруски. Найдено два целых экземпляра и обломки. Один целый из погребения 1 Елунинского грунтового могильника лежал на бронзовом ноже. Он имел длину 10,4, ширину 3,2 и толщину 0,9 см (рис. 124-1). По краям его были сделаны округлые канавки для подвешивания. Брусок изготовлен из мелкозернистого песчаника. Вторым брусок, найденный на Аэродромной стоянке, представлял собой узкую плоскую гальку длиной 9,5 см, в верхней части которой был сделан пропилен, видимо, для подвешивания (рис. 117-19).

Песты. Встречаются на каждом поселении (рис. 123-7). В качестве них использовались удлиненные гальки, забитые с одной или с обеих сторон. Два песта было встречено в погребении 23 могильника Староалейка-2. В качестве одного из них использовалась округлая галька, забитая с обеих сторон, длиной 12 см (рис. 124-4). Вторым был изготовлен специально. Нижняя рабочая часть имела диаметр 7,6 и высоту 5,5 см, длина рукояточной части 8 см, диаметр в нижней части 6 и в верхней 4 см (рис. 124-2). Оба песта слегка зашлифованы. На поселении Березовая Лука встречен целый клад из каменных пестов.

Комбинированное орудие того же типа обнаружено в разрушенной могиле Шипуново 5 в Мамонтовском районе. Это крупная галька. Высота ее 11,5 см, длина в низу 8,5 см, ширина – 6,5 см. Несколько ее граней и основание имеют следы сработанности и использования ее в качестве песта, а затем как терочника (рис. 125). Нижняя часть и задняя стенка ровные, подпрямоугольной в плане формы, их также могли использовать как терочники. Нижняя часть имеет явные следы затертости. На ней сбоку сверленное, коническое, с наклоном оси к центру, отверстие. Порода камня – туф липаритового порфирита.

Булава. Представлена обломками булавы из мрамора, найденными на поселении Костенкова Избушка (рис. 124-5). Обломок сильно обожжен. Его диаметр около 12,5 см,

толщина 5,3 см. Отверстие имеет конусообразную форму. Его наибольший диаметр 3,5 см, наименьший 1 см. С узкой стороны отверстия булава рассверлена большим диаметром. Каменные булавы, но меньшего диаметра и имеющие форму шара, встречаются на поселении Самусь 4 (Матющенко В.И., 1973б, рис. 4-4,5), могильнике Сопка-2 (Молодин В.И., 1985, рис. 19-5), в Усть-Гайвенском могильнике в Прикамье (Бадер О.И., 1953; 1964, рис. 118б). Слегка приплюснутая булава встречена в Бьковском кургане 1 срубной культуры (Смирнов К.Ф., 1957, рис. 3-2). Массивные изделия из талькового камня найдены на поселении Чашиха в Среднем Зауралье, датируемом II тыс. до н.э. (Раушенбах В.М., 1966, рис. 6-5, 6, с. 28). Очень близкие по форме и по размерам булавы найдены на поселении Иман-Бурлак 2 в Кокчетавской области на притоке Ишима на границе с Омской областью (Чалая Л.А., 1973, с. 196, рис. 5-5,7). Подобные булавы известны в памятниках Северо-Восточного Китая (Ларичев В.Е., 1961, рис. 21, 13-4).

Стерженьки для рыболовных крючков. Представлены несколькими целыми экземплярами и обломками, встреченными на поселениях на оз. Иткуль. По сравнению с предшествующим энеолитическим временем заметно уменьшается доля крупных стерженьков и, наоборот, увеличивается количество мелких. Возможно, это связано с изменением самого костяного крючка в сторону уменьшения, возможно, с появлением металлических крючков. По форме выделяются несколько типов.

В первый выделены стерженьки со шляповидным утолщением на одном конце и прорезью на другом (рис. 113-7, 8, 11, 13). Причем иногда по обеим сторонам прорези имеются выступы (рис. 113-11, 13). Длина их всего 2,5-3 см. Видимо, к этому типу следует отнести обломок крупного стерженька с КП II (рис. 113-5). Подобные стерженьки характерны для энеолита.

Ко второму отнесены стерженьки со шляповидным выступом на одном конце и одним или несколькими желобками на другом (рис. 113-6, 10, 14). Эти стерженьки имеют в разрезе овальную или округлую форму. Размеры их больше, чем у предыдущего типа. Длина их достигает 4,5-7 см.

Встречены также заготовки для стерженьков (рис. 113-12).

Утюжки. Представлены одним обломком с поселения Корчажка 5, имеющим продольный желобок (рис. 109-4). По верхней поверхности видны слабо процарапанные поперечные линии.

Гладилки. Предметы в виде буквы Г или похожие на нее. Представлены двумя экземплярами. Один из них из с. Зеркалы Шипуновского района обработан крупными сколами, а снизу и сверху пришлифован (рис. 126-4). Второй – из коллекции Н.С. Гуляева – зашлифован по всей поверхности (рис. 126-5).

Подвески. Встречено три экземпляра с просверленным отверстием (рис. 113-1, 2, 4) и обломок без отверстия (рис. 113-3). Три из них происходят с КП II (рис. 113-1-3) и одно с КП-I (рис. 113-4). Подвески с КП II имеют вытянутую или подтреугольную форму, а с КП I – полулунную. Все они покрыты резными линиями, в одном случае образующими ряды сетки (рис. 113-2), а в другом – треугольные зоны (рис. 113-4). Видимо, они использовались как украшения. Похожие каменные подвески встречены в могильнике Сопка-2 (Молодин В.И., 1985, рис. 18).

Жезлы. Представлены несколькими экземплярами. Один из них найден в 1935 г. А.Г. Демковым, жителем пос. 17-й Участок в западной части оз. Иткуль, при копке канавы. Вместе с жезлом обнаружены точильный брусок и фрагменты сосудов. В 1950-е гг. место находки было осмотрено Б.Х. Кадиковым, а в 1978 г. автором. Встречены мелкие фрагменты сосудов, украшенные отступающей гребенкой. Жезл имел длину 38,5 см, ширину у основания 6 см, затем постепенно сужался (рис. 109-1а). На узком конце жезла изображена голова животного (рис. 109-1б). По мнению С.В. Студзицкой, это голова медведя

(1969, с. 57). Морда медведя поднята кверху, уши даны небольшими выступами, глаза показаны выступающими овалами, рот обозначен резкой линией, разделяющей верхнюю и нижнюю челюсти. С.В. Студзицкая считает, что подобные жезлы относятся ко времени не ранее II тыс. до н.э. и тесно связаны с фаллистическим культом как символом плодородия (1969, с. 61–62). Эту датировку поддерживает и Н.В. Леонтьев (1975, с. 68). А.П. Окладников считал, что каменные песты с медвежьими головами являются одним из вариантов широко распространенных пестов фаллического типа, уже своим видом связанных с идеей плодородия, идеей воспроизводства живых существ (1952, с. 331).

Четыре жезла найдены в разрушенном захоронении могильника Шипуново 5, расположенного на вершине высокой песчаной гривы оз. Большое Островное Мамонтовского района Алтайского края, в 1,5–2 км от поселка Шипуново. В июле 1996 г. бульдозерист А.А. Корзунов при зачистке верхнего гумусного слоя на участке гривы для подготовки карьера для забора песка срезал верхнюю часть могилы со стоящими вертикально вдоль борта могилы верхней частью вниз каменными жезлами (Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., 2001, с. 43–52). Место находки в том же году было осмотрено Г.Е. Ивановым, а в 1998 г. автором. Определение пород камня проведено к.г.-мин.н. Б.Н. Лузгиным.

Первый из жезлов сигарообразной формы, с навершием в виде головы лошади (рис. 127) изготовлен из туфа липаритового порфирита серовато-черного цвета. Тщательно зашлифован. Длина его 28 см, максимальный диаметр (в середине) 3,7 см, минимальный (внизу) – 2,6 см. В сечении круглый. Длина навершия (по гриве поля) 6,8 см, т.е. оно занимает одну четвертую часть жезла.

Навершие выполнено техникой шлифовки, следов резных линий и сверления нет. Конь с жесткой, короткой полуовальной гривой, настороженными, торчащими ушами. Глаза показаны небольшими выступами, шлифовкой моделирована мускулатура морды, нижняя челюсть, ноздри. Голова очень реалистична, изображает, скорее всего, тарпана или лошадь Пржевальского. Ощущается стремление древнего скульптора подчеркнуть настороженность, стремительность, грациозность – черты, столь характерные для изображения тел животных в зверином стиле эпохи ранних кочевников.

В серии жезлов с головой коня данный жезл самый маленький и выполнен в иной манере – на нем нет желобчатых, резких линий и сверленных углублений, которыми на большинстве других наверший выполнены рот, ноздри, глаза и уши. Голова на жезле из Шипуновки более схематична, но и более экспрессивна, чем ее аналоги.

Изображения близких по внешнему облику лошадей известны на каменных жезлах, на бронзовых ножах и на украшениях. Два каменных жезла найдены в Восточном Казахстане. Один в Семипалатинской области (Черников С.С., 1960, рис. 21), а второй у станции Бухтарминская Усть-Каменогорского района (Славнин П.П., 1949, с. 125–126). В Омском Прииртышье также обнаружен каменный жезл с головой лошади (Мошинская В.И., 1952, рис. 16-1).

Изображения головы лошади известны на навершиях уже значительного количества бронзовых ножей. Такая же торчащая грива, острые уши, раздутые ноздри. Такого типа ножи встречены в Сейминском могильнике (Бадер О.Н., 1970, рис. 52), Ростовкинском (Матющенко В.И., 1970, рис. 33, 34), Елуинском (Кирюшин Ю.Ф., 1987, рис. 2–4) могильниках. Миниатюрная рукоять ножа, подобная елуинскому, найдена в Усть-Коксинском районе Республики Алтай (Киреев С.М., Кудрявцев П.И., 1988, с. 166). Все эти изделия найдены на памятниках сейминско-турбинского типа.

Из украшений известны каменная подвеска из Омского Прииртышья, представляющая собой скульптурное изображение лошади (Глушков И.Г., 1985, с. 196), и две золотые серьги с отлитой на них парой коней. Одна из них происходит из Казахстана (Акишев А., 1984, с. 52. Табл. VII, 16), а вторая с Алтая (Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И.,

1996, с. 37, рис.2). Обе серьги – из андроновских комплексов. Причем на алтайской серьге кони стоят на туловище змеи, заглатывающей свой хвост.

Второй жезл выполнен из дацитового порфирита. Он самый крупный из найденных, его длина 46 см, максимальный диаметр (в середине) 5,1 см, минимальный (внизу) 2,8 см, в сечении подовальный. Жезл сигарообразной формы, хорошо зашлифован. Навершие в виде головы барана с круто закрученными рогами, смотрящего вверх, так как сама голова расположена под тупым углом к оси стержня (рис. 128). Длина навершия – 9,5 см. Глаза, уши, рога, нижняя челюсть, как и у предыдущего навершия, моделированы шлифовкой и представляют собой выпуклые плоскости. Ниже головы имеется круговое утолщение – поясок, с одной стороны напоминающее поводок, с другой, при виде спереди, явно подчеркивающий фаллический характер изображения.

Изображение головы барана не столь характерно для сейминско-турбинского искусства, оно больше известно на рукоятках бронзовых карасукских ножей. Правда, навершие бронзового ножа с идущими друг за другом тремя баранами происходит из Турбинского II могильника (Бадер О.Н., 1964, рис. 113). Манера изображения головы барана, особенно круто закрученных рогов, очень близка изображению на каменном жезле с Алтая. Жезлы с головой быка и барана известны из Минусинской котловины (Гришин Ю.С., 1960, с. 195, рис. 28-1).

Третий жезл изготовлен из фельзита-порфирита. Его длина 36 см, максимальная ширина (в середине) – 5 см, минимальная (в низу) – 3,45 см. Форма сигарообразная, сечение округлое с утолщением по всей длине с одной стороны (рис. 129). Вертикальными прошлифованными желобами по два с каждой стороны и сверху выделено квадратное в сечении навершие, четырем круговыми горизонтальными желобами покрыта часть жезла, следующая за навершием. Возможно, таким образом выделена рукоять. Ширина всех желобов стандартна и составляет около 1 см. Длина навершия и возможной рукояти 15,5 см, около половины всей длины жезла. Назначение жезла пока не совсем понятно.

Четвертый жезл выполнен из туфа андезитовых порфиритов. Его длина 45 см. Навершия нет, но, возможно, скошенная верхняя часть изображает голову змеи (рис. 130). Форму в сечении имеет неправильно-округлую. Многие неровности заготовки не устранены. В отличие от трех предыдущих имеет не сигарообразную, а вытянуто-коническую форму, и поэтому максимальная ширина приходится не на середину, а на верхнюю часть и составляет 5,2 см, минимальная внизу – 3 см.

Все жезлы имеют следы забитости и мелкие сколы на нижней плоскости, что не исключает их использования по принципу пестов. Но по признанию находчиков, основная часть этих повреждений является результатом их экспериментов.

Каменный жезл со скульптурным изображением человека найден школьницей с. Саввушка Змеиногорского района Алтайского края Леной Аверцевой несколько лет назад в окрестностях села. Этот район предгорий входит в систему верхнего течения Алея, являющегося левым притоком Оби. Скульптура расположена на верхней части каменного жезла. В нижней части обломка имеются сколы, позволяющие сделать предположение, что он мог использоваться и в качестве песта. Длина его 13,8, ширина 4,7 и толщина 4 см (рис. 131). В верхней части жезла изображена голова человека с длинным вытянутым лицом, широкими скулами, резко выступающим носом, высоким лбом, глубоко посаженными глазами и слегка оттопыренными ушами, хорошо заметными в профиль. Завершает скульптурку круглый головной убор. Длина лица от шапочки до подбородка 6 см. Антропологический тип скульптуры – европеоидный и проявляет определенное сходство со среднеазиатским типом лица (Кирюшин Ю.Ф., 1991, с. 66–70). С другой стороны, скульптура чем-то напоминает изображение лиц конного воина и человека-льва с войлочных ковров из Пазырыкского кургана (Руденко С.И., 1953, ХСV; СХIV; 1960, рис. 152).

К настоящему времени известно около полутора десятков скульптурных изображений человека, выполненных в камне, глине, металле и дереве, но почти половина из них найдена на поселении Самусь 4 (Матющенко В.И., 1973б, рис. 23; 1973в, рис. 1–5). По таким особенностям, как оформление ушной раковины, алтайская скульптура может быть сопоставима с известными скульптурами из Прииртышья: нуринской, туйской и ирской (Мошинская В.И., 1976, с. 57, табл. 5, 6; Зданович Г.Б., Мошинская В.И., 1973, рис. 1). Сильно выступающий нос встречается на самусьских (Матющенко В.И., 1973, рис. 4), туйской (Мошинская В.И., 1976, табл. 5, 6) и нуринской (там же, табл. 6) скульптурах. Правда, на части самусьских и нуринской он с горбинкой. Но, пожалуй, наибольшее сходство скульптурного изображения мужчины с Алтая (а то, что изображен мужчина, у автора не вызывает сомнений) проявляется с каменной скульптурой мужчины из Притоболья (Зданович Г.Б., Плешаков А.А., 1981, с. 258–261). Очень похожий тип лица. Не совсем только понятно, есть ли на ней головной убор. Сзади и в профиль он вроде бы заметен, но со стороны лица очень слабо (там же, рис. 2). Не исключено, что это следы волос, подстриженных кружком. Похожий головной убор изображен древним мастером на голове лезвика с рукояти бронзового ножа из Ростовкинского могильника (Матющенко В.И., 1970, с. 103–105; Матющенко В.И., Синицина Г.В., 1988, рис. 7), менее похожий – на туйской скульптуре (Мошинская В.И., 1976, табл. 6). По мнению В.И. Мошинской, головной убор со скульптуры ростовкинского ножа передан древним мастером и на нуринской скульптуре (1976, с. 56).

Каменный сосуд. В 1977 г. жительницей с. Лаптев Лог Угловского района Е.Н. Шоковой в песке на берегу оз. Лаптевского был обнаружен каменный сосуд. Это место местные жители называют «Белый бугор». Сосуд был найден на северо-западной оконечности озера, в 300 м к северо-востоку от фермы и в 600–700 м от села. В краеведческий музей Угловского района сосуд был сдан в 1988 г. Три года назад сотрудником Угловского музея, выпускником исторического факультета АГУ Е.В. Симоновым, сосуд был привезен в музей археологии Алтая при АГУ для научной обработки. Позднее место находки было обследовано Е.В. Симоновым, но какого-либо археологического памятника не обнаружено (Кирюшин Ю.Ф., Симонов Е.В., 1997, с. 167–171).

Сосуд изготовлен из камня темного цвета с блестками слюды, в изломе которого хорошо видны крупные вкрапления более светлого камня. Сосуд плоскодонный, имеет овальную форму. Его наибольший диаметр в средней части 10,6 см и наименьший – 10,0 см, длина устья 8,6 см, ширина 8,0 см. Высота сосуда 13 см. Размеры днища 7,0х5,6 см (рис. 132). С одной стороны днища имеются сколы, образующие сквозное отверстие, которое могло возникнуть при изготовлении. Отверстие пытались заделать, заливая его слоями свинца, два из которых сохранились, остальные отпали (рис. 133–134). Возможно, для изготовления данного сосуда использовался естественный кусок породы с выемкой в центральной части и сквозным отверстием, так как орнамент наносился, когда оно уже имелось. В верхней части сосуда с одной из сторон выколот кусок стенки, но уже после нанесения орнамента, скорее всего, совсем недавно, так как стенки сосуда имеют светло-коричневый цвет типа пустынного загара, а стенки скола – темный свежий след. В верхней части сосуда, примерно в 1 см от закраины, прорезана горизонтальная линия, от которой вниз опускаются резные же треугольники, вершины которых иногда пересекаются за этой горизонтальной линией. По тулову и на дне сосуда вырезано 12 изображений, 11 из них – животных и одно человека, ряд изображений объединен в общие сцены (рис. 136).

Наиболее интересна сцена охоты на быка, расположенная в нижней части сосуда. Быка держат две собаки, одна из которых вцепилась как бы в морду, а вторая – в заднюю часть (рис. 135). На дне сосуда вырезана фигура человека, стреляющего в быка

из лука. Изогнутый лук со стрелой изображен в придонной части под брюхом быка. В загривке быка торчит еще одна стрела. Фигура человека изображена довольно стилизовано. Правда, следует отметить, что днище по сравнению со стенками повреждено сильнее, оно как бы затерто, а местами поцарапано. На нем видны тонкие линии, более слабо заметные, чем те, которыми нанесена фигура человека. Некоторые из них как бы образуют контур висящего у пояса колчана, из которого торчат стрелы. Но с уверенностью это утверждать невозможно. В задней части туловища быка вырезана косая крестообразная фигура. Изображение быка выполнено в своеобразной окуневской манере и находит ближайšie аналогии в окуневском искусстве и искусстве окуневского времени Южной Сибири и юга Западной Сибири.

За быком расположены одна над другой две фигуры невысоких лошадей с коротким туловищем, но с крупной головой. Первая из них с приподнятым крупом, откинутым хвостом и длинными задними ногами, прочерченными по излому. Фигура второй выполнена более тонкими линиями и создает впечатление незаконченности и, хотя у нее также приподнят круп, определенного схематизма. Тонкими штрихами прорисованы задние ноги и уши. Изображения коней также характерны для эпохи бронзы, а крупная голова с торчащими ушами, да и сама фигура – для эпохи ранней бронзы, круга культур сейминско-турбинского типа юга Западной Сибири и Восточного Казахстана. Изображения коней, процарапанные на каменных сосудах, известны из грунтового могильника эпохи бронзы Аймырлыг в Туве (Мандельштам А.М., 1973, с. 228). Нижняя часть морды второй фигуры коня пересечена задней частью и ногами животного с длинным туловищем, длинной и тонкой шеей и маленькой головой с ветвистыми рожками (рис. 133). Возможно, это стилизованное изображение марала. Позади верхней лошади изображение такого же животного, видимо, раненого стрелой.

По верхнему ряду идут изображения трех козлов, среди которых есть рисунок горного козла с загнутыми рогами. Эти козлы преследуются двумя собаками и полосатым хищником с длинным, загнутым колечком хвостом (рис. 134). Видимо, это хищник из породы кошачьих. Над хищником вырезана крестообразная фигура. К сожалению, внутренняя часть этих двух фигур собак была значительно повреждена находчиками, которые углубили их процарапыванием, хотя первоначальный контур хорошо заметен. Выше головы полосатого хищника мелкими штрихами обозначена еще одна фигурка животного (тринадцатого), но не понятно, какого именно. В целом эта группа рисунков находит широкие аналогии в памятниках ранней и развитой бронзы Южной и Западной Сибири. Этой датировке не противоречит и наличие свинца на заплатке. Свинцовые ушные серьги были обнаружены в детских погребениях поселения ранней бронзы Березовая Лука и в захоронениях могильника Телеуцкий Взвоз 1 того же времени (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1999, с. 392). Изделия из бронзы с высоким содержанием свинца и кусочки чистого свинца были обнаружены на андроновском поселении Ольгинка на Алтае (Дмитриев С.Ф., Кирюшин Ю.Ф., Старостенков М.Д., 1983, с. 162, рис. 16).

Клад. Как уже отмечалось выше, на поселении Березовая Лука был обнаружен клад из одиннадцати каменных пестов. Все они имеют следы сработанности. Необычность этого клада может объясняться тем, что поселение находится в пойме Алея, далеко от выходов камня, возможно, это связано с хозяйственной деятельностью или какой-то магией.

Кроме перечисленных изделий, на всех поселениях в больших количествах встречаются отщепы и концевые сколы.

2.1.1.3. Изделия из кости и рога. До недавнего времени таких изделий было сравнительно немного, и все они найдены преимущественно на поселениях, в погребениях они редки, хотя, как уже отмечалось, большое количество их обнаружено в последние

годы в разрушенных погребениях. Иная картина складывается с началом раскопок поселения Березовая Лука. Здесь уже обнаружены сотни целых изделий, большое число обломков и огромное количество отходов костерезного производства.

Наконечники копий. Найдено три экземпляра на поселении Березовая Лука. Одно из них втульчатое, изготовлено из трубчатой кости (рис. 139). Его длина около 25 см, наибольшая ширина около 3 см (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, рис. 2). Второй наконечник плоский, изготовлен из крупного обломка трубчатой кости, острая часть зашлифована (рис. 140). Его длина чуть более 20 см (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1999, рис. 1). Третий наконечник также плоский, изготовлен из крупного обломка трубчатой кости, острая часть зашлифована (рис. 141). Его длина также чуть более 20 см (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 2001, рис. 1). Видимо, одинаковые размеры двух последних копий обусловлены размерами костей, из которых они изготовлены.

Наконечники стрел. Занимают первое место по количеству и разнообразию среди всего костяного инвентаря. Всего сейчас найдено более четырех десятков экземпляров, которые по форме и сечению делятся на несколько типов. Выделение некоторых типов носит несколько условный характер, так как некоторые из них представлены небольшим количеством или даже единственными экземплярами.

К первому типу отнесен единственный наконечник треугольной формы с выемкой у основания с поселения Костенкова Избушка (рис. 142-5). По форме напоминает каменные наконечники аналогичного типа и, по-видимому, является подражанием каменным.

Ко второму типу отнесен единственный наконечник – черешковый, иволистной формы, линзовидный в сечении. На черешке намечен срез для крепления (рис. 143-9). Подобные наконечники стрел обнаружены В.И. Молодиным при раскопках могильника Сопка 2. Из 31 экземпляра, найденного там, 29 происходят из погребения 4 кургана 21 (1985, с. 50, рис. 20-1-31).

К третьему типу отнесены черешковые наконечники, имеющие треугольную или ромбовидную форму пера и ромбовидное сечение. Длина пера от 4 до 5,5–6 см. Девять целых экземпляров и обломок найдены на поселении Костенкова Избушка (рис. 142-6-8; 143-3, 7, 8), один целый и обломок второго экземпляра найдены в разрушенном погребении в Заячьем Овраге (рис. 79-5, 10), несколько обнаружены на Березовой Луке (рис. 144-10, 18), на остальных памятниках они встречены в единичных экземплярах. Наконечники подобного типа есть и в материалах могильника Сопка 2 (Молодин В.И., 1985, рис. 21). Однако датированными они не могут быть, так как встречаются в памятниках различных эпох на обширной территории.

В четвертый тип выделены наконечники, являющиеся своего рода культурными индикаторами для елунинских памятников. Они представлены черешковыми изделиями с многогранным сечением пера и характерным сужением в нижней части, при переходе к черешку, с наличием плеча-упора для древка. Количество граней колеблется от четырех до девяти. Один такой наконечник обнаружен в коллективном захоронении могильника Староалейка 2 (рис. 124-3), в погребениях в Буранове (Морозов Лог) (рис. 144-8, 11; 145-58) и Нижней Суетке (рис. 144-1, 2; 145-12) (Уманский А.П., 1992; 1995), в елунинских могилах Телеутского Взвоза 1 (рис. 91-5; 145-3, 14) (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1999). Несколько десятков подобных стрел найдено на Березовой Луке (рис. 144-5, 10, 16, 20; 145) (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, рис. 1). Изделия подобного типа обнаружены на многих памятниках елунинской культуры (Кирюшин Ю.Ф., 1987; Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., 2001).

К пятому типу отнесены четыре черешковых наконечника из погребения Заячий Овраг. Они сделаны из круглой или округлой кости, которая к острию расширяется, и на этом расширении с трех сторон сделаны крутые срезы, собственно и формирующие само острие (рис. 79-4, 6, 7-9).

К шестому типу отнесен один наконечник стрелы с Костенковой Избушки, имеющий треугольную форму, перо которого расположено по одну сторону от черешка (рис. 143-6). Внешне он похож на гарпун, но отсутствие упора исключает эту возможность. Наконечник плохой сохранности. По форме он напоминает наконечники пятого типа, выделенные В.И. Молодиным для кротовской культуры (1985, рис. 22, с. 51).

В седьмой тип выделены наконечники стрел для самострела. Они крупнее обычных в 1,5–2 раза, что требовало соответствующего лука. Найдены в поселенческих комплексах Костенковой Избушки и Березовой Луки (рис. 146-5). Правда, на последней они найдены в обломках (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, рис. 1). Наконечник с поселения Костенкова Избушка целый. Он черешковый, ромбический в сечении. Края двух лопастей пера у него сделаны в виде жалец и заострены, на черешке имеется упор (рис. 143-1). Нижняя часть черешка срезана с двух сторон. По своей массивности он скорее напоминает гарпун или наконечник какого-то метательного орудия. Стрелой с таким наконечником мог настораживаться самострел для охоты на крупных, в том числе хищных, животных. Раненое животное не могло вытащить эту стрелу и уйти далеко, не оставив кровавого следа. Применение такого массивного наконечника стрелы требовало, видимо, использования сложного лука или лука крупных размеров (самострела).

К восьмому типу следует отнести роговые втульчатые наконечники стрел, округлые в сечении, с подромбовидным абрисом пера. Изделия такого типа обнаружены на могильниках Телеутский Взвоз (рис. 121-14) и Цыганкова Сопка (рис. 121-13). Они являются наконечниками томар, которые предназначались для охоты на пушного зверя.

Мотыга. Один экземпляр, сделанный из рога, найден на поселении Костенкова Избушка (рис. 142-2). Верхняя часть ее повреждена, а нижняя имеет следы сработанности. Размеры сохранившейся части: длина 11,2, ширина 5,0 и толщина 3,2 см. К лезвию мотыга сужается с двух сторон и имеет в разрезе форму топора или бронзового тесла.

Гарпуны. Двусторонние гарпуны найдены на поселении Березовая Лука. Изготовлены из расщепленной кости, овальные в сечении и имеют от трех до пяти пар зубцов с противоположных сторон (рис. 140-1, 2; 147-1-3). Некоторые из гарпунов с одной из сторон имеют всего один шип (рис. 140-2).

Проколки. Встречены на большинстве поселенческих комплексов. Особенно их много на Березовой Луке (рис. 146-4, 7). Один своеобразный экземпляр был найден на поселении Костенкова Избушка. Он был сломан пополам и в силу этого, видимо, пришел в негодность (рис. 143-5). Проколка больше напоминает небольшой кинжалчик. Хорошо обозначены рабочая и рукояточная части. Подобные крупные проколки были обнаружены в погребениях второй группы Фофановского могильника на р. Селенге в Бурятии. Авторы публикации считают, что строго отделить большие проколки от кинжалов не всегда удастся (Герасимов М.М., Черных Е.Н., 1975, с. 42, рис. 10). Одна проколка найдена на поселении Коровья Пристань II (рис. 143-4).

Игольницы. Представлены несколькими экземплярами, найденными на поселениях Березовая Лука, Костенкова Избушка (рис. 142-3, 4, 9; 146-2; 147-4) и могильнике Телеутский Взвоз (рис. 91-6) (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1999, рис. 2). В большинстве своем изготовлены из трубчатых костей птиц. Верхние и нижние части ровно обрезаны и округло заточены. Одна из игольниц с Березовой Луки имеет фигурную форму (рис. 146-2). Подобные игольницы из трубчатых костей птиц найдены в могильнике Сопка 2 (Молодин В.И., 1985, рис. 21-19), в Фофановском могильнике (Герасимов М.М., Черных Е.Н., 1975, рис. 10, 25). Встречаются они в андроновских памятниках Верхнего Приобья.

Стамеска. Из кости изготовлена четырехгранная, квадратная в сечении палочка, орнаментированная пересекающимися резными линиями (рис. 142-4), найдена на Кос-

тенковой Избушке. В нижней части сужается и напоминает по внешнему виду небольшую стамеску.

Навершие. Костяное навершие «Г»-образной формы было обнаружено П.Ф. Рыженко в 1970-х гг. на Чумыше в окрестностях с. Победа Целинного района (Кунгуров А.Л., Горбунов В.В., 2001, рис. 3). Его высота – 13,8 см, ширина от 2 до 3 см, толщина до 1,3 см, длина изгиба 7,8 см. В нижней части навершие имеет прорезь длиной 7 и шириной 0,4 см. Лицевая сторона хорошо зашлифована и заполирована. На изгибе нанесены резные «S»-видные фигуры с закругленными спиралью окончаниями, ниже на вертикальном стрелке поперечные пояски шириной 0,3–0,4 см. Два верхних заполнены орнаментом в виде вырезанных сверху и снизу по ряду мелких равнобедренных треугольников, расположенных таким образом, что между ними образовывается зигзаговая лента (рис. 150–21). Два других пояска – пустые. Общий облик навершия своей формой напоминает голову птицы с длинным, слегка загнутым книзу клювом. Подобное навершие обнаружено на могильнике Сопка 2, но там более четко проработаны детали. Не вызывает сомнений, что это голова ворона (Молодин В.И., 1985, рис. 27–5; Molodin V.I., 1983, с. 124–125). А.Л. Кунгуров и В.В. Горбунов однозначно относят находку с Чумыша к елунинской культуре (2001, с. 117).

Орнаменты и другие орудия для работы с глиной обнаружены на поселении Березовая Лука. Там же найдены и орудия скорняжного производства (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, рис. 1) (рис. 146–1, 3, 6).

Астрагалы. В большом количестве встречены на поселении Березовая Лука. Целый комплект астрагалов обнаружен в елунинской могиле на памятнике Телеутский Взвоз, на других памятниках их гораздо меньше. На многих из них имеются различного рода следы сработанности, есть со следами обработки в виде резных линий, а также со следами сверления (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 203–207; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 2001, с. 298–302) (рис. 141–2, 3; 146–8).

2.1.1.4. Бронзовые изделия. Бронзовых изделий найдено сравнительно немного, но некоторые из них достаточно выразительны. Они происходят из могильников, с поселений и являются случайными находками. Много обломков различных бронзовых изделий получено за последние годы с поселения Березовая Лука.

Ножи. Найдено несколько целых экземпляров и обломков, относящихся к разным типам.

Двулезвийные черешковые с утолщением в центральной части. Представлены одним экземпляром небольшого ножа. Его общая длина 7,7 см, наибольшая ширина 2,7 см. Край лезвия слегка скошен к рукояти и к окончанию (острию) (рис. 113–9). По форме он даже напоминает небольшой кинжалчик. Найден на поселении Коровья Пристань 1. Двулезвийные черешковые ножи с утолщением посередине встречаются в материалах Сейминского могильника, правда, они там имеют более вытянутые пропорции (Бадер О.Н., 1970, рис. 45–47). Очень близкие по форме ножи обнаружены в могильнике Сопка 2 (Молодин В.И., 1985, рис. 30–31).

Выгнутообушковые однолезвийные ножи (рис. 119–1, 2). Представлены двумя экземплярами, найденными в могильнике Цыганкова Сопка. Ножи с орнаментированными рукоятями и с петлей в ее верхней части. Только на ноже из погребения 1 она без отверстия, которое, видимо, не получилось при литье. Длина этого ножа 29,3 см, наибольшая ширина 2,4 см. Конец лезвия закруглен, а у рукояти имеется небольшой выступ (рис. 119–1). Рукоять по обеим сторонам украшена выпуклыми треугольниками, а посередине продольным выпуклым валиком. Петельчатое кольцо украшено рубчиками. Второй нож плохой сохранности. Его лезвие развалилось на куски, но рукоять сохранилась очень хорошо (рис. 119–2). Он по сравнению с первым более прогнут. Рукоять по

обеим сторонам имеет выпуклые валики, которые переходят в петельчатое кольцо, имеющее отверстие. С обеих сторон рукоять украшена четырьмя заштрихованными треугольниками, ее ширина у лезвия 2 см, а самого лезвия – 3 см.

Первый нож встречен в комплексе с верхней частью сосуда (рис. 80-4), с двумя каменными наконечниками стрел (рис. 119-3, 4) и астрагалом (рис. 119-6), второй – один. Оба ножа отлиты в двусторонней форме, имеют ребро жесткости со стороны обушка. Подобные ножи встречаются в памятниках ранней и развитой бронзы Западной Сибири, которые обычно относятся к турбинско-сейминской или самусьско-сейминской эпохе. Близкие по форме и орнаментации ножи встречены в могильнике Ростовка под Омском.

В.И. Матющенко и Г.В. Ложникова отнесли их к третьему типу – дугообразным однолезвийным ножам (1969, с. 22, табл. 61). Похожие три ножа были обнаружены В.И. Молодиным в могильнике Сопка 2 и отнесены им к десятому типу (1985, рис. 30, 8-10). Близкие по форме ножи встречены в Сейминском (Бадер О.И., 1970, рис. 52) и втором Турбинском могильниках (он же, 1964, рис. 113). Правда, там они с фигурными рукоятями. По форме, прогнутости и выступу при переходе от рукояти к лезвию эти ножи чрезвычайно близки карасукским, выделенным С.В. Киселевым в «дугообразно-обушковые» (1949, с. 70). Этой типологии придерживается и Э.А. Новгородова (1970, с. 65). С.В. Киселев видел в этих ножах производные формы от аньянских ножей, датируемых XV–XVI вв. до н.э., что, по его мнению, подкрепляло вывод о юго-восточном происхождении многих черт карасукских вещей Минусинской котловины (1949, с. 104). Несколько осторожнее к этому вопросу подходит Э.А. Новгородова, рассматривая карасукские ножи. Так, коленчатые карасукские ножи, по ее мнению, происходят от окуневского вкладышевого прототипа из Южной Сибири, а по поводу происхождения дугообразнообушковых ножей она пишет, что они не имеют прототипов в предшествующих культурах Минусинского края и западнее, зато в Забайкалье, Монголии и Ордосе подобные обнаружены большими сериями (1970, с. 81–96). Е.Е. Кузьмина считает, что на современном этапе можно говорить лишь о синхронизации аньянских и карасукских бронз, для синхронизации же сейминско-турбинско-ростовкинских комплексов с аньянскими надежных объективных данных пока нет (1973, с. 38).

К этому типу можно отнести бронзовый нож крупных размеров с обломанной рукоятью (рис. 142-1). Длина сохранившейся части 17 см, наибольшая ширина 3,8 см. Верхняя часть лезвия забита на две стороны под рукоять. Возможно, первоначально это было какое-то серповидное орудие. Подобные ножи встречаются в памятниках эпохи бронзы в Восточном Казахстане (Черников С.С., 1947, табл. XIII) и в Средней Азии (Кузьмина Е.Е., 1966, с. 44–45, табл. IX). Правда, этот нож отличается более массивными размерами, особенно шириной. Очень близкие по форме ножи встречены В.И. Молодиным в могильнике Сопка 2, которые он относит к десятому типу (1985, с. 61, рис. 30-8).

Фигурные ножи. В отдельную группу выделен нож из елунинского могильника, имеющий на рукояти скульптурное изображение (Кирюшин Ю.Ф., 1980; 1984; 1985; 1985а). Общая длина ножа 28,2 см, из них 18,2 приходятся на лезвие, наибольшая ширина 3,3 см (рис. 148). В месте перехода рукояти в лезвие имеется выступ, окончание лезвия закруглено. Нож отлит в двустворчатой форме, которая при отливке в нижней части несколько сместилась, что очень хорошо заметно. По обеим сторонам обушковой части лезвия имеются выступы, придающие лезвию жесткость (ребро жесткости). Рукоять с одной стороны украшена двумя заштрихованными квадратами, разделенными взаимопересекающимися выпуклыми валиками, а с другой – цепочкой из заштрихованных ромбов. По краям рукояти с обеих сторон проходят выпуклые валики.

У ножа слегка изогнута рукоять. В ее верхней части имеется скульптурное изображение лошади. Четко выделены крупные раздутые ноздри, глаза и острые уши, слегка

закинутая назад голова, хорошо передана торчащая невысокая грива, которая постепенно переходит в развевающуюся. Голова лошади располагается на четырех солнечных лучах, расходящихся в разные стороны, пятый соединяется с рукоятью (рис. 143). Лучи разделены между собой треугольными отверстиями (150–1). То, что это изображение солнечного коня, не вызывает сомнений. Такого типа ножи характерны для культур турбинско-сейминского типа.

Близкие по форме фигурные ножи встречены во втором Турбинском (Бадер О.И., 1964, рис. 113), в Сейминском (он же, 1970, рис. 52) и Ростовкинском (Матющенко В.И., 1970, рис. 33–34) могильниках. На навершиях ножей из Ростовки и Сеймы также изображены лошади, причем представлен явно один тип лошади. У них одинаковые уши, одна манера передачи гривы. У лошадей из Ростовки и Елунина сильно раздуты ноздри. Елунинский и сейминский ножи вылиты сразу в одной форме, а ростовкинский отлит по частям, и ручка позднее приварена к лезвию (Матющенко В.И., 1970, с. 104). Создается даже впечатление, что ростовкинский нож был полностью отлит с простой рукоятью, которая затем примерно наполовину была обломана, а к оставшейся части приварена фигурная рукоять. Приваренная рукоять имеется у ножа из второго Турбинского могильника. По мнению ряда исследователей, осматривающих нож из Сейминского могильника, на нем изображена лошадь Пржевальского (Бадер О.И., 1970, с. 115). Такова же точка зрения В.И. Матющенко о лошади с ростовкинского ножа (1970, с. 103). По мнению С.Н. Боголюбского, ареал распространения лошади Пржевальского в древности охватывал степи Западной Сибири, доходя до самого Урала, где должен был соприкасаться с местообитанием более легкой и грациозной дикой лошади – тарпана (1959, с. 496).

Изображения близких по внешнему облику лошадей известны на каменных жезлах. Один такой жезл, как отмечалось выше, найден на Алтае (Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., 2001), два – в Восточном Казахстане: один в Семипалатинской области (Черников С.С., 1960, рис. 21), а второй у станции Бухтарминской Усть-Каменогорского района (Славнин П.П., 1949). Из Омского Прииртышья происходят каменный жезл с головой лошади (Мошинская В.И., 1952, рис. 16–1) и каменная подвеска, представляющая собой скульптурное изображение лошади (Глушков И.Г., 1985, с. 196). Обломанная рукоять от аналогичного ножа, но меньших размеров найдена в окрестностях с. Усть-Мута Усть-Коксинского района Республики Алтай (рис. 150–4) (Киреев С.М., Кудрявцев П.И., 1988, с. 166).

Мне представляется, что культ коня, нашедший отражение в скульптурных изображениях на рукоятках ножей и навершиях жезлов, складывается в эпоху ранней бронзы в Восточном Казахстане и в районах Верхнего Приобья, прилегающих в Алтайским горам. Корни этого культа, вероятно, уходят еще в предшествующее энеолитическое время, когда на территории Казахстана существовало, по мнению В.Ф. Зайберта, население с коневодческим типом хозяйства, оставившее поселение Ботай. Коневодство играло ведущую роль в хозяйстве, 99,9% из определяемых костных остатков принадлежали лошади, причем счет остеологического материала идет на сотни тысяч единиц (Зайберт В.Ф., 1983). Культ коня нашел отражение и в погребальном обряде. А.А. Формозов приводит сведения о погребении предандроновского времени, в двух углах погребальной ямы которого найдено по два конских черепа (1956, с. 154).

Следы коневодства прослеживаются в Верхнем Приобье с эпохи энеолита, а в раннюю и развитую бронзу коневодство играет уже существенную роль в системе скотоводческого хозяйства. Интересное объяснение изображения конской головы дал еще в XIX в. П.С. Ефименко. Он писал следующее: «Мы знаем из Ригведы, что первоначальной зооморфической формой утреннего или весеннего солнца были конь и конская голова как символы быстроты, с которой распространялся свет. Конская голова есть символ солнца, начинающего появляться над горизонтом или, по понятию язычников,

солнца, рождающего на свет, потому что при рождении жеребенок, прежде всего, выставляет на свет свою голову. Таким образом, и нарождающееся солнце сначала выставляет свою конскую голову» (1869, с. 80).

Приведенная цитата очень убедительно показывает, что подобные изображения как на ножах, так и на каменных жезлах следует считать символами солнечного коня, а, возможно, и самого солнца. Первоначально этот культ, скорее всего, зарождается в степных районах Казахстана и в предгорной зоне Алтая, а затем уже оттуда распространяется в другие районы Западной Сибири, Урала и Приуралья. Об этом свидетельствует и близкий химический состав этих ножей. Все они относятся к оловянистым бронзам и имеют, по мнению Е.Н. Черных, западносибирское происхождение (1979, с. 116–117). Этот культ сформировался еще в предандроновское время, андроновцами эти традиции бронзолитейного производства были принесены на Енисей, а затем распространились на Монголию, северные и северо-восточные районы Китая. Это предположение высказал в свое время и С.В. Киселев, который в работе по неолиту и бронзовому веку Китая писал: «Встает вопрос, не могли ли сибирские и восточноказахстанские очаги бронзовой индустрии андроновской культуры оказать воздействие на бронзолитейное дело и искусство литейщиков древнего Китая аньянского периода?» (1960, с. 264–265). Видимо, по мере распространения на восток и на запад меняются и изображения на ножах. Появляются изображения баранов, которые скорее всего считаются культовыми животными местных племен. Е.Н. Черных отмечает, что по мере удаления от исходных территорий на запад население, оставившее Сейму и Турбино, взаимодействовало с чуждыми ему культурами, что отразилось в приобретении новых черт, придавших им различия (1979, с. 117–118).

Таким образом, все приведенные данные свидетельствуют, скорее всего, о восточноказахстанском-верхнеприобском происхождении выгнутообушковых и фигурных ножей и их последующем распространении на запад и на восток. А так как этот очаг складывается в предандроновское время, то все привлекаемые для датировки западные и восточные параллели должны учитывать это обстоятельство.

Составные ножи. Представлены одним экземпляром лезвия составного ножа, найденном в погребении 4 могильника Цыганкова Сопка (рис. 119–9). Длина лезвия 5,8 см, наибольшая ширина 2,2 см. К окончанию лезвие сильно сужается, и трудно понять: или оно сильно сработано, или сразу имело такую форму, которая напоминает форму каменных шлифованных ножей эпохи энеолита Верхнего Приобья (рис. 21–7; 29–17; 39–25; 65–25–27). Причем с энеолитическими совпадает и форма сужающегося лезвия и основания, которое вставлялось в рукоять. Составные ножи встречаются в могильниках Ростовка (Матюшенко В.И., Ложникова Г.В., 1969, с. 22, табл. 6) и Сопка 2 (Молодин В.И., 1985, с. 63). Полную сводку составных ножей приводит в своей работе Н.Л. Членова (1972, с. 17–19, табл. 8).

Наконечники копий. Представлены тремя экземплярами. Одно найдено в бассейне Чарыша, правого притока Оби (рис. 151–1), второе – в Бурлинском районе Алтайского края (рис. 151–2) (Уманский А.П., Демин М.А., 1983, рис. 2). Третье было выпажано в 1979 г. механизатором с. Парфеново Топчихинского района А.А. Чудиновым на поле недалеко от села (Кирюшин Ю.Ф., 1992, с. 43–44). При осмотре автором поля, где было найдено копьё, каких-либо внешних признаков археологического памятника прослежено не было. Поле площадью более 100 гектаров, а механизатор не мог точно указать, откуда оно выпажано, так как, видимо, при бороновании копьё было передвинуто от первоначального места находки. Скорее всего, на этом месте располагается грунтовой могильник, который еще предстоит выявить.

Все наконечники с вильчатым стержнем пера, а копьё из Бурлинского района приближается к типу копий с ромбическим стержнем пера. Вильчатость выражена сла-

бо. Копье занимает как бы промежуточное положение между вильчатыми и с ромбическим пером копьями. Копья имеют по три валика на втулке и одно ушко, причем два крайних валика соединятся в ушко, на копье с Чарыша оно в средней части втулки и украшено насечками, на втулке копья из Бурлы оно тоже в средней, но без орнамента. Копье с Чарыша имеет багор. Длина копья 34,5 см, ширина пера 4,3 см, диаметр втулки 3,3 см. В отличие от классических сейминско-турбинских копий копье с Чарыша имеет узкое перо. Длина второго 21 см, ширина 4,5 см, диаметр втулки 3,1 см. Длина копья из с. Парфеново 28 см, ширина пера 4,4 см, диаметр втулки 3,7 см (рис. 152). Оно очень близко копью из Бурлы, но несколько уже и значительно длиннее.

Еще одно копье подобного типа было найдено в 1989 г. в окрестностях с. Соузга Майминского района Республики Алтай на берегу Катуня. Наконечник с вильчатым стержнем пера, имеющим пламевидную форму (Кочеев В.А., 1997, с. 171–173). Его длина 16,6 см, длина пера 10,6 см, втулки – 6 см, ширина пера – 4 см. На втулке копья имеются сквозное отверстие, видимо, для крепления к древку, и два рельефных валика, образующих орнаментальный пояс (рис. 153). Это копье меньше всех остальных, но, несомненно, относится к кругу изделий сейминско-турбинского типа. На вопросе о том, как оно попало на Катунь, я остановлюсь позднее.

Копья подобного типа широко встречаются на памятниках сейминско-турбинского типа в Евразии. Вильчатые одноушковые копья найдены в Сейминском (Бадер О.Н., 1970, рис. 21а, 23) и Турбинском могильниках (Бадер О.Н., 1964, рис. 33–38). В могильнике Ростовка подобные копья часто имеют два ушка или багор и одно ушко (Матющенко В.И., Ложникова Г.А., 1969, табл. 6, 7, 12, 13, 15). Подобные наконечники копий встречены в районах Прикамья и Поволжья (Тихонов Б.Г., 1960, с. 23–26). Одно такое же копье найдено в Бессарабском кладе (Кривцова-Гракова О.А., 1949, табл. П-1). Отдельные находки известны в различных районах Европейской России (Городцова В.А., 1915, с. 199). Вильчатые копья найдены в Омском кладе и известны из случайных находок в различных районах Омского Прииртышья (Матющенко В.И., 1975, рис. 1, 2; 2-1). А одно из таких копий имеет на втулке литое изображение хищника, относящегося, скорее всего, к роду кошачьих (он же, 1972, с. 145–147).

Наконечники стрел. Представлены всего двумя экземплярами. Втульчатый наконечник, напоминающий копье сейминско-турбинского типа, найден в погребении 29 могильника Телеутский Взвоз (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 2000, рис. 1; Грушин С.П., 2001, с. 31). Его длина 7,5, ширина 2,5 см. По обеим сторонам пера спускаются наклонно выпуклые валики, образующие своеобразный елочный узор. Во втулке сохранились остатки древка (рис. 121–12). Причем диаметр древка равен внешнему диаметру втулки, на конце древка застрогано по длине и внутреннему диаметру втулки. Второй экземпляр происходит из погребения 5 могильника Цыганкова Сопка (рис. 119–5). Он плоский, кованый, имеет небольшой черешок и треугольную форму. Основания перьев – прямые. Аналогичный наконечник происходит из погребения, раскопанного В.А. Захом в районе памятника Ордынское 1 в 1977 г. (1979, с. 32). Правда, основание пера у него как бы образуют шипы.

Очень близкий по форме и размерам бронзовый наконечник стрелы найден в погребении 9 могильника Канай (Черников С.С., 1960, с. 34, табл. XX). С.С. Черников писал, что наконечник плоский, лопасти округлые, черешок прямоугольный и очень короткий, а посередине стрелы выпуклый вертикальный валик (1960, с. 34). Это погребение С.С. Черников отнес к раннеандроновскому этапу и датировал XVIII–XVI вв. до н.э. (там же, с. 94–98).

Шилья. В погребениях 2 и 32 могильника Телеутский Взвоз встречены два целых четырехгранных в сечении шилья с остатками деревянной рукояти (рис. 91–7). Причем шило из могилы 2 находилось в деревянном чехле. Обломки четырехгранных и округ-

лых в сечении шильев обнаружены на поселении Березовая Лука (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1999, с. 392).

Кельты. Представлены обломком кельта, найденном на поселении Новенькое 21 (Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А., 1985, рис. 17-17). Обломок от верхней части, у края лицевой грани он имеет выпуклый бортик. Судя по обломку, он больше напоминает кельты турбинского типа (Бадер О.Н., 1964, рис. 43, 45).

Украшения. В основном это медные, бронзовые и свинцовые серьги в полтора оборота и в форме несомкнутого колечка, происходящие из детских погребений Березовой Луки (рис. 141-5), погребений Телеутского Взвоза (Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Тишкин А.А., 1996, с. 116-119) и культурного слоя Березовой Луки (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1999, с. 391-396; 2000, с. 298-302). В одном погребении могильника Староалейка-2 найдены обломки двух бусин диаметром 4-5 мм, изготовленных из слегка расплющенного бронзового прута шириной 2,5-3 мм.

В культурном слое поселения Березовая Лука встречено много металлических (медные, бронзовые, свинцовые) предметов, в большинстве своем мелко разломанных: ножи, шилья, серьги и др. Зафиксированы следы бронзолитейного производства: руда, шлаки, окалина, металлический лом и т.п.

Литейные формы. Представлены одним экземпляром створки формы, изготовленной из песчаника. Створка была поломана еще в древности, и ее верхняя часть не обнаружена. Створка найдена на поселении Калантырь 11. Она предназначалась для отливки копья с вильчатым стержнем пера, с тремя выпуклыми валиками в средней части втулки и ушком в нижней (рис. 154). Копье, отливаемое в этой форме, по внешнему облику было близким копью, найденному в Бурле (рис. 151-2). Различаются только расположением ушка и более четкой вильчатостью. Копье, отлитое по этой форме, несомненно, относилось к изделиям сейминско-турбинского типа. Формы для литья подобных копий встречены В.И. Матющенко на поселении Самусь IV, правда, там они имеют по три ребра посередине пера (1973а, с. 26). Копья с вильчатым стержнем пера являются основным типом в материалах первого Турбинского могильника (Бадер О.И., 1964, с. 60-65), в Сейминском они встречаются реже (он же, 1970, с. 100-101, рис. 21-1). Найдены они и в могильнике Ростовка (Матющенко В.И., Ложникова Г.В., 1969, табл. 7, 12-1, 13-1; Матющенко В.И., 1975, рис. 1-1).

2.1.1.5. Деревянные предметы. Изделий из дерева чрезвычайно мало в силу специфики самого дерева, и все они обнаружены на могильнике Телеутский Взвоз. Это прежде всего хорошо сохранившийся крупный деревянный втульчатый наконечник - томар (рис. 121-15) (Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Тишкин А.А., 1996, с. 118), остатки древка стрелы (рис. 121-12) и остатки обугленного орнаментированного шеста (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 2000, рис. 1). Шест был сплошь покрыт вертикальными поясами из косо поставленных резных линий (рис. 155). Он найден в погребении 32 и, видимо, являлся частью разрушенной внутримогильной конструкции. На трех шильях прослеживались следы деревянных рукоятей, а одно было вставлено в деревянные ножи. В одном случае на бронзовом ноже (могила 2, 1998 г.) сохранились остатки ножен из бересты. При сооружении погребальных камер широко использовались плахи, плашки, обработанные на многогранник шесты, небольшие бревнышки хвойных пород и березы, ветки и береста. Все это свидетельствует о высоком уровне деревообработки.

2.1.2. Погребальный обряд

Все могильники рассматриваемого времени немногочисленны, исключение составляет лишь могильник Телеутский Взвоз. Здесь вскрыто 36 погребений елунинской культуры, 24 на Староалейке, на Цыганковой сопке - 11, на Елунино - 3, на Березовой Луке

вскрыто 6 детских погребений, на Комсомольском Мысу – 2, на Озерках Восточных – 2 (одно целое, другое разрушенное). И порядка семи погребений сейчас известно в различных районах Алтайского края. Если сюда же отнести три погребения, исследованные В.А. Захом на памятнике Ордынское, на чем мы уже останавливались (Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., 2001, с. 40), то общее количество погребений составляет 91. Это гораздо меньше, чем общее количество кротовских погребений, вскрытых В.И. Молодиным и его коллегами в Барабе (Молодин В.И., 1985, с. 49), но эти погребения дали огромный информативный материал по обряду, вещевому комплексу, искусству и религиозным представлениям.

Большая часть могильников находится на высоких крутых берегах рек. Преобладают могильные ямы трапецевидной или прямоугольной формы, реже подчетырехугольной, приближающейся к подквадратной. Глубина их колеблется от 0,3–0,4 до 0,6–0,7 м, реже до 1,0 м и более. Все могильники грунтовые, и на поверхности не прослеживалось каких-либо курганных насыпей, но погребения обычно сгруппированы рядами от 3–4 до 5 или просто располагаются близко друг к другу. Возможно, в этих могилах похоронены ближайшие родственники, относящиеся к одной семье. Отличительной чертой и Староалейки 2 и Телеутского Взвоза является то, что на их территориях были сооружены погребальные комплексы более позднего времени, потревожившие часть захоронений. С другой стороны, наличие этих поздних некрополей часто не позволяет провести четкую грань между вторичными и разрушенными или ограбленными погребениями. Хотя часть могил, не задетых поздними сооружениями, носит явные следы ограбления. Это позволяет сделать предположение, что они были ограблены вскоре после процедуры погребения или могилы как-то были заметны на поверхности и были подвергнуты ограблению много позднее. Не исключено, что все эти потревоженные или разграбленные захоронения являются вторичными погребениями людей, умерших в районах зимних поселений, трупы которых длительное время хранились в специальных местах и на поверхности земли, где они могли подвергнуться разрушению. Подобный элемент погребального обряда фиксировался в могильнике Ростовка (Матющенко В.И., Ложникова Г.В., 1969).

Преобладающей позой умершего было положение скорченно на левом боку, головой на восток, иногда с отклонениями к северу, реже к югу. Эта черта наиболее характерна для одиночных захоронений (рис. 156; 157; 158). Близким к этому обряду является положение на спине с подогнутыми влево ногами и костями таза. Так, на могильнике Староалейка из 15 случаев, когда выявляется положение умершего, десять лежали на левом боку, четверо на спине и только в одном – на правом боку, но тоже скорченно. На Телеутском Взвозе из 30 прослеженных погребенных 24 лежали на левом боку, пятеро на спине и в одном случае на правом боку; в Елунино – все на левом боку. Так, погребения на левом боку составляют на Телеутском Взвозе 80%, а с погребениями на спине – 96,7%; в Староалейке 2 – 66,7 и 93,3% соответственно. Несколько иная картина наблюдалась в Цыганковой Сопке. Здесь погребений на левом боку 38,5%, с погребениями на спине 61,5%, остальные захороненные лежат на правом боку в скорченном положении. Такой разнобой в погребальном обряде наблюдается только в коллективных и парных погребениях, да и то не всегда. Там, где погребены мужчина, ребенок, женщина, первый лежит на левом боку, второй – на спине, а женщина – на правом боку. Есть такие захоронения, где все трое лежат на левом боку. В коллективном погребении 1 Староалейки 2, раскопанном В.Б. Бородаевым (Бородаев В.Б., Кунгуров А.Л., 1980), из четверых похороненных двое мужчин (50–60 и 35 лет) и женщина (30 лет) лежали на спине с повернутыми влево ногами и костями таза. В могильнике Цыганкова Сопка на правом боку лежат дети и подростки в коллективных погребениях (Кирюшин Ю.Ф., 1987). В целом же подавляющее число одиночных погребений совершено в скорченном положении на левом боку, головой на восток, реже – северо-восток.

Какой-либо закономерности в положении умершего по отношению к рекам нет. Так, могильники Елунино 1, Телеутский Взвоз и Цыганкова Сопка находятся на Оби. Староалейка 2 – между Алеем и Обью, Озерки Восточные и Комсомольский Мыс – на оз. Иткуль. Большая часть могил сооружена перпендикулярно рекам. Такая же черта характерна для ранних памятников Притомья (Матюшенко В.И., 1973а, с. 85–86), Степановского могильника в Васюганье (Кирюшин Ю.Ф., 1978, с. 31) и одновременных ему могильников в лесостепном Прииртышье (Глушков И.Г., Петров А.И., 1984, с. 26). Для одного погребения из Елунино можно сделать предположение, что оно было сооружено по течению реки, но это с учетом того, что Обь в 1,5–2 км поворачивает на северо-восток. Целое погребение на Озерках Восточных было расположено под небольшим углом по отношению к береговой кромке озера. Захоронения параллельно реке зафиксированы А.П. Окладниковым для глазковских погребений (1928; 1952, с. 83). Эта особенность прослеживается В.И. Молодиным для кротовских погребений могильников Сопка 2 и Ордынское 1. Там все погребенные лежат параллельно реке, головой вверх по течению (1985, с. 76).

Еще одной особенностью погребального обряда елунинцев или, может быть, могильников в целом является малое количество детских погребений. Так, на Староалейке 2 три детских захоронения были выделены условно (№70–72). По форме и глубине залегания они напоминали детские могилы, но только в одной был найден обломок медной бусины, а две были пустыми. В трех были похоронены подростки (№8, 53, 58) и только в одном случае был действительно маленький ребенок (№15). На Цыганковой Сопке один подросток (№6) и один ребенок (№7). На Телеутском Взвозе всего одно детское погребение (№2). Но здесь есть два захоронения взрослого и ребенка (курган 12, могилы 2, 16) и одно погребение двух взрослых, предположительно мужчины и женщины, и ребенка (№2). Причем все лежат на левом боку в скорченном положении. Погребение взрослого с маленьким ребенком есть на Цыганковой Сопке.

Два ребенка были погребены в коллективных захоронениях: младенец в могиле 2 Цыганковой Сопки и ребенок 6–8 лет в могиле 6 Староалейки 2. Подробнее хотелось бы остановиться на них несколько ниже. Бедренные кости грудного ребенка встречены в погребении 3 Елунинского могильника. В двух случаях в погребениях находилось по двое умерших. На Староалейке 2 в одной могиле (№23) похоронены, по определению В.А. Дремова, две женщины 16–20 и 20–25 лет. Могила была сильно потревожена, а все кости перемешаны. Остатки двух костяков взрослых найдены в разрушенном погребении (№15) на Телеутском Взвозе. По костям таза, ног и одной руки видно, что умершие лежали скорченно на левом боку, головами, видимо, на северо-восток (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1999, с. 393). В этом могильнике три погребения содержали по три захоронения. В первом случае (№29) все умершие на спине с согнутыми влево ногами, во втором – на левом боку скорченно (№32), в обоих случаях головами на восток. В третьем случае один умерший лежал на левом боку с сильно подогнутыми ногами, головой на восток. Другие обожженные человеческие кости и среди них два черепа лежали в беспорядке на дне могилы. Там же найден череп лошади и зафиксирована рама из досок и остатки бересты.

Можно отметить четыре коллективных захоронения. Одно из них, содержавшее четырех погребенных, было расчищено В.Б. Бородаевым на могильнике Староалейка 2 в 1978 г. (Бородаев В.Б., Кунгуров А.Л., 1980, с. 79–80). Два принадлежали, по определению В.А. Дремова, мужчинам в возрасте 50–60 и около 35 лет и один женщине около 30 лет, четвертый череп сохранился плохо. Положение умерших единообразно, все они лежат на левом боку, головой на СВ, нижняя часть туловища (тазовые кости, крестец и поясничные позвонки) лежат в положении на спине, ноги согнуты и завалены влево, левая рука вытянута вдоль туловища, а правая согнута. Каждый восточный скелет пере-

крывает частично западный, причем костяки 1 и 2 лежат на материке, а 3 и 4 – на темном суглинке, которым засыпаны первые два погребенных. По заключению сотрудников кафедры нормальной анатомии АГМИ, первоначальное положение погребенных можно характеризовать как полулежачее, но ближе к лежащему. Характерная вывернутость в грудной области самопроизвольно произойти не могла. Такое положение было придано умершим преднамеренно (там же, с. 81). В данном случае мы имеем периодические вторичные подзахоронения.

Второе коллективное погребение раскопано автором также на могильнике Староалейка 2 (Кирюшин Ю.Ф., Масленикова Г.В., Шамшин А.Б., 1981, с. 181–182; Кирюшин Ю.Ф., Стерлин А.И., 1983, с. 58–63). Скорее всего, его можно даже назвать вторичным. Могила была выгнута с северо-востока на юго-запад. Размеры ее 2,8 x 1,85 м и глубина 0,65 м от современной дневной поверхности. В центре и ближе к южной стенке на глубине 0,45 м прослеживались скопления костей человека, сваленных беспорядочно. Здесь были два черепа, несколько бедренных костей, ребра, кости таза, локтевые и плечевые кости. Один череп был перекрыт костями таза и бедренными, а второй лежал поверх всей кучи костей.

По остальной части могилы в беспорядке были разбросаны обломки ребер, бедренных костей, таза, нижняя челюсть и другие кости. У западной стенки, на дне могилы, был похоронен ребенок 6–8 лет (определение А.И. Стерлин), лежащий на спине, с согнутыми в коленях ногами. С восточной стороны скелета лежала нижняя часть ноги лошади в сочленении (определения Т.В. Калашниковой). У северной стенки кости оказались посыпаны охрой, здесь найден массивный, четырехгранный в сечении, черешковый наконечник стрелы (рис. 124–3). Вдоль южной и северной стенок ниже дна могилы находились две канавки размером 1,43 x 0,28 и 1,45 x 0,24 м, глубиной 0,25 м, имеющие четкую прямоугольную форму. В южной канавке стояло пять черепов, причем четыре из них были положены лицевой частью вниз, а пятый стоял на основании лицевой частью к южной стенке.

Третий череп в верхней части был разрублен, причем удар был настолько силен, что череп почти полностью лопнул. Под черепами 2 и 3 находилась бедренная кость. В северной канавке лежало три черепа, все лицевой частью лица вниз (рис. 159). По углам могилы четко прослеживались следы столбовых ям диаметром 0,3–0,35 м и глубиной 0,4–0,45 м. Над могилой, видимо, был сделан навес, на назначении которого мы остановимся чуть ниже. Все костяные остатки из этого погребения были переданы в АГМИ А.И. Стерлин. Изучение костного материала показало, что в могиле были похоронены части скелетов от 3–4 взрослых людей, от 3–4 подростков и полностью скелет ребенка 6–8 лет. Черепа были изучены В.А. Дремовым. По его определению, в могиле находились черепа от девяти взрослых людей, среди которых четыре женщины в возрасте от 20–30 до 35 лет, пятеро мужчин от 20 до 40 лет, одного юноши и фрагменты пяти детских черепов в возрасте от года до десяти лет.

Таким образом, получается, что по черепам и фрагментам похоронено не менее 14 человек, а по костным остаткам 7–8 человек. Видимо, в данном случае мы имеем первичное захоронение восьми черепов и ребенка, и вторичное – частей скелетов. Причем эти части скелетов или, может быть, полные скелеты помещали на навес, сооруженный над могилой, а затем после прошествия какого-то времени, когда навес обрушился в могилу вместе с помещенными на него костями, его засыпали землей. Умерших снабдили пищей. В погребении встречены кости и зубы лошади. Видимо, можно предположить, что здесь мы имеем дело с каким-то культовым захоронением.

В третьем случае в погребении 2 на Цыганковой Сопке похоронено пять человек. Первый погребенный лежал на левом боку в скорченном положении, головой на восток.

Правая рука находилась на ребрах второго скелета, лежащего рядом на спине, со скорченными ногами. Голова наклонена к левому плечу, а правая лежит под первым скелетом. Получается, таким образом, что они обнимают друг друга. Тазовые кости и ноги первого скелета перекрыты ногами третьего скелета, лежащего в скорченном положении на левом боку головой на ССЗ. Между скорченных ног первых двух погребенных был похоронен ребенок, от которого сохранились обломки черепа, зубы и фрагменты ребер. В западной части могилы был похоронен еще один умерший. Он лежал в скорченном положении головой на юго-запад, руки вытянуты вдоль туловища, позвоночник сильно искривлен. Создается впечатление, что пятого буквально втискивали в могилу.

В заполнении могилы встречены угли, следы огня есть и на костях, а под ними прослеживались угольки. Дно могилы перед захоронением, видимо, обжигалось, а затем было подождено перекрытие или просто разведен костер поверх погребенных. Не исключено, что ноги у второго скелета были скорчены. Глубина могилы в 0,6 м позволяла это сделать. Размеры этой могилы 2,2 x 1,2 м.

Четвертое коллективное сильно разграбленное погребение было расчищено на могильнике Телеутский Взвоз. В могильной яме зафиксированы остатки от пяти сильно обожженных черепов, кальционированные кости людей и животных, обгоревшая деревянная обкладка, берестяная подстилка. Погребения с остатками трупосожжения или трупобожжения есть и на других памятниках. Так, в погребении 22 Староалейки 2 сохранились остатки трупобожжения, у умершего были обожжены кости правого предплечья, а в могилах 12 и 17 на дне лежали угли. Два погребения с трупосожжением были расчищены на Комсомольском Мысу. Одно из них с сосудом.

В погребении с сосудом на Комсомольском Мысу хорошо прослеживались следы охры. Трупосожжения, видимо, проводилось на стороне, хотя вместе с жжеными костями лежат и угли, но значительных следов прокала нет. В могилу помещались еще горящие угли и жженные кости. В некоторых случаях с одиночными захоронениями на костях скелетов прослеживаются следы обожжения, на дне могил в отдельных случаях прослеживаются вместе с охрой и угольки. Видимо, в могильной яме разводился огонь до того, как туда уложили покойника, или после того. Но этот огонь был очень незначительный и не повреждал серьезно тело умершего. Скорее, огонь здесь носил ритуальный характер. Ему, скорее всего, придавались очистительные свойства. Полные или частичные трупосожжения характерны для погребального обряда эпохи энеолита-ранней бронзы в Томско-Нарымском Приобье. А.А. Формозов считает, что для энеолита Казахстана характерен обряд трупосожжения (1956, с. 153-154). С другой стороны, очень четко просматривается определенная тенденция. Трупосожжения, трупобожжения и следы огня чаще встречаются в коллективных погребениях. Возможно, похороненные здесь умерли от каких-то инфекционных болезней, эпидемий и т.д. И огонь здесь сыграл очистительную роль.

Трупосожжение является преобладающим обрядом для раннеандроновских курганов Южного Приуралья (Сальников К.В., 1940; 1951, с. 112). Встречаются они в андроновских погребениях Восточного Казахстана (Черников С.С., 1960, с. 15-16), Западной Сибири (Матюшенко В.И., 1969, с. 58; 1973в, с. 304; Молодин В.И., Соболев В.И., 1975, с. 117) и Енисея (Максименков Г.А., 1978, с. 60-61). В некоторых андроновских могильниках трупосожжение является основным или преобладающим обрядом.

Следующей особенностью погребального обряда является использование охры. Большинство могильных ям посыпано охрой, только в двух или трех случаях на Телеутском Взвозе использовалась меловая подсыпка. Большое количество костяков окрашено в красный цвет, что свидетельствует о засыпке трупа охрой.

В погребальном обряде широко использовалась древесина. В ряде могил Телеутского Взвоза и Староалейки 2 сохранились остатки погребальных камер, сооруженных

из бревен диаметром до 0,2 м или плах шириной до 0,2 м. Высота таких камер была от 0,4 до 0,5 м. Сверху лежали продольные плахи перекрытия. Дно могил иногда покрывали досками, но чаще умерший укладывался на подстилку, состоящую из веток или камыша, сверху от одного до трех слоев бересты, иногда сшитых между собой (Телеутский Взвоз).

Обязательным элементом погребального обряда является наличие практически во всех могилах керамической посуды или ее частей. В некоторых захоронениях их было несколько. Фрагменты сосудов чаще встречаются в ограбленных или вторичных захоронениях, реже в детских. Но уже сейчас насчитывается несколько десятков практически целых сосудов. Другого инвентаря крайне мало. Найдено всего несколько бронзовых ножей, бронзовые шилья, каменные, костяные многогранные в сечении, деревянные и бронзовые наконечники стрел, отдельные украшения. Гораздо чаще в погребениях встречаются кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади. Лошадь, видимо, играла огромную роль не только в жизни елунинцев, но и в погребальном обряде. Во многих захоронениях встречены зубы, нижние челюсти, черепа, кости ног в сочленении и отдельные кости лошади. Найдены целые скелеты, части скелетов, кости ног в сочленении и отдельные кости овцы.

Еще одной особенностью погребального обряда является наличие ровиков или канавок. Так, на могильнике Телеутский Взвоз в ровиках встречены скопления костей животных и разбитые елунинские сосуды. Видимо, в данном случае мы имеем дело с остатками поминальной тризны. В двух канавках под погребением 6 могильника Старо-алейка 2 лежали пять и три черепа, причем семь из них лицевой частью вниз, а один был в верхней части разрублен сильным ударом. Скорее всего, в данном случае мы имеем дело со специфическим обрядом или религиозными представлениями, которые пока не поддаются расшифровке. На территории Западной Сибири это коллективное погребение с канавками для захоронения черепов не имеет аналогий, похожее коллективное погребение есть в Фофановском могильнике в Прибайкалье (могила 7), но там из семи скелетов шесть были без черепов (Герасимов М.М., Черных Е.Н., 1975, с. 26–29). Возможно, как в Прибайкалье, так и на Алтае в основе таких захоронений лежали какие-то одинаковые, религиозные представления.

Несмотря на кажущееся многообразие типов погребений, можно выделить общие закономерности, характерные для елунинских памятников Барнаульско-Бийского Приобья: во-первых, это наличие грунтовых погребений во всех случаях;

во-вторых, ориентация могильных ям по оси запад-восток с небольшими отклонениями и перпендикулярная ориентация умерших по отношению к рекам, подпрямоугольная форма могильных ям, овальная форма встречена только в парном захоронении, которое было разграблено, отчего форма могилы могла быть нарушена;

в-третьих, преобладание скорченного положения умершего на левом боку головой на восток или северо-восток;

в-четвертых, обязательная установка керамического сосуда, чаще перед лицом, и наличие в могилах частей туш домашних животных: коровы, лошади, овцы, причем первые преобладают;

в-пятых, могильники располагаются на высоких коренных берегах, возвышающихся над урезом воды на десятки метров, а иногда достигающих 100 и более метров (Елунино);

в-шестых, общим является использование охры и огня в погребальном обряде;

в-седьмых, большое количество вторичных погребений (возможно, это просто ограбленные).

Вторичные захоронения выявлены в могильнике Ростовка под Омском, причем захоронение совершалось после того, как труп умершего достаточно сильно разложился

без погребения, находясь на поверхности (Матющенко В.И., Ложникова Г.В., 1969, с. 19). Там же зафиксированы захоронения без черепов и случай захоронения только одного черепа (там же, с. 19). Вторичные захоронения и погребения в могиле черепов других людей прослеживаются в могильнике Сопка 2 (Молодин В.И., 1985, с. 80–81).

Почти каждый из перечисленных признаков находит аналогии в синхронных или удаленных во времени памятниках соседних регионов. Но сочетание всех признаков как раз и определяет специфику погребального обряда елунинцев, отличает его от погребального обряда одновременных культур соседних регионов.

2.1.3. Антропологический тип

Значительный антропологический материал несмотря на небольшое количество могил получен благодаря коллективным и парным захоронениям. Все черепа, как уже отмечалось, были в 1980-х гг. исследованы В.А. Дремовым, в 1990-х С.С. Тур, а костные остатки в АГМИ А.И.Стерлин. С.С. Тур поддерживает выводы, сделанные В.А. Дремовым. По определению В.А. Дремова, антропологические материалы позволяют выделить два типа. Первый тип представляет собой долихокранный с широким лбом. Лицо довольно высокое, узкое, удлинённых пропорций с узким высоким носом, лицо резко профилированное. Это бесспорно европеоидный тип с признаками южной европеоидной ветви – «средиземноморской». По мнению В.А. Дремова, в доандроновское время европеоидные элементы в составе населения северных предгорий Алтая и лесостепи южной части Западной Сибири были в основном южного происхождения. Второй тип является смешанным, в нем прослеживается монголоидная примесь. Для этого типа характерна длинная, неширокая черепная коробка, резко профилированное лицо, но выступание носа несильное. Интересно отметить, что к первому типу относятся почти только одни мужские костяки, исключение составляет череп №10 из коллективной могилы (№6) со Староалейки 2, принадлежащий женщине 25–30 лет. Ко второму типу относятся все женские скелеты. Второй тип был характерен для эпохи энеолита Барнаульско-Бийского Приобья. Видимо, в эпоху ранней и развитой бронзы происходит дальнейшее проникновение южных групп населения из Средней Азии (Южной Туркмении) с территории расселения племен келттеминарской культуры, которое отмечается еще в эпоху энеолита. В пришлое население преобладали, видимо, молодые мужчины в возрасте 20–30 лет, вынужденные вступать в брачные отношения с женщинами местного метисного населения. Отношения с местным населением не всегда были мирными, о чем свидетельствуют захоронения убитых людей.

Эту точку зрения подтверждают определения костного материала. Так, рост мужчины, похороненного в могиле 1 Елунинского грунтового могильника (ЕГМ-1), был определен А.И. Стерлин порядка 185–187 см, а мужского скелета из могилы 6 Староалейка 2 – 173–175 см, средний же рост женщин составляет 147–148 см, исключение составляет женщина из коллективного погребения (№6) Староалейки 2, рост которой 163–164 см (Киришин Ю.Ф., Стерлин П.И., 1983, с. 62). Не исключено, что этот скелет относился к черепу европеоидного типа из этой же могилы. Таким образом, получается, что разница в росте между европеоидными мужскими костяками и женскими со смешанными признаками составляет от 30 до 35 см. Такую разницу трудно объяснить только половыми различиями, скорее, здесь расовые различия.

Интересно отметить, что мужчина, похороненный в могиле 1 ЕГМ-1, был хромым, он переболел костным туберкулезом, и головка правой бедренной кости была повреждена наростами, отчего умерший при жизни сильно хромотал и мог передвигаться с большим трудом. В этой могиле был найден нож со скульптурным навершием, под которым поперек лежал каменный точильный брусок с закругленными концами. По мнению

Б.Н. Пяткина, это, скорее всего, означало колесницу с запряженным в нее конем. Таким образом, на наскальных писаницах в эпоху бронзы изображалась колесница с запряженным в нее конем. Такое сочетание имело явное культовое значение. Огромный для того времени рост (185–187 см), хромота, специфический инвентарь явно выделяли его из числа соплеменников. Видимо, этот представитель елунинцев выполнял какие-то религиозные функции.

2.1.4. Поселения и жилища

Все поселения дали большой вещественный материал. Большей частью это фрагменты сосудов, меньшей – каменные, бронзовые и костяные изделия. Значительную часть находок составляют костные остатки диких и домашних животных. Поселения отличаются друг от друга площадью и мощностью культурного слоя, который колеблется от 0,4–0,5 до 0,8–1,0 м.

Большая часть известных поселений располагается по берегам озер или небольших рек. Причем наблюдается несколько особенностей, связанных, на наш взгляд, с их расположением. Так, поселения, находящиеся на берегах небольших заливов или мысах, как правило, незначительны по площади и по мощности культурного слоя. Таковы поселения Ляпустин Мыс, Коровья Пристань I, II, Озерки Восточные на оз. Иткуль и поселения на оз. Кривом в Завьяловском районе. Поселения же, находящиеся по берегам протоков, соединяющих озера, как правило, имеют более мощный культурный слой – от 0,7–0,8 до 0,9–1,0 м – и более значительную площадь, а некоторые из них (Костенкова Избушка) занимают вообще всю пригодную для поселения площадь. В первых случаях, возможно, одним из основных занятий было сетевое рыболовство, о чем свидетельствуют костные остатки и чешуя рыб, обломки грузил; во втором – запорное. Эти протоки и речки нетрудно было перегородить запорами. Используя археологические и этнографические материалы, можно предположить, что первые поселения были летними, а вторые – зимними, так как наиболее удачной рыбалка у запоров была в зимнее время в период заморов.

Для этих поселений наблюдается определенная закономерность в топографии находок, которые располагались скоплениями. Так, на поселении Костенкова Избушка на пятом горизонте прослеживалось три скопления площадью от 50–55 до 75–80 кв. м (рис. 57). Два из них в центральной части раскопа и третье в юго-западной. На четвертом горизонте они перекрываются более мощными по площади, но без четких границ скоплениями. А на третьем горизонте находки ранней и развитой бронзы составляют основную часть и встречаются на всей площади раскопа. Не исключено, что скопления на пятом горизонте являются следами жилищ наземного типа или слегка, на 20–25 см, углубленных в культурный слой предшествующего энеолитического времени. Основной пик находок этого времени пришелся на третий горизонт.

Довольно долго не было известно ни одного елунинского жилища. Мною в различных публикациях высказывались предположения, что мягкий климат той эпохи позволял обходиться без стационарных жилищ земляночного и полуземляночного типа. В 1989 г. А.Л. Кунгуровым при раскопках поселения Боровое III на правом берегу Бии в Бийском районе были прослежены остатки разрушенного елунинского жилища. Сохранившаяся часть имела овальную форму размером 4,75 x 3,4 м и глубиной котлована 0,15 м. Жилище, видимо, представляло собой легкое наземное сооружение летнего типа, лишь слегка углубленное в материк. Во внутренней его части прослежены следы двух столбовых ям диаметром 0,2–0,3 м, глубиной 0,25 м и скопление елунинской керамики. Казалось, что эти находки подтверждают высказанные ранее предположения. Но в 1990-х гг.

начались стационарные исследования поселения Березовая Лука на правом берегу Алея у с. Безголосово Алейского района. Поселение является своеобразным «закрытым» комплексом, так как оказалось замкнуто речными отложениями на 2,5–3 м. Предполагаемая площадь поселения около 40 тысяч кв. м, вскрыто пока лишь 500 кв. м. На этой части полностью расчищено жилище полуземляночного типа, частично второе и задето третье. Жилище имело подпрямоугольную форму размером 16 x 10 м и глубину котлована 1,1 м.

Раскопки поселения Березовая Лука показали, что в предгорно-равнинной части Алтая могут быть найдены новые памятники со стационарными жилищами. Нужна, видимо, иная методика их поиска. С другой стороны, и Боровое III, и Березовая Лука находятся в предгорной части Алтая, а десятки исследованных поселений в лесостепной зоне так пока и не дали ни одного, ни летнего, ни зимнего, жилища.

Представляется, что здесь может быть иное объяснение. Возможно, все эти многочисленные поселения по берегам озер и мелких речек действительно были летними. Здесь пасли скот, заготавливали рыбу, мясо, ягоду, а на зиму передвигались в предгорную зону, в долины рек, вытекающих из гор. Прекрасные елунинские материалы были встречены при раскопках Денисовой пещеры в Солонешенском районе (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, рис. 51–57). Елунинская керамика была обнаружена и при исследовании предвходовой части пещеры имени А.П. Окладникова у с. Сибиречиха того же района, но она, к сожалению, пока не опубликована. Елунинские материалы обнаружены на многочисленных памятниках Средней Катунь, а на многослойном поселении в устье Куюма, правого притока Катунь, А.Л. и Н.Ю. Кунгуровыми с 1986 по 1989 г. было вскрыто четыре елунинских жилища, сооруженных в котлованах более ранних большемысских жилищ. Два из них (№1, 2) были раскопаны полностью, два – частично (№3, 4), так как были повреждены построенной здесь дорогой. Первое жилище состояло из двух камер: узкой центральной размером 16 x 6 м и восточной овальной размером 10 x 10 м. Второе и третье жилища имели форму и размеры восточной камеры (Кунгурова Н.Ю., 1991, с. 4–5). Бронзовое копье найдено у с. Соузга Майминского района.

На наш взгляд, это является подтверждением того, что в долинах рек, вытекающих из гор, в зимнее время могли заниматься скотоводством, так как здесь обычно хорошо сдувает снег. В пользу ведения здесь скотоводческого хозяйства в зимнее время может свидетельствовать наличие больших по площади и двухкамерных жилищ. Видимо, более масштабные раскопки поселения Березовая Лука позволят ответить на многие вопросы, стоящие перед исследователями.

2.2. ДАТИРОВКА И КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПАМЯТНИКОВ РАННЕЙ БРОНЗЫ БАРНАУЛЬСКО-БИЙСКОГО ПРИОБЬЯ

2.2.1. Датировка

Важное значение для решения хронологии памятников ранней и развитой бронзы рассматриваемого района имеют могильные комплексы, давшие бронзовые изделия сейминско-турбинского типа, однослойные поселения с определенными типами керамики и вещественного материала, ну и, конечно, большое значение приобретают радиоуглеродные даты, полученные для погребения 2 Елунинского грунтового могильника, для елунинского слоя на поселении Коровья Пристань III, пять дат по Березовой Луке и семь по Телеуцкому Взвозу.

Попытаемся вначале рассмотреть, насколько это возможно, относительную хронологию типов керамики и поселений, где они встречаются, а затем датировки различных

категорий вещей. Нам представляется, что наиболее древней среди рассматриваемых групп посуды является первая. Она генетически вырастает из предшествующей энеолитической, в ее орнаментации продолжают те же традиции, однако наблюдаются и определенные изменения. Если в энеолите преобладали гребенчатая и гладкая качалка, а в меньшей степени отступающая гребенка, то на посуде эпохи бронзы – отступающая гребенка, а в меньшей степени встречаются гребенчатая качалка и шагающая гребенка. Однако очень часто отступающая гребенка переходит в шагающую и наоборот. На поселениях преобладает посуда с отступающей гребенкой, а в могильниках – с шагающей, переходящей в отступающую.

Несмотря на отмеченные отличия, нет никаких сомнений в генетической преемственности этих типов посуды, имеющиеся различия являются скорее всего эпохальными и связаны, видимо, с постепенным перерастанием одного типа орнаментации в другой, а, возможно, просто упрощением в приемах орнаментации. На поселении Озерки Восточные была встречена посуда только первой группы (рис. 75-2, 3). На этом же поселении найдено большое количество каменных изделий (рис. 114), многие из которых вырастают из энеолитических форм орудий. Это тесла с подшлифовкой, нуклеусы, вкладышевые ножи, скребки, скобели и орудия на пластинках. По каменному инвентарю это поселение скорее относится к энеолиту, а по типичной плоскодонной керамике – к бронзе. Большое количество каменных изделий, среди которых есть и вкладыши, найдено на Аэродромной стоянке (рис. 117). На поселении Костенкова Избушка встречены все типы посуды, но первый преобладает, а вот на поселении Коровья Пристань I, наоборот, преобладает второй тип посуды, а первого обнаружены лишь единичные экземпляры. На этом же поселении найдены и бронзовые изделия (рис. 113-9). На поселении Коровья Пристань III посуда первой группы была обнаружена вдоль береговой кромки на глубине от 0,7 до 0,9 м, а посуда второй – на глубине 0,5–0,6 м и несколько дальше от берега. Причем эти горизонты были разделены более светлой прослойкой, появление которой, видимо, можно связать с периодическими разливами оз. Иткуль. Следовательно, если опираться на эти наблюдения, можно сделать вывод, что посуда второй группы несколько моложе, хотя какое-то сосуществование их несомненно.

Сложнее обстоит дело с посудой третьей группы. Судя по материалам поселения Коровья Пристань III, она встречается вместе с посудой второй группы. На сосуде второй группы с поселения Костенкова Избушка есть горизонтальный валик, украшенный оттисками гребенки, образующими ряд елочки. Подобные орнаментированные валики встречаются на андроновских сосудах из Барабы (Савинов Д.Г., Полосьмак Н.В., 1985, рис. 9-12) и на андроновской посуде из Барнаульского Приобья. Возможно, это свидетельствует о хронологической близости второй группы посуды посуде с андроновских памятников. Горизонтальный валик есть и на сосуде третьей группы с Аэродромной стоянки (рис. 89-1). Посуды третьей группы совершенно нет в могильниках, она обнаружена только на поселениях, в основном с посудой второй группы.

Исследование различных типов керамики на поселении Костенкова Избушка показало, что посуда с гребенчатой орнаментацией встречается от первого до шестого горизонтов, а ее наибольший пик приходится на третий, так же, как и посуды первых двух групп, несколько больше ее на первых двух горизонтах и меньше на четвертом и пятом (рис. 55; 58). Видимо, посуда третьей группы появляется несколько позднее, чем первой. Об этом косвенно свидетельствуют и ногтевые отпечатки, которых нет на керамике первой группы. Таким образом, можно сделать вывод о том, что наиболее древней из рассматриваемых групп посуды является первая. Для слоя, где встречена только посуда первой группы поселения Коровья Пристань III, была получена некалиброванная радиоуглеродная дата 3660±75 лет (СО АН – 2192), или 1710±75 лет до н.э. Эта дата хорошо

укладывается в пределы XVIII–XVII вв. до н.э. Вторая и третья группы несколько моложе, возможно, они какое-то время даже сосуществуют с андроновской посудой, или происхождение валика как-то связано с посудой предандроновского времени.

С поселения Березовая Лука, давшего только первый тип керамики, было получено пять радиоуглеродных дат, которые легли в диапазоне: конец III – первая треть II тыс. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1999, с. 395). На поселении прослежены многочисленные следы бронзолитейного производства, руда, шлаки, окалины, металлический лом, обломки бронзовых, медных и свинцовых предметов (ножей, шильев, украшений и т.д.). Представляется, что наиболее вероятной датой этого поселения будет конец XXI–XIX вв. до н.э.

Остановимся теперь на абсолютных датировках некоторых категорий изделий и памятников, где они встречены. Так, фигурный жезл с оз. Иткуль, по мнению С.В. Студзицкой, датируется не ранее начала II тыс. до н.э. (1969, с. 61–62). Эту датировку поддерживает Н.В. Леонтьев и распространяет ее на каменные жезлы с изображением коня (1975, с. 66). Как уже отмечалось выше, позднее на месте находки этого жезла были собраны фрагменты сосудов, украшенные оттисками отступающей гребенки. Все обнаруженные бронзовые ножи, наконечники копий, литейные формы находят ближайšie аналогии в материалах памятников сейминско-турбинского типа. По вопросу датировки как самих памятников, так и изделий, найденных там, нет единых точек зрения. В ряде своих ранних работ О.Н. Бадер писал, что полное отсутствие в Турбинском могильнике типично абашевских вещей определяет его время как доабашевское, и считал, что турбинский могильник нельзя датировать позднее XV в. до н.э. (1959; 1961, с. 183–185).

При этом приводилась ссылка на К.В. Сальникова, на сделанное им наблюдение на поселении Береговое 1, где срубная землянка перерезала абашевский слой, в результате чего абашевская культура датировалась К.В. Сальниковым серединой II тыс. до н.э. (Сальников К.В., 1959, с. 31–33). В монографии, посвященной древним металлургам Приуралья, он выделял ножи срубного типа в первом Турбинском могильнике и говорил о влиянии срубной формы ножей на турбинскую (Бадер О.И., 1964, с. 85), а также утверждал, что среди памятников срубной культуры наибольшее число аналогий с сейминско-турбинскими имеется в Покровском курганном могильнике, который относится к раннему покровскому этапу срубной культуры и датируется Н.Я. Мерпертом XV в. до н.э. (Бадер О.И., 1964, с. 140; Мерперт Н.Я., 1958; 1967, с. 18–21). О.Н. Бадер датировал Турбинский 1 могильник второй половиной XVI–первой половиной XV в. до н.э. (1959, с. 85–86; 1964, с. 141). Сейминский могильник, в котором также встречены ножи, близкие по типу ножам срубной культуры, датировался им XV в. до н.э. (1964, с. 141) и XV–XIV вв. до н.э. (1970, с. 143).

Важное значение для датировки как самих изделий, так и сейминско-турбинских памятников в целом имеет Бородинский клад. О.А. Кривцова-Гракова, сопоставляя его с вещами из шахтных гробниц Микен, датировала его от XIV до XII в. до н.э. (1949, с. 27). М. Гимбутас определила его дату промежутком между 1450 и 1350 гг. до н.э. (1958). Позднее она прямо указывает, что Сейму следует датировать 1450/1400–1300/1250 гг. до н.э., а Бородино 1500/1450–1450/1400 гг. до н.э. (1965, с. 68). А.И. Тереножкин датирует Бородинский клад XVI–XV вв. до н.э. (1965). Н.Я. Мерперт относит Бородинский клад к XV в. до н.э. и не исключает возможности удревнения этой даты. Он считает Бородинский клад, Сейминский и Турбинский могильники и покровский этап срубной культуры синхронными. Он пишет, что втульчатые копья появляются к югу от Китайской стены с самого начала XIV в. до н.э., причем под явным влиянием северных (сибирских и более западных) культур, где, следовательно, наличие таких ко-

пий в XV в. безусловно (1962, с. 21). Датировку Бородинского клада, предложенную Н.Я. Мерпертом, поддерживал О.Н. Бадер (1964, с. 141). В.С. Бочкарев считает бородинский комплекс кладом длительного накопления, которое происходило при жизни нескольких поколений, и датирует его XV–XIV вв. до н.э. (1968, с. 130, 153–154). В.А. Сафронов относит Бородинский клад к XIII в. до н.э. (1966; 1968). Он выводил турбинские бронзы из Сибири (1968). По мнению Е.Н. Черных, синхронность Турбина и абашевской культуры не должна вызывать сомнений (1970, с. 172).

Если обратиться к сибирским памятникам с бронзовыми изделиями сейминско-турбинского типа, то и по ним тоже нет единого мнения. В.И. Матющенко датирует поселение Самусь 4, давшее великолепные образцы сейминско-турбинского литья, XVIII–XVII–XIII вв. до н.э. (1973, с. 59), а ростовский могильник – XV–XIII вв. до н.э. (Матющенко В.И., Ложникова Г.В., 1969, с. 29). М.Ф. Косарев датирует самусьскую культурную общность XVI–XIII или XV–XIII вв. до н.э. (1981, с. 106). Вероятной датой кельтов сейминского типа, его мнению, являются XIV–XIII вв. до н.э. (1970, с. 130). В.И. Молодин, применяя метод перекрестного датирования сейминско-турбинских бронз, определил нижнюю границу позднего Кротова XIV в. до н.э. (1985, с. 88). К позднему Кротово он отнес могильник Сопка 2, давший сейминско-турбинские бронзы. А весь позднекротовский этап он датирует XIV–XII вв. до н.э. (там же, с. 87). Кроме сейминско-турбинских бронз, на могильнике Сопка 2 встречено большое количество андроновско-срубных бронзовых изделий (Молодин В.И., 1985). Из приведенных точек зрения хорошо видно, что для большинства памятников, давших сейминско-турбинские бронзы, принимаются даты XVI–XIII или XVIII–XIII и даже XV–XIII вв. до н.э. Видимо, в этих хронологических рамках по широкой полосе степей и лесостепей евразийской части России существуют бронзовые изделия сейминско-турбинского типа, хотя на вопросе о времени и месте их появления мы остановимся ниже. Если же доводить сейминско-турбинское литье до XIII в. до н.э., основываясь на находках в рассматриваемых памятниках срубно-андроновских форм бронзовых изделий, то встает вопрос, почему мы не имеем в андроновских памятниках обратного явления?

Можно предположить, что некоторые типы бронзовых изделий, получившие распространение в срубно-андроновских памятниках, появляются в более раннее время. С другой стороны, следует отметить, что некоторые поздние формы сейминско-турбинских изделий встречаются и в послеандроновское время. Это касается кельтов с усложненным орнаментом и копий с ромбическим сечением пера. Видимо, появившись в конце первой половины II тыс. до н.э., многие бронзовые изделия сейминско-турбинского типа были настолько совершенны и применимы для многих видов работ, что просуществовали с небольшими изменениями почти до конца II тыс. до н.э. При рассмотрении датировки бронзовых изделий сейминско-турбинского типа и памятников, где они встречаются, необходимо учитывать это обстоятельство и рассматривать весь комплекс находок, а не отдельные вещи. Интересной в этой связи представляется датировка фигурных ножей, по форме напоминающих выгнутообушковые (дугобразнообушковые). С.В. Киселев в свое время увидел в них производные формы от аньянских ножей и датировал XV–XIV вв. до н.э. (1949, с. 104). Однако после командировки в Китай и изучения имеющегося там археологического материала он пришел к выводу о заметном изменении всего облика шанских бронз, которое наступило в аньянский период, о появлении там совершенно новых форм бронзовых изделий: ножей-резаков, копий с ромбическим стержнем и ушками в нижней части втулки, кельтов со спускающимися по плоскостям треугольниками и украшение бронзовых изделий реалистическими изображениями зверей, что находит ближайшие аналогии в сейминско-турбинском комплексе бронз. Им была высказана мысль о восточно-казахстанском происхождении этих новых для

Аньяна типов бронз (1960, с. 264–265). О.Н. Бадер отмечал, что мнение о заимствовании сейминских форм кельтов и копий китайскими литейщиками не ранее чем в XIV в. до н.э. высказано также рядом зарубежных специалистов (1964, с. 138). Он писал, что металлургия в Китае начала развиваться довольно поздно, лишь с XVIII–XVII вв. до н.э., и сразу в виде производства бронзы, что заставляет предполагать заимствование китайцами навыков уже развитой металлургии, скорее всего через Синьдзян, из Средней Азии, где металлургия бронзы существовала в культурах типа Анау уже на грани III и II тыс. до н.э. (1964, с. 138). О.Н. Бадер считал, что происхождение турбинского ножа, украшенного фигурами горных баранов, и сейминского ножа с изображением степных лошадей можно связывать с горно-степной частью приалтайской территории, а их принадлежность к южносибирской карасукской культуре вряд ли возможна, так как эта культура является по сумме признаков более поздней, чем Турбинский II и Сейминский могильники, где найдены эти ножи (1964, с. 137).

Аньянская линия развития рассматриваемых ножей нашла значительное место в работах Н.Л. Членовой, считающей, что подобные карасукские формы появляются в аньянское время, которое следует датировать XIII–XI вв. до н.э., и совершенно неизвестны в доаньянское время (1972, с. 135). Сейму, Турбино, Ростовку и Самусь 4, по ее мнению, следует отнести к XI–VIII вв. до н.э. и синхронизировать их с концом иньской-западножоуской эпохой Китая и карасукскими и карасук-тагарскими памятниками Минусинской котловины (1972, с. 138). Е.Н. Черных считает, что подобные изделия появляются не ранее XIV в. до н.э. (1979, с. 101). Н.Л. Членова и Е.Н. Черных в своих построениях опираются на датировки, предложенные американским ученым Г. Дабсом и другими исследователями для хронологии эпохи Шань-Инь. Эти датировки, основанные на сопоставлении астрономических данных с упоминаниями затмений Солнца и Луны, колеблются в пределах XIV–XI вв. до н.э. (Dubs H., 1951; 1953). К сожалению, Н.Л. Членова не учитывает весь комплекс материала, а берет отдельные предметы.

Что касается могильника Ростовка, то для его датировки привлекаются вещи, найденные не только в могильных комплексах, но и просто на площади могильника, что, по мнению некоторых исследователей, говорит об их одновременности и разнокультурности. Если согласиться с датировками, предложенными Н.Л. Членовой для сейминско-турбинских бронз, то памятники, где они встречаются, следует относить к позднебронзовому времени и считать их одновременными карасукским и карасук-тагарским. Этому противоречит весь комплекс инвентаря, среди которого значительное место занимает каменный с остатками вкладышевой техники, встречаются составные бронзовые ножи и керамика определенной формы со специфической орнаментацией, которая характерна для предандроновского времени в Западной Сибири.

В.И. Матющенко, анализируя материалы памятников самусьской культуры, совершенно справедливо, на наш взгляд, пишет, что дугообразнообушковые ножи могут быть датированы временем раньше XIV в. до н.э. (1973в, с. 58). Он же делает предположение, что родиной подобных ножей могло быть Прииртышье (там же, с. 58). Совершенно точно, на наш взгляд, очерчивается предполагаемое место, где впервые появляются подобные бронзовые изделия. Это Восточный Казахстан (Рудный Алтай) с верховьями Иртыша и предгорная зона Алтая (Бадер О.Н., 1964, с. 137; Киселев С.В., 1960, с. 264–265; Матющенко В.И., 1973в, с. 58). Мы присоединяемся к точке зрения, что эти изделия на Урале, в Приуралье и Поволжье появляются в XVI в. до н.э., а, возможно, и несколько раньше, и существуют до XIV–XIII вв. На востоке (в Китае) они начинают бытовать с XIV в. до н.э., но в обоих случаях являются пришлыми, что признается большинством исследователей (Сафронов В.А., 1964, 1965; Черных Е.Н., 1976). В обоих случаях эти изделия носят характер уже сформировавшихся, когда закончен поиск наиболее рациональных форм, что потре-

бовало, конечно, определенного времени. Таким образом, если говорить о появлении многих категорий бронзовых изделий сейминско-турбинского типа, то его следует относить ко времени ранее XVI–XV вв. до н.э., а, возможно, и к XVII в. до н.э., т.е. скорее всего к XVIII–XVII вв. до н.э. Эта точка зрения подтверждается радиоуглеродными датами, полученными для грунтовых могильников Елунино 1 и Телеутский Взвоз, сделанными в лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии СО РАН. Эти могильники дали классическую елунинскую керамику и бронзовый инвентарь сейминско-турбинского типа. Так, для могильника Телеутский Взвоз получено шесть дат. Четыре из них дали XVIII в. до н.э., одна – XVII в. до н.э. и одна XVI в. до н.э. Могила 2 Елунинского могильника дала возраст в 3560 ± 30 лет (СО АН 1893), или 1610 ± 30 г. до н.э., и хорошо укладывается в конец XVII – начало XVI в. до н.э. Большинство дат укладываются в XVIII–XVII вв. до н.э.

Достичь такого высоко уровня бронзолитейного производства было невозможно без длительного предшествующего периода. Уже поселение Березовая Лука, датированное радиоуглеродными датами последней четверти III–началом II тыс. до н.э., дает яркие примеры высокого уровня бронзолитейного производства. Здесь встречены обломки бронзовых и медных предметов, свинцовые украшения, куски руды, шлаки, сплески с бронзовых и медных расплавов. Следовательно, можно считать, что начало формирования елунинской культуры и феномена сейминско-турбинских бронз относится к последней четверти III тыс. до н.э. Хотя нижнюю границу самой культуры, видимо, следует датировать концом III тыс. до н.э. В пользу этого предположения говорит и большое количество каменного инвентаря, в том числе разнообразные вкладыши. Такие памятники, как поселения Озерки Восточные, Аэродромная стоянка в Бийске и могильник Староалейка 2, скорее всего, следует относить к концу III – первой четверти II тыс. до н.э. Эти памятники проявляют большое сходство с памятниками игрековского этапа в Притомье, степановской культуры в Васюганье и вишневого типа в Северном Казахстане, которые обычно датируются первой четвертью (Кирюшин Ю.Ф., 1986; Татаринцева Н.С., 1984) или первой третью II тыс. до н.э. (Косарев М.Ф., 1981, с. 73).

Исследователи обычно осторожно определяют время существования этих памятников, этапов культуры из-за отсутствия хорошо датированного инвентаря и разработанной хронологии для памятников энеолита и бронзы региона. Поселения Костенкова Избушка, Коровья Пристань I, II, III, Елунинский могильник скорее всего следует, видимо, датировать XVIII–XVII вв. до н.э. Тем более, что для елунинского слоя поселения Коровья Пристань III имеется абсолютная дата 1710 ± 75 лет до н.э. (СО АН – 2192), сделанная по известковым конкрециям (Кирюшин Ю.Ф., 1985, с. 50). По кургану Шидерты-10 из Павлодарского Прииртышья, давшего ранние елунинские материалы, получена радиоуглеродная дата 3835 ± 90 лет, или 1885 ± 90 г. до н.э. А калиброванная дата дала XXIV–XXIII вв. до н.э. Нижняя временная граница существования елунинской культуры подтверждается и другими данными.

В частности, исследователи, занимавшиеся изучением памятников афанасьевской культуры Горного Алтая, неоднократно отмечали наличие неафанасьевской орнаментации на типичных афанасьевских сосудах (Владимиров В.Н., Цыб С.В., 1982, рис. 2–3, 5; Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1994, рис. 8–4). Обычно это объяснялось контактами афанасьевского населения с жителями сопредельных территорий (Владимиров В.Н., Цыб С.В., 1982, с. 60). Н.Ф. Степановой было проведено исследование способов орнаментации посуды девяти классических афанасьевских могильников: Кара-Коба-1, Первый Межелик-1, Нижний Тюмечин-5, Бойтыгем 1, 2, Ело-1, Ело-Баши, Теньга (Степанова Н.Ф., 1998, с. 262–266). На двух сосудах было зафиксировано шагание с протаскиванием (3,1%) и на одном шагание (1,6%). По одному такому сосуду обнаружено на Бойты-

геме-2, курган 9, Ело 1, ограда 5 и Кара-Кобе-1 (Степанова Н.Ф., 1998, с. 263–266). Н.Ф. Степанова отмечает, что такие способы орнаментации не типичны для афанасьевской керамики, однако характерны для керамики елунинской культуры лесостепного Алтая, в частности, из могильников Елунинского, Староалейка 2, Цыганкова Сопка, поселения Озерки Восточные, и считает, что это следствие контактов последних с афанасьевским населением (там же, с. 264).

Остановимся теперь на возможном времени этих контактов. Сомнительно, что они могли происходить в первой четверти II тыс. до н.э., хотя некоторыми исследователями, в том числе и мною, допускалась возможность существования афанасьевцев в изолированных долинах более длительное время, чем принято считать. Дело в том, что для ряда этих памятников имеются даты по C^{14} . Так, для ограды 2 Ело 1 сделанная в Новосибирске дата (СО АН-1521) дала возраст 4720+25 лет, или 2770+25 до н.э.; дата, сделанная по этой же ограде в ЛЮИА (1610), дала возраст 4750+50, или 2800+50 г. до н.э., для ограды 4 там же получено 4410+50, или 2460+50. А для ограды 3 Кара-Кобы 1 получена еще более древняя дата в 5100+50, или 3150+50 г. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Посредников В.А., Фирсов Л.В., 1981, с. 31; Кирюшин Ю.Ф., 1985, с. 47).

Следовательно, ни о каких контактах афанасьевцев и елунинцев позднее второй половины или даже середины второй половины III тыс. до н.э. говорить не приходится. Видимо, и формирование начального этапа сейминско-турбинских бронз необходимо удревнить. Это подтверждается и находками ножей с фигурными рукоятками и каменными жезлами с фигурными навершиями из погребения могильника Шипуново-5 на Алтае, имеющими явно более ранние формы, чем находки металлических изделий с аналогичными изображениями на европейской части России. Подтверждением того, что Алтай является прародиной этих изображений, стал факт зарождения здесь коневодства, о чем свидетельствуют находки костей лошади на многочисленных памятниках энеолита и бронзы, следы культа коня. Находки каменных жезлов с головой коня на территории Восточного Казахстана, примыкающей к Алтаю и по сути дела бывшей в древности единой территорией, отсюда и название Рудный Алтай, лишь подтверждают эти предположения.

Сложным остается вопрос и с определением верхней границы культуры. В своих первых работах по елунинской культуре ее верхнюю границу я осторожно определял рубежом XV–XIV вв. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., 1985, с. 50; 1986, с. 18). Прежде всего я исходил из того, что могильник Ростовка в Омском Прииртышье, давший наряду с сейминско-турбинскими бронзами и срубно-андроновские, датируется XV–XIII вв. до н.э. (Матющенко В.И., Ложникова Г.В., 1969, с. 29), а могильник Сопка 2, где найдено большое количество андроновских изделий, в том числе и типичных украшений, относится В.И. Молодиным ко второму этапу кротовской культуры и датируется XIV–XIII вв. до н.э. (1985). Я считал, что как раз рубеж между ранним и поздним Кротово, т.е. рубеж между XV и XIV вв. до н.э., и будет верхней границей елунинской культуры. Но последующие работы позволили пересмотреть эту дату. Прежде всего это то, что буквально все памятники, поселения и могильники не дали ни одной не только категории вещей, но даже одной какой-то вещи, которую можно считать андроновской. Следовательно, можно твердо утверждать, что все эти памятники предандроновские.

В с. Елунине на одном мысу находятся грунтовой могильник, относящийся к елунинской культуре, и андроновский, на Телеутском Взвозе такая же картина. И ни в том, ни в другом случае ряды андроновских могил не задевают ряды елунинских, тогда как для поздней бронзы Алтая обычным является врезание захоронений в погребальные поля или могильные комплексы андроновцев. Видимо, в данном случае мы имеем свидетельство о небольшом хронологическом разрыве между теми и другими, когда на поверхно-

сти земли были хорошо заметны ряды елунинских погребений. По одной из андроновских могил Телеутского Взвоза была получена радиоуглеродная дата 3515+30 лет (СО АН – 3757), или 1565+30 лет до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 2000, с. 45). Корректированная дата по костям скелета из погребения XV андроновского могильника Бьково III дала возраст 1500+50 лет до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., 1991, с. 46). А по древесине из погребений 45 и 52 андроновского могильника Турина Гора еще более древние даты: 1750+25 г. до н.э. (СО АН – 2562) и 1620+20 г. до н.э. (СО АН – 2561) (Кирюшин Ю.Ф., 1991, с. 46). Думается, что наиболее вероятным временем, когда появляются андроновцы на Алтае, будет XVI в. до н.э.

Для елунинского могильника Цыганкова Сопка, который, по моему мнению, относится к завершающему этапу культуры, была получена дата, укладывающаяся в конец XVI в. до н.э. – 1510+90 г. до н.э. (ГИН – 4845) (там же, с. 45). В совместной работе с А.Б. Шамшиным верхнюю границу елунинской культуры мы определили рубежом XVI–XV вв. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1992, с. 209). Представляется, что и эта дата несколько завышена. Мне думается, что наиболее реальной верхней датой будет первая половина – середина XVI в. до н.э. Со второй половины XVI в. до н.э. на территории степного и лесостепного Алтая расселяются андроновские племена, но об этом предстоит особый разговор.

Таким образом, существование елунинской культуры укладывается в хронологические рамки – вторая половина, возможно, последняя четверть III тыс. до н.э. – первая половина – середина XVI в. до н.э.

2.2.2. Культурная принадлежность

Проблема культурной принадлежности памятников предандроновской бронзы в Верхнем Приобье неоднократно затрагивалась автором в различных работах. Первоначально памятники ранней и развитой бронзы Верхнего Приобья были выделены в локальный вариант единой этнокультурной общности, в рамках которой существовало несколько родственных культур или локальных вариантов одной общей культуры. В эту общность входила и кротовская культура, но совершенно выпадала самусьская (Кирюшин Ю.Ф., 1981, с. 52). Позднее на основании различий в погребальном обряде с памятниками кротовской культуры и некоторыми отличиями в орнаментации керамики для районов Барнаульско-Бийского Приобья была выделена елунинская культура (Кирюшин Ю.Ф., 1983; 1985; 1985а). В связи с появившимися новыми материалами определена возможность полнее осветить вопросы происхождения елунинской культуры и ее взаимодействия с культурами соседних районов, в первую очередь с кротовской. Правильное раскрытие этих вопросов имеет большое значение для понимания этнокультурных процессов, происходивших в районах Приобья, и исторических судеб сложившегося здесь населения.

Первый вопрос, на котором необходимо остановиться, это проблема единокультурности поселений и могильников, известных на этой территории. Дело в том, что могильники дают обычно только посуду первой группы и реже второй, в орнаментации которой преобладают шагающая гребенка и гребенчатая качалка. На поселениях же получена более разнообразная посуда, которую мы по различиям в орнаментации и технике нанесения орнамента разделили на три группы. Заметим, что подобная посуда встречается и на поселениях. Здесь есть сосуды, украшенные шагающей гребенкой и гребенчатой качалкой, очень часто шагающая гребенка переходит в отступающую. Эта черта характерна и для посуды из погребальных комплексов (рис. 81-1). Правда, эти элементы носят скорее эпохальный характер. Они встречаются буквально во всех культурах предандроновской бронзы Западной Сибири. Однако расположение элементов орнамента, его ком-

позиционные особенности позволяют выделять на этой территории ряд самостоятельных культур. Для елунинской посуды, как с поселений, так и из могильных комплексов, характерно сплошное заполнение стенки сосуда волнистыми или горизонтальными лентами из отступающей и шагающей гребенки или из отступающей, переходящей в шагающую. В нескольких случаях стенки сосудов украшены оттисками отступающей палочки. Четкого деления на зоны в первых двух группах нет, хотя венчики и шейки часто украшены жемчужником и оттисками гребенчатого штампа. В верхней части некоторые сосуды покрыты вертикальными или наклонными лентами из отпечатков отступающей и шагающей гребенки или гребенчатой качалки. На поселениях встречена посуда третьей группы, которой совершенно нет в могильниках. Выше мы уже отмечали, что она несколько моложе первых двух и, возможно, отражает проникновение какого-то иного населения носителей керамики с гребенчато-ямочной орнаментацией, а такое население проживало севернее, в Новосибирском Приобье, фиксируется оно и в районе Ордынского и Ирбы. Посуда третьей группы большей частью встречается на поселениях Костенкова Избушка, Коровья Пристань III и на памятниках в районе сел Алексеевка и Павловка Угловского района на границе с Казахстаном. Особенностью этих памятников является то, что все они находятся по кромкам ленточных боров, по берегам проточных и старичных озер. Причем наблюдается одна особенность – поселения, находящиеся в степной полосе, дают более чистые елунинские керамические комплексы. В Бийском Приобье известны памятники с гребенчатым типом керамики. М.Т. Абдулганеев отнес такую керамику к третьей группе и датирует серединой – третьей четвертью II тыс. до н.э. (Абдулганеев М.Т., 1985). Четвертая группа – переходная между второй и третьей, близка крохалевской и датируется им первой третью II тыс. до н.э. (там же, с. 119).

Второй вопрос – это происхождение культуры. Анализ вещественного материала позволяет сделать вывод о преемственности с большемысской культурой энеолита Барнаульско-Бийского Приобья. Это проявляется в развитии и дальнейшем совершенствовании основных типов каменных орудий. Хорошо прослеживается постепенное развитие форм рыболовных стерженьков. Энеолитические массивные стерженьки доживают до ранней бронзы и очень быстро изменяются в сторону уменьшения, что было вызвано, видимо, появлением металлического крючка. Хорошо прослеживается и эволюция каменных шлифованных составных ножей в металлические составные. А такие типы орудий, как тесла, сверла, пилки, скобели, скребки и другие остаются неизменными начиная от энеолита до развитой бронзы. Поэтому их возможности для датировки крайне ограничены, а сами они могут быть использованы только в случаях, если найдены вместе с керамикой или характерными вещами.

Преемственность прослеживается в основных формах и орнаментации посуды. Для орнаментации энеолитической посуды в большей степени характерна гребенчатая качалка, в меньшей – гладкая качалка и отступающая гребенка. Для посуды могильников эта тенденция сохраняется: преобладает гребенчатая качалка и совсем нет гладкой качалки. Многие сосуды из могильников по орнаментации ничем не отличаются от энеолитических (рис. 79; 80-4, 6; 84-1, 2). Видимо, если поселенческая посуда в силу ряда причин постепенно изменяется, то посуда для погребальных комплексов сохраняет наибольшие черты сходства с предшествующей энеолитической, что, возможно, следует объяснять определенной консервативностью погребального обряда, который, видимо, требовал строго определенного ритуала и инвентаря. С другой стороны, все известные елунинские могильники располагаются в левобережье Оби, в степной или остепненной части Алтая, и, скорее всего, поэтому они так же, как и поселения в этой зоне, дают более чистые керамические комплексы. Новое, что появляется, это плоскодонность и, видимо, связанная с ней большая толщина стенок сосудов. Полностью исчезает гладкая качалка и получает дальнейшее развитие в орнаментации жемчужник. Жемчужник не стал каким-то но-

вым элементом, на энеолитической посуде с текстильной орнаментацией встречаются один или два ряда жемчужин, ямок или лунок. Реже жемчужник, ямки или лунки встречались на энеолитической посуде, украшенной гребенчатой качалкой, но все же встречались (рис. 15-3; 20). Толстостенная посуда возникает уже в энеолите, причем хорошо прослеживается постепенный переход от тонкостенных остродонных сосудов к толстостенным круглодонным или с округлым дном (рис. 12-15). Довольно отчетливо совпадает и территория распространения памятников энеолитической большемысской и елунинской культуры эпохи ранней бронзы.

Несомненно, в процессе формирования культуры приняли участие и пришлые племена. В первую очередь это касается населения европеоидного типа, имеющего восточно-средиземноморское происхождение, что отмечает по антропологическому материалу В.А. Дремов. Причем это движение, начавшееся в позднем неолите и продолжившееся в энеолите и в раннем бронзовом веке, не привело к резкой смене населения, а способствовало постепенному изменению основного антропологического типа от смешанного с хорошо выраженными монголоидными чертами до европеоидного, где лишь проявляются некоторые монголоидные черты, и до чисто европеоидного, имеющего восточно-средиземноморское происхождение. При этом некоторая монголоидность больше видна на женских черепках и совсем не прослеживается на мужских, что позволяет сделать вывод, что среди переселенцев преобладали молодые мужчины. Эти передвижения, видимо, происходили через Восточный Казахстан из районов Средней Азии и Восточного Средиземноморья. Подтверждение прихода населения из районов, лежащих к югу и юго-западу от Алтая, дают материалы раскопок поселения Березовая Лука. Здесь вокруг расчищенного елунинского жилища и части еще одного вскрыто шесть погребений детей младенческого возраста (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1999, с. 361).

Эта особенность совершенно не прослеживается на памятниках ранней бронзы Западной Сибири, она характерна для культур с производящими формами хозяйства. Е.Е. Кузьмина в своей монографии «Откуда пришли арии» допускает, что в древности могла существовать элитарная ассимиляция и интеграция: миграция небольшой по численности группы, сплоченной, имеющей военное преимущество и устанавливающей свое политическое господство (Кузьмина Е.Е., 1994, с. 225). Ряд исследователей считают, что с этого времени начинаются миграции индоиранских племен в восточные и южные районы Сибири, что оказало существенное влияние на культурные образования соседних регионов (Генинг В.Ф., 1977; Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992, с. 14; Ковалева В.Т., 1997, с. 4). Е.Е. Кузьмина вообще распространение сейминской металлургии и искусства связывает с андроновскими-федоровскими племенами, которых она считает индоариями (1994, с. 260). Не возражая против прихода племен индоариев в Восточный Казахстан и на Алтай, не могу согласиться, что это были андроновцы.

Значительное сходство в погребальном обряде с памятниками Восточного Казахстана (Канай), сходство в каменном, бронзовом инвентаре и керамике, а самое главное – одинаковая манера в изображении головы лошади, выполненная в металле и в камне, позволяет поставить вопрос о единокультурности населения предгорий Алтая в Восточном Казахстане и на Верхней Оби в предандроновское время. Возможно, в этом процессе приняли участие племена, живущие в более северных районах Приобья, для которых характерна была гребенчато-ямочная орнаментация посуды. Не исключено, что появление гребенчатой посуды на елунинских поселениях и посуды с комбинированной техникой нанесения орнамента связано с проникновением или контактами, возможно брачными, с этим населением.

Эти передвижения происходили, скорее всего, как раз по ленточным борам, богатым дичью, а мигрировали по ним с севера на юг группы бродячих охотников, постепенно обживающих ленточные боры и примыкающие к ним водоемы, богатые рыбой. Эти

водоемы и луговые пространства вокруг них привлекали и елунинцев, занимающихся скотоводством. Что эти контакты не всегда могли быть мирными, свидетельствуют находки захоронений убитых людей. Не исключено, что такие проникновения населения с гребенчато-ямочной посудой могли происходить и из Северного Казахстана, из района расселения ботайской энеолитической общности, для которой характерна как раз гребенчатая орнаментация посуды (Зайберт В.Ф., Мартынюк О.И., 1984). Гребенчатая орнаментация типична и для энеолитических памятников Южного Зауралья (Мосин В.С., 1984). На поселении Ботай были обнаружены антропологические материалы, опубликованные Г.В. Рыкушиной и В.Ф. Зайбертом (1984). По мнению В.А. Дремова, черепа, найденные на поселении Ботай, по своему антропологическому типу совпадают с черепами энеолита и бронзы из района Ордынского и Раздумья, что свидетельствует об их родстве. Следовательно, можно говорить о приходе каких-то групп населения с гребенчато-ямочной орнаментацией на территорию современных южных районов Новосибирской области и северных – Алтайского края. Для памятников, локализуемых вдоль границ северного Казахстана (Павловка и Алексеевка), характерна большая доля гребенчатой техники в орнаментации.

Несомненно, что все эти приходы и передвижения не привели к полной смене жившего здесь населения в позднем неолите-энеолите. Местные традиции прослеживаются в орнаментации ряда сосудов, украшенных отступающей палочкой, переходящей в прочерченную, и в культе медведя, характерного для населения лесостепного и южного таежного Приобья в неолите и бронзовом веке. Наличие этого культа подтверждается находкой каменного жезла с головой медведя на оз. Иткуль. Раннебронзовая посуда, украшенная отступающей и прочерченной палочкой, встречается в Васюганье и в Прииртышье на Логиновском городище. Возможно, появление ее – какое-то эпохальное явление.

Третья проблема, на которой следует остановиться, это взаимоотношения елунинцев с населением соседних территорий, в частности, населением кротовской и самусьской культур. Однако каких-либо контактов с населением самусьской культуры не прослеживается. Нет следов этих контактов в орнаментации посуды, а погребальный обряд невозможно сравнивать, так как он не известен у самусьцев. Возможно предположить лишь какие-то меновые отношения, да и то не прямые. Имеется в виду то, что некоторыми исследователями высказывалось предположение, что металл для бронзолитейного производства самусьцы получали с Алтая (Матющенко В.И., 1973в, с. 80), т.е. он поступал через территорию расселения елунинцев. Но каких-то следов, подтверждающих эти предположения на археологическом материале, не имеется. Правда, В.А. Заком было обнаружено разрушенное самусьское погребение в районе с. Ордынского, но он, к сожалению, забрал из погребения только сосуд, а когда через несколько дней вернулся к погребению, то костей и черепа там не оказалось.

Рассмотрим теперь отношения с кротовцами. Если погребальный обряд и орнаментация посуды свидетельствуют о существенных различиях, о чем мы говорили выше, то определенный вопрос ставят находки валиковой керамики на памятниках ранней и развитой бронзы Барнаульско-Бийского Приобья. Некоторые исследователи считают наличие валиков, которые делят орнаментальное поле на несколько зон, специфической особенностью кротовской посуды (Косарев М.Ф., 1981, с. 107). По мнению В.И. Молодина, рельефно выраженные валики, рассеченные гребенчатым штампом, присущи только кротовской посуде (1985, с. 82). Встает вопрос: как объяснить наличие валиков на посуде, встреченной на елунинских памятниках? Здесь напрашиваются три варианта ответа. Первое – это проникновение кротовских племен далеко на юг; второе – это просто кротовское влияние или взаимные контакты и третье – это просто эпохальное явление. Рассмотрим все три варианта и попробуем применить их к конкретным памятникам.

Сосуды с горизонтальными валиками встречаются на поздненеолитических и энеолитических памятниках на всей территории Евразии. Обнаружены они на поселениях Валма, Акали и в могильнике Сопе на территории Эстонии (Янитс Л.Ю., 1952, с. 55, рис. 15-1; 1959, с. 46, табл. УП-8-10, 13), на поселениях Швянтойп, Дубичай, Нида и Куршской косе на территории Литвы (Лозе И.А., 1979, с. 99), на поселениях Абора 1 и Асне 1 на Лубавской равнине в восточной части Латвии (там же, с. 98). На территории Финляндии найдено 17 сосудов с валиками (там же, с. 98). Вся эта посуда из Восточной Прибалтики относится к концу III тыс. до н.э., а для могильника Экнем в Финляндии получена радиоуглеродная дата 2180±80 лет до н.э. (там же, с. 99).

Фрагменты сосудов с валиками были встречены на площади первого Турбинского могильника (Бадер О.Н., 1964, рис. 105, 106), на поселении Галкина Гора на Волге, исследованном А.Х. Халиковым (1960, с. 88-89). Валики есть и на посуде афанасьевских памятников Горного Алтая. Так, из могильника Кара-Коба 1 из ограды 9 происходит один сосуд с валиком. При раскопках Денисовой пещеры в афанасьевском слое встречены фрагменты сосудов с валиками (Деревянко А.П., Васильевский Р.С. и др., 1985, рис. 20-5). Н.Ф. Степановой при раскопках афанасьевского поселения Узнезя-1 в низовьях Катуня найдены развалы двух афанасьевских сосудов, украшенных по шейке наlepным валиком, рассеченным оттисками гребенчатого штампа (рис. 165-3, 4). Похожие валики имеются на андроновских сосудах Барабы (Савинов Д.Г., Полосьмак И.В., 1985, рис. 9-1, 2) и Верхнего Приобья. Таким образом, из приведенных данных можно сделать вывод, что вытяжной или наlepной валик – явление скорее всего эпохальное, характерное для энеолита, ранней и развитой бронзы. Видимо, наличие валиков на сосудах с поселений Костенкова Избушка, Коровья Пристань III и с Аэродромной стоянки следует объяснить, скорее всего, эпохальным явлением. Для кротовских сосудов, кроме валиков, обычны специфическая форма и орнаментация, а сами валики, как отмечал М.Ф. Косарев (1981, с. 107), делят сосуд на несколько орнаментальных зон, что совершенно не типично для елуниинской керамики. С другой стороны, в свете новых данных совершенно нет оснований говорить о каких-либо контактах елуниинцев и кротовцев в Новосибирском Приобье и на Алтае.

В своей первой монографии по могильнику Сопка 2 В.И. Молодин убедительно показал, что бронзовый инвентарь памятника ближе к андроновскому, чем к сейминско-турбинскому типу (1985, с. 88). Позднекротовский этап он датирует XIV-XIII вв. до н.э. (там же, с. 87-88), а андроновскую культуру – XIII-X или даже XII-X вв. до н.э. (там же, с. 87). При этом почему-то упускается из вида, что как раз средний и поздний Кротово дают наибольшее количество не просто андроновидного инвентаря, а типично андроновского. Таким образом, андроновская культура в Барабе не может существовать позднее среднего, а уж тем более позднего Кротово. Она может быть только синхронной.

В своей последней монографии по могильнику Сопка 2 В.И. Молодин относит керамические материалы, аналогичные елуниинским (2001, рис. 23-22-24; 39; 53), к выделенной им усть-тартаской культуре, бытовавшей, по его мнению, в IV – первой половине III тыс. до н.э. в лесостепном междуречье Оби и Иртыша и входившей в состав игрековской общности (там же, с. 113-118). Замечу только, что эти материалы и по форме, и по орнаменту близки керамике раннего этапа степановской культуры Васюганья, которую я датировал первой третью – серединой II тыс. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., 1976; 1986, с. 25; Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1979, с. 91). Она входит в круг культур сейминско-турбинской общности Западной Сибири. Елуниинская культура совершенно четко существует в степном и лесостепном Алтае в предандоновское время и старше кротовской по крайней мере на несколько столетий.

Формирование елуниинской культуры происходило в последней четверти III тыс. до н.э. в степных и лесостепных районах левобережья Оби и ее притоков в результате взаимо-

действия местного большемысского населения, относящегося к метисному варианту, и пришлого европеоидного населения, относящегося к южной европеоидной (средиземноморской) ветви, с производящим типом хозяйства и высоким уровнем металлообработки. В территорию формирования культуры входили и районы Восточного Казахстана, примыкающие к Алтайским горам. Эту территорию обычно называют Рудным Алтаем. Памятники этих территорий относят к классическим, т.е. более «чистым» по сравнению с другими. Формирование культуры заканчивается к концу III тыс. до н.э. Постепенно елуинцы осваивают правобережную зону, прилегающие предгорные районы Алтая. На востоке они заселяют верхнее Причумышье, достигая современной границы Алтайского края и Кемеровской области, на юге проникают на Среднюю Катунь, где соприкасаются с афанасьевскими племенами. В правобережных районах и происходит взаимодействие с носителями гребенчатой орнаментации. Неясным остается вопрос, проживало ли это население по ленточным борам и в таежном Причумышье или продвигалось из более северных районов южнотаежного Приобья.

Поселения Бийского Приобья, давшие, как уже отмечалось, смешанные типы орнаментации, по радиоуглеродным датам относят к XVIII–XVII вв. до н.э. Возможно, продвижение по Катунь и долинам других рек, вытекающих из Алтайских гор, было связано с сезонным характером скотоводческого хозяйства. Летом пасли скот в степной и лесостепной зонах, на зиму перегоняли его в долины горных рек, где в зимнее время интенсивно сдувало снег, на чем подробно я остановлюсь в разделе о хозяйстве.

Проживание елуинских племен в предгорной зоне Алтая, в Восточном Казахстане и на Верхней Оби было нарушено продвижением андроновских племен на рубеже XVII и XVI вв., возможно, в самом начале XVI в. до н.э. Расселяющиеся андроновские племена постепенно вытесняют какую-то часть, а, возможно, основную, елуинского населения. Так, племена, жившие в предгорной зоне Восточного Казахстана, передвигаются по Иртышу в Омское Прииртышье, где оставляют ряд памятников, отличных от кротовской культуры. В.И. Матюченко, анализируя материалы могильника Ростовка, пришел к выводу о значительной близости его одновременным памятникам Саяно-Алтайского нагорья и Восточного Казахстана и об отличии его от кротовских памятников (1975, с. 135). М.Ф. Косарев также считает могильник Ростовка отличным от памятников кротовской культуры (1981, с. 95–96). И.Г. Глушков, исследуя керамический материал Ростовки, по типологическим признакам выделил три группы посуды, а по технологическим две традиции составления формовочных масс. Первая из них не находит аналогий в керамических комплексах Прииртышья, а вторая глубоко местная, тяготеющая к кротовской технологической традиции (1986, с. 5–6). Эти исследования подтверждают пришлый характер какой-то части населения, оставившего могильник Ростовка.

Очень интересным кажется вывод И.Г. Глушкова о приходе с юга групп скотоводов и земледельцев и вытеснения ими кротовцев на восток в Барабу (1986, с. 10–11). В.А. Дремов, исследовавший черепа из могильника Ростовка, пришел к выводу о смешанном типе населения, оставившего могильник, и о близости его с населением, оставившим могильники Усть-Иша и Большой Мыс на Верхней Оби (1984, с. 16). Все эти данные, по моему мнению, подтверждают приход какой-то части елуинского населения в Омское Прииртышье. Этим, видимо, объясняется появление в данном регионе каменных изображений головы лошади и просто лошади (Глушков И.Г., 1984, 1985; Мошинская В.И., 1952) и навершия с лошадью на ноже из Ростовкинского могильника (Матюченко В.И., 1970). Видимо, с приходом этого населения следует связывать резкий подъем уровня бронзолитейного производства и широкое распространение валика в орнаментации посуды, не имеющего местных корней. Елуинские сосуды, украшенные отпечатками шагающей, отступающей гребенки, рядами из оттисков угла гребенки и

двойными рядами валиков, найдены на Семипалатинских джонах в Восточном Казахстане. На одном сосуде вместе встречаются волнистые и горизонтальные валики, есть сосуды с двойными рядами валиков, венчики которых не украшены. Эта посуда обнаружена вместе с фрагментами керамики, аналогичной опубликованной Л.А. Чалой с озерных стоянок Пеньки 1, 2 (1972). Это продвижение происходило по долине Иртыша. Ранний елунинский памятник – курган Шидерты-10 – обнаружен в 180 км западнее Павлодара.

Какая-то часть елунинского населения передвигается севернее в районы Новосибирского Приобья, где смешивается с живущим здесь населением. Нам представляется, что появление в этих районах сосудов, украшенных горизонтальными рядами из оттисков отступающей гребенки, следует, скорее всего, связывать с контактами с населением елунинской культуры, а не самусьской, как предполагает М.Ф. Косарев (1981, с. 107). Это подтверждается большим количеством посуды с подобным орнаментом как раз на памятниках южной части Новосибирского Приобья, граничащего с северными елунинскими памятниками. Это поселения Кротово 7/8, Морайка, могильник Ордынское (Молодин В.И., 1977, с. 49, табл. LIV-2; LVIII-7).

Какая-то часть елуинцев перебралась в более западные районы Обь-Прииртышья. Здесь в районах лесостепной полосы в андроновское время в результате взаимодействия пришлого и местного населения, на мой взгляд, и формируется кротовская культура, унаследовавшая многие черты елуинской. Я предлагаю развести эти две культуры не только хронологически, но и территориально. Елуинская культура, по моему мнению, существует в районах предгорной зоны Казахстана и Алтая и степных и лесостепных районах Верхнего Приобья, кротовская – в лесостепных районах Обь-Иртышья – Барабинской лесостепи. Какая-то часть елуинского населения остается на своих местах и постепенно ассимилируется андроновским населением или, может быть, даже существует параллельно с ним, чему, видимо, способствовали различные хозяйственные типы. Некоторые элементы орнаментации, характерные для елуинской посуды, позднее встречаются на части андроновской керамики. Возможно, какая-то часть елуинцев принимает участие в сложении верхнеобского варианта андроновской культурной общности. Но, как уже отмечалось выше, ни на одном елуинском памятнике не найдено ни одной андроновской вещи или андроновской керамики.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что в последней четверти III – первой трети II тыс. до н.э. в лесостепной и предгорной зонах Алтая, частично заходя по долинам горных рек в собственно Горный Алтай и на территорию современного Казахстана, жили племена елуинской культуры, имеющие высокий уровень бронзолитейного производства, специфический погребальный обряд и оригинальную посуду и комплексную систему хозяйства, в основе которой лежало скотоводство, а подсобную роль играли охота и рыболовство. В формировании культуры приняли участие несколько компонентов: это местное население, жившее здесь с энеолита, пришлое европеоидное, относящееся к восточносредиземноморской ветви, родиной которого являются юго-западные районы Средней Азии. На заключительных этапах в этом процессе, видимо, приняли участие племена – носители посуды с гребенчатой орнаментацией, проживавшие со времен энеолита в более северных районах Приобья или пришедшие из Северного Казахстана. На рубеже XVII и XVI вв., а, возможно, и в первой половине XVI в. до н.э. культура прекращает свое существование в связи с тем, что часть ее населения была вытеснена андроновцами, а оставшаяся постепенно ассимилирована. Вытесненные группы в новых районах обитания участвуют в формировании новых культур или постепенно растворяются в среде жившего там аборигенного населения.

2.2.3. Искусство и религиозные представления

В искусстве населения елунинской культуры совершенно отчетливо прослеживаются две традиции, видимо, связанные с двумя компонентами, участвующими в ее формировании. Прежде всего, это костяное изображение птицы, каменный жезл с навершием в виде головы медведя и каменный сосуд со сценами охоты. С.В. Студзицкая считает, что подобные жезлы тесно связаны с фаллическим культом как символом плодородия (1969, с. 61–62). А.П. Окладников писал, что каменные жезлы с медвежьими головами являются одним из вариантов широко распространенных пестов фаллического типа, уже своим видом связанных с идеей плодородия, идеей воспроизводства живых существ (1952, с. 331). Этот жезл, как и костяное изображение головы птицы, условно можно связывать с местным населением предшествующего времени, для которого охота и воспроизводство диких животных как объектов охоты имели огромное значение.

Сцена охоты на быка изображена на каменном сосуде из Угловского района (рис. 136). Быка держат две собаки, одна из которых вцепилась в морду, а вторая – в заднюю часть. На дне сосуда вырезана фигура человека, стреляющего из лука в быка. Изогнутый лук со стрелой изображен в придонной части под брюхом быка. В загривке быка торчит еще одна стрела. Изображение быка выполнено в своеобразной окуневской манере и находит ближайšie аналогии в окуневском искусстве и искусстве окуневского времени Южной Сибири и юга Западной Сибири. За быком расположены одна над другой две фигуры невысоких лошадей с коротким туловищем, но с крупной головой. Изображение коней также характерно для эпохи бронзы, а крупная голова с торчащими ушами, да и сама фигура для эпохи ранней бронзы, круга культур сейминско-турбинского типа юга Западной Сибири и Восточного Казахстана. По верхнему ряду сосуда идет сцена из трех козлов, среди которых есть горный с загнутыми рогами, преследуемый двумя собаками и полосатым хищником. Над быком изображена стилизованная фигура бегущего марала. Сцены охоты, да и сам набор животных более характерны для более южных, может быть, предгорных районов. И, скорее всего, его можно связывать с пришлым населением или уже сформировавшимся елунинским.

Совершенно отчетливо видно начало формирования культа коня. Изображение коня появляется в наскальном искусстве, на посуде. Фигуры коней, процарапанные на каменных сосудах, известны из грунтового могильника Аймырлыг в Туве (Мальденштам А.М., 1973, с. 228). С навершием в виде головы коня изготавливаются каменные жезлы. Как уже отмечалось выше, два таких жезла найдены в Восточном Казахстане и один на Алтае. Причем алтайский жезл выглядит явно древнее всех остальных. Позднее изображение коня или головы коня появляется на рукоятках бронзовых ножей. На всех ножах представлен один тип лошади. Торчащие гривы, острые уши, раздутые ноздри. Такие ножи встречены в Сейминском (Бадер О.Н., 1970, рис. 52) и Ростовкинском (Матюченко В.И., 1970, рис. 38, 34) могильниках. Видимо, несколько позднее культ коня соединяется с культом солнца, и появляются изображения солнечного коня. Они представляют собой изображение головы коня с развивающейся гривой, расположенной поверх расходящихся лучей солнца.

Солнечный конь изображен поверх рукояти бронзового ножа из елунинского могильника (рис. 148; 149), а также на рукояти от ножа меньших размеров из Усть-Коксинского района (рис. 150–4). Как уже отмечалось выше, по свидетельствам из Рыведы, первоначальной зооморфической формой утреннего или весеннего солнца были конь и конская голова как символы быстроты, с которой распространяется свет. Конская голова есть символ солнца, рождающегося на свет так же, как жеребенок при рождении выставляет свою голову (Ефименко П.С., 1869, с. 80). Не вызывает сомнений, что этот культ зарождается на Алтае и прилегающих территориях Восточного Казахстана

(Кирюшин Ю.Ф., 1992, с. 156–158), а затем распространяется в другие районы Западной Сибири, Урала и Приуралья. В андроновское время кони такого типа изображаются на золотых серьгах (Акишев А., 1984, с. 52, табл. VII, 16; Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., 1996, с. 37, рис. 2). Правда, Е.Е. Кузьмина считает, что это изображение не лошади, а кулана-джегитая, занимавшего в древности всю евразийскую степь, либо тархана, широко распространенного в степи от Украины до Центральной Азии (1994, с. 256).

Вообще можно сказать, что на Алтае формируется особое отношение к одомашненным животным, которые имели жизненно важное значение для елунинского населения. Как уже отмечалось выше, в могильнике Шипуново V был обнаружен сигарообразной формы жезл с навершием в виде головы барана с круто закрученными рогами (рис. 128). Навершие бронзового ножа с идущими один за другим тремя баранами известно в Турбинском II могильнике (Бадер О.Н., 1964, рис. 113). В других памятниках сейминско-турбинского типа изображения барана не известны. Видимо, говорить о формировании культа этого животного еще рано.

Интересна находка обломка каменного жезла со скульптурным изображением головы мужчины. Голова с длинным вытянутым лицом, широкими скулами, резко выступающим носом, высоким лбом, глубоко посаженными глазами и со слегка оттопыренными ушами, хорошо заметными в профиль. Завершает скульптуру круглый головной убор. Антропологический тип мужчины европеоидный и проявляет определенное сходство со среднеазиатским типом лица. Похожий головной убор изображен на голове лъжника с рукояти бронзового ножа из Ростовкинского могильника (Матющенко В.И., 1970, с. 103–105), на Нуринской скульптуре (Мошинская В.И., 1976, с. 56), менее похожий на Туйской скульптуре (там же, табл. 6). Очень близко изображение этого мужчины скульптурному навершию из бронзы, хранящемуся в фондах краевого музея г. Зайсана в Казахстане (рис. 131–2). Антропоморфное изображение с четко моделированными чертами лица хорошо соотносится с каменной скульптурой. Единственное ее отличие – отсутствие головного убора.

Хотелось бы остановиться на возможности сопоставления скульптурных и наскальных изображений человека. Представляется, что грибовидные головные уборы, прослеживаемые по наскальным изображениям эпохи бронзового века Алтая (Окладникова Е.А., 1987, рис. 1; Черемисин Д.В., 1990, с. 165–182), можно, видимо, трактовать как просто круглые головные уборы, фиксируемые на скульптурах. Эти головные уборы являются обязательной деталью костюма жителей сейминско-турбинской эпохи Алтая и Восточного Казахстана, только в камне технически трудно передать свисающие поля, да и не практично, так как жезл постоянно используется. В рисунке на камне, если не обозначить поля, выступающие за пределы головы, то они будут просто не заметны. Можно также отметить, что поля головного убора лъжника с бронзового ножа из могильника Ростовка выступают за контуры головы, но он уже выполнен из металла.

Можно согласиться с Б.Н. Пяткиным и Е.А. Миклашевич, когда они выделяют среди наскальных изображений пласт, относящийся к культурам сейминско-турбинского типа, и отмечают, что постепенно одним из главных персонажей становится человек (1990, с. 151–152). Но, по моему глубокому убеждению, необходимо говорить не просто об изображении человека, а об изображении мужчины, причем мужчины-воина, управляющего боевой колесницей, сражающегося в пешем строю. Появление особой социальной категории мужчин-воинов и военного колесного транспорта у сейминско-турбинских племен отмечает в своей докторской диссертации П.М. Кожин (1990). Колесницы есть и среди наскальных изображений Алтая. Видимо, своеобразным изображением колесницы является бронзовый нож со скульптурным навершием из Елунино и лежащим поперек него каменным оселком с закругленными краями. О военных действиях

свидетельствуют многочисленные случаи похороненных людей с разрубленными конечностями, черепами и т.д. Следовательно, можно сделать вывод, что и в искусстве сейминско-турбинских племен Алтая и Восточного Казахстана появляется новый сюжет – скульптурное изображение мужчины-воина, а в религиозных представлениях поклонение образу мужчины-воина и постепенное оформление этого культа, который поддерживали и исполняли особые люди, такие, как высокорослый хромой мужчина из первого погребения Елунинского могильника, где был найден нож со скульптурным навершием. Возникновение этого культа связано с возвышением роли мужчины – защитника своего рода, стад скота, пастбищ, водоемов, способного в экстремальных природных условиях решиться на длительные и далекие переселения с целью завоевания новых территорий и возможных социальных партнеров, что прекрасно видно по самим елунинским племенам.

По мнению ряда исследователей, именно в сейминско-турбинской среде впервые появляется «княжеское» оружие: ножи со скульптурным навершием, служившее церемониальным знаковым функциям, выполняя роль атрибутов власти (Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989, с. 108, 249; Худяков Ю.С., 1997, с. 63). Они считают, что наличие такого оружия свидетельствует о складывании культуры воинской элиты и культа бронзового оружия (Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989, с. 271; Студзицкая С.В., Кузьминых С.В., 2001, с. 155). По мнению Ю.А. Мотова, воинственный облик шамана, образ его действий и оружие не случайны, а взаимосвязаны, и связь эта прослеживается с глубокой древности, когда обладатель шаманского комплекса был прежде всего воином (1996, с. 35). Образ шамана – это образ воина былых времен (Студзицкая С.В., Кузьминых С.В., 2001, с. 156).

Этнографы-сибириеведы неоднократно отмечали, что шаманские посохи с навершием в виде человеческой головы известны у энцев (Иванов С.В., 1970, с. 163) и кетов (Алексеенко Е.В., 1967, с. 187). Они служили шаманам высшей категории при лечении больных и проводов души умершего в загробный мир у энцев (Прокофьева Е.Д., 1951, с. 151; Иванов С.В., 1970 с. 109–110), а у кетов являлись непременным атрибутом при камлании и олицетворяли собой мировое (шаманское) дерево (Алексеенко Е.В., 1967, с. 187).

Из вышесказанного можно сделать вывод о наличии у елунинцев развитого шаманизма как мировоззренческой системы, отвечающей всем требованиям социальной организации и их агрессивному воинственному духу и подвижному образу жизни. С.В. Студзицкая и С.В. Кузьминых считают, что эти черты характерны для всех сейминско-турбинских групп (Студзицкая С.В., Кузьминых С.В., 2001, с. 156).

2.3. КРОХАЛЕВСКИЙ ТИП ПАМЯТНИКОВ

Крохалевский тип памятников в Новосибирском Приобье был выделен В.И. Молодиным и Н.В. Полосьмак в 1980 г. (1980, с. 51–68). Несколько раньше, в 1977 г., В.И. Молодиным были опубликованы материалы памятников Усть-Алеус-1, 7, Крохалевка 4 и частично Ордынское 1б (Западная), которые, по его мнению, были отличны как от самусьских, так и от кротовских (1977, с. 68–74). В 1978 г. Н.В. Полосьмак опубликовала керамический комплекс поселения Крохалевка 4, дала его подробный анализ и предложила термин «крохалевский» тип керамики. Ведущим элементом орнаментации ее является насечка (1978, с. 36–46). По подсчетам В.И. Молодина, суммарно для всех памятников она составляет 46% (1977, с. 69). Для поселения Крохалевка 4, по подсчетам Н.В. Полосьмак, – 37,39% (1978, с. 37). Особенностью поселения Крохалевка 4 является то, что насечки и другой орнамент наносились поверх «ложного текстиля». На 27 фрагментах из 63 отмечается орнамент поверх «ложного текстиля» – 42,86%, а на

136 фрагментах из 364 (37,36%) – отпечатки «ложного текстиля» с внутренней стороны (Полосьмак Н.В., 1977, с. 36). В целом же для крохалевских памятников В.И. Молодин отмечает 3,4% «ложнотекстильной» орнаментации (1977, с. 69). В связи с тем, что основная масса исследованных памятников крохалевского типа находится в Новосибирском Приобье, а с алтайских памятников получены преимущественно лишь материалы, я решил не делить их по районам Приобья, а дать в одном разделе.

В Барнаульско-Бийском Приобье не встречено памятников, давших чистые комплексы крохалевского типа, за исключением, пожалуй, поселения Иткуль II, но там вскрыта незначительная площадь в 48 кв. м и найдено всего около десятка фрагментов сосудов (рис. 161). Памятники с керамикой крохалевского типа встречаются по ленточным борам от границ Казахстана на юге до Новосибирского Приобья на севере. Это поселения Павловка 1, 8, 10; Алексеевка 1, 5; Новенькое 6, 7 (Кирюшин Ю.Ф., Ключкин Г.А., 1985); Заковряшино 1, Крутихинская сопка 1 (Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С., Шамшин А.Б., Уманский А.П., 1990, с. 70, рис. 11). В Барнаульско-Бийском Приобье это поселения Енисейское, Бехтемир, Быстрый Исток, Костенкова Избушка, Комарово и Ляпустин Мыс, где найдены фрагменты сосудов или даже развалы сосудов, украшенные насечками. Какой-либо вещественный материал выделить невозможно, кроме каменного материала, опубликованного В.И. Молодиным (1977), поэтому я остановлюсь только на керамике.

2.3.1. Керамика

Вся посуда крохалевского типа в Верхнем Приобье имеет более рыхлое тесто, чем посуда елунинской культуры, в качестве отошителя чаще всего применялся шамот. По своим технологическим признакам эта посуда хуже, чем раннебронзовая елунинская керамика. Посуда имеет баночную форму, плоскодонная (рис. 161-164), лишь в одном случае сосуд с поселения Бехтемир был остродонным (рис. 160-4). Насечки чаши имеют овальную форму и, видимо, наносились ногтем, иногда ребром дощечки или палочки (рис. 161, 163). Они создают вертикальные и горизонтальные ряды, иногда образующие своеобразные зоны (рис. 161-1), зигзаги и ромбы (рис. 162-2; 164-1).

По венчику посуда орнаментирована рядами ямок, реже жемчужин, лунок или зашипов. Сосуды орнаментированы от венчика до дна, днища покрыты такими же насечками. Фрагменты сосудов с поселения Иткуль II украшены овальными насечками, резными и гребенчатыми линиями (рис. 161). На поселении Крохалевка 4 в орнаментации встречаются печатная и отступающая гребенка (рис. 162). По мнению Н.В. Полосьмак, печатная гребенка на Крохалево 4 составляет 15,82%, а отступающая – 8,69%, отступающая палочка – 14,45% (1978, с. 37-38). В Барнаульско-Бийском Приобье отступающая палочка не встречается совсем, а отступающая гребенка характерна для елунинской посуды. Нанесение орнамента поверх «ложного текстиля» – прием, совсем не характерный для этого района.

М.Т. Абдулганеев керамику поселения Енисейское делит на четыре группы. Первую он относит к елунинской культуре, три других, по его мнению, имеют ряд общих черт в форме и орнаментации сосудов (1985, с. 119), а ближайšie аналогии керамика второй и четвертой групп находит среди крохалевских материалов поселений Крохалевка 4, 17 и Усть-Алеус 7, четвертая, кроме того, в более северных энеолитических материалах (там же). Керамика третьей группы, по его мнению, более поздняя (там же, с. 122). Керамику, близкую крохалевской, с памятников Юго-Западного Алтая он делит на две группы, считает их одновременными и близкими между собой, но не идентичными собственно крохалевской. Ближайšie аналогии им он находит в материалах памятников одицовского этапа и вишневого типа (там же, с. 125).

2.3.2. Поселения и жилища

Как уже отмечалось, крохалевский тип памятников представлен поселениями. Однослойным является лишь Усть-Алеус 7, остальные многослойные или просто типологически выделяется керамика крохалевского типа. На поселении Крохалевка 4 вскрыто жилище подпрямоугольной формы, вытянутое по линии СЗ-ЮВ, площадью 15,6 кв.м и глубиной от 0,15 до 0,3 м.

2.3.3. Хронология и культурная принадлежность

В.И. Молодин, рассматривая материалы памятников крохалевского типа, в первой своей монографии датировал их первой половиной II тыс. до н.э. (1977, с. 74). В совместной работе с Н.В. Полосьмак материалы этого периода он относит к эпохе предандроновской бронзы (1980, с. 64). Н.В. Полосьмак в исследовании, посвященном рассмотрению керамического комплекса поселения Крохалевка 4, датирует этот тип керамики первой половиной II тыс. до н.э., считая, что верхняя хронологическая грань вряд ли заходит позже XVII-XVI вв. до н.э. (1978, с. 46). При этом она ссылается на мнение М.Ф. Косарева (1976, с. 12) о том, что верхняя хронологическая грань предсейминского пласта, куда относится и Кротово, предшествует самусьско-сейминской эпохе и вряд ли может датироваться позже XVII-XVI вв. до н.э. (Полосьмак Н.В., 1978, с. 46). Если говорить о времени существования керамики этого типа на поселении Крохалевка 4, то так, возможно, и есть. С памятниками же Барнаульско-Бийского Приобья обстоит сложнее.

Посуда, украшенная овальными и прямыми насечками, появляется здесь еще в эпоху неолита; остродонные сосуды найдены на поселениях Комарово и Бехтемир (рис. 15-1; 163-4). Насечки встречены на неолитической и раннебронзовой керамике с Киприно (рис. 62; 63). Эта посуда находит аналогии в памятниках неолита и ранней бронзы в южно-таежном Приобье и Прииртышье, в частности, в боборькинской культуре Тюменского Притоболья и байрыкского этапа (Косырев М.Ф., 1981, рис. 7; 16-2а, 2б, 2в), на Васюганье. Следовательно, появление подобной посуды в Верхнем Приобье следует относить к концу III - началу II тыс. до н.э., а ее существование относится к первой половине II тыс. до н.э. Бытует она и на ирбинском этапе, хронологические границы которого мы предложили расширить до первой четверти II тыс. до н.э.

Встает вопрос о верхней границе этого типа керамики. Так, для поселения Костенкова Избушка были проведены подсчеты всех типов посуды по горизонтам. Основной пик крохалевской посуды пришелся на второй горизонт - 36,1%, третий - 31,9%, четвертый - 29,9, пятый - 4,2, шестой - 0 и первый - 0,9. Тогда как елунинская посуда первых двух групп дала пик на третьем горизонте - 37,4%, а керамика третьей группы (гребенчатая) также на третьем - 35,7%. Посуда, украшенная насечками и ногтевыми отпечатками, встречается с третьей группой елунинской посуды, которую мы считаем самой молодой, а так как елунинские памятники, по нашему мнению, доживают до рубежа XVII-XVI вв. до н.э., а, возможно, и начала XVI в., а потом сменяются андроновскими, то, видимо, это время, до которого доживает подобная посуда в Верхнем Приобье. Хотя не исключено и то, что крохалевское население могло существовать в ленточных борах и более длительное время. Следует отметить, что орнамент насечки встречается и на андроновской посуде Барабы (Молодин В.И., 1985, рис. 48-3-5, 50-10), которую В.И. Молодин датирует начиная с XIII в. до н.э. и доводит до начала существования ирменских памятников (IX в. до н.э.) (1983, с. 18; 1985, с. 116).

Особенностями крохалевской посуды Н.В. Полосьмак считает значительное количество «ложного текстиля» и нанесение орнамента поверх него (1978, с. 36). «Ложный текстиль» как технологический или, возможно, орнаментальный прием появляется на

рубеже III–II тыс. до н.э. и распространяется на Верхнем и Среднем Приобье и в Прииртышье. Нанесение орнамента поверх отпечатков текстиля – прием, очень часто встречаемый в энеолите Васюганья. Н.В. Полосьмак, рассматривая эту посуду, находит ей аналогии на поселении Шайтанка III, на Кети, в посуде Томского могильника, на Большом Мысу, могильнике на Старом мусульманском кладбище и Черноозерье III в Прииртышье (там же, с. 44). В.И. Молодин отмечает, что аналогичные материалы обнаружены в комплексах финального неолита ранней бронзы в лесных районах Приобья (1977, с. 73). Следовательно, большинство аналогий уводит нас в южно-таежную зону. Продвижение северного населения в Томское Приобье фиксируется различными исследователями (Глушков И.Г., 1985; Посредников В.А., 1972). Видимо, оно достигло и районов Новосибирского Приобья. Причем севернее Новосибирска оно прослеживается четче, южнее – слабее, но совершенно отчетливо его можно обнаружить по памятникам, расположенным в ленточных борах или вдоль них, берегам озер и мелких рек этой зоны вплоть до низовий Бии. Как уже отмечалось выше, на памятниках юго-западного Алтая прослеживается еще одна волна переселенцев из Восточного Казахстана, но гораздо слабее, поскольку оставила свои следы лишь в этих районах.

Сейчас до конца неясны особенности взаимодействия крохалевцев с населением елунинской культуры, хотя уже и имеются такие свидетельства. Возможно, это были в первую очередь брачные контакты, так как и крохалевцы и елунинцы существуют какое-то время практически одновременно, но в разных экологических нишах, с различными типами хозяйства, лишь незначительно мешая друг другу. Видимо, на данном этапе целесообразно оставить за этими памятниками название крохалевский тип, а посуду, встречаемую на многослойных памятниках, называть крохалевской. При дальнейшем накоплении материала и его изучения может быть поставлен вопрос о выделении самостоятельной культуры. В значительной мере этому способствовало бы появление могильников крохалевского типа.

Таким образом, в эпоху энеолита и ранней бронзы в Новосибирском Приобье проживало многокомпонентное по своему составу население, которое в процессе взаимодействия еще не создало единой археологической культуры. Памятники этого периода следует относить к ирбинскому типу, расширив его хронологические рамки до первой четверти II тыс. до н.э. В эпоху ранней бронзы на территорию юга Новосибирского и Барнаульско-Бийского Приобья проникают племена крохалевского типа, которые наиболее интенсивно осваивают ленточные боры. Памятники, оставленные ими, локализируются в основном в долине Оби и ее притоков. Памятники крохалевского типа тяготеют к районам севернее Новосибирска. Появление этого типа памятников следует, скорее всего, связывать с приходом более северных групп населения из районов южно-таежного Приобья. Отсутствие могильных комплексов затрудняет пока выделение самостоятельной крохалевской культуры.

Глава 3 ХОЗЯЙСТВО

Хозяйство древнего населения Барнаульско-Бийского и юга Новосибирского Приобья в исследуемые исторические периоды развивалось в различных экологических условиях, которые, видимо, не оставались неизменными на протяжении энеолита и ранней бронзы, что, конечно, наложило существенный отпечаток на его становление и развитие, особенности и динамику. Различия в типах хозяйства, способах ведения и формах становятся заметными уже начиная с эпохи энеолита, в раннем бронзовом веке они уже более значимы. В будущем это приводит к появлению новых форм ведения хозяйства или изменению значимости его составляющих, что приводит к распаду старых культурных образований и появлению новых.

3.1. ЭПОХА ЭНЕОЛИТА

В энеолитическое время на территории Верхнего Приобья формируется комплексный тип хозяйства, где начинает развиваться одна из производящих форм экономики – скотоводство. Роль его постепенно все больше и больше возрастает, поэтому я думаю, что рассмотрение хозяйства необходимо начать со скотоводства.

Первые свидетельства о нем были получены М.П. Грязновым в 1954 г. при раскопках стоянки Западная у села Ордынское, где в одном из трех энеолитических погребений, находящихся под культурным слоем, на глубине 1,0–1,5 м был встречен типичный инвентарь и набор бараньих костей, состоящий из 42 астрагалов, 26 пяточных и 15 других мелких косточек. По определению Н.К. Верещагина, кости принадлежали не менее чем 23 особям очень крупной домашней овцы, по величине равной самым крупным особям современных романовской и гиссарской пород (Грязнов М.П., 1954). Следующие свидетельства были получены в памятниках оз. Иткуль. Там в могилах 4, 10, 15 могильника Большой Мыс найдены резцы лошади, а на поселении Костенкова Избушка встречены кости лошади, крупного и мелкого рогатого скота и собаки (определения А.В. Гальченко и Т.В. Калашниковой). С энеолитической эпохой увязываются находки шестого, пятого и четвертого горизонтов. Причем с шестого горизонта энеолитическая керамика составляла абсолютное большинство (86,6%), а на пятом – подавляющее (67,6%), на четвертом – около половины (46,6%) (рис. 58, 59). На шестом горизонте встречаются лишь единичные фрагменты елунинских сосудов (рис. 58, 59), на пятом они представлены тремя крупными скоплениями, что, видимо, соответствовало трем наземным или слегка углубленным в культурный слой эпохи энеолита. Костных остатков среди этих скоплений не было. На четвертом горизонте елунинская посуда даже преобладала (рис. 58, 59), поэтому костные остатки рассматриваются как относящиеся к переходному времени от энеолитической большемысской культуры к раннебронзовой елунинской культуре. Пятый и шестой горизонты даны суммарно (табл. 1). В них встречены кости низкорослой лошади и собаки. Кости домашних животных составляют 27,9% от общего количества. Таким образом 72,1% приходятся на диких животных, но только 24,6% из них составляют мясные животные (лось, благородный олень, косуля, кабан и зубр). Остальные 47,5% костей принадлежат пушным животным (медведь, барсук, лиса, бобр, сурок и заяц) (табл. 2). Если же медведя отнести к мясным животным, то доля их составит 34,4%. Судя по материалам четвертого переходного горизонта, к энеолитическому времени частично могли относиться и кости крупного и мелкого рогатого скота. Суммируя все приведенные данные, можно сделать вывод, что энеолитическое население Барнаульско-

Бийского и южной части Новосибирского Приобья занималось скотоводством, которое по своей значимости стояло на втором месте после охоты на мясных животных. Разводили лошадей, мелкий рогатый скот и, видимо, крупный рогатый скот.

Таблица 1

Соотношение домашних и диких животных
на поселении Костенкова Избушка

Горизонт	Всего костей		Домашних животных		Диких животных			
	абс.	%	абс.	%	мясных		пушных	
					абс.	%	абс.	%
1	301	100	107	35,5	164	54,5	30	10,0
2	1052	100	322	30,6	568	54,0	162	15,4
3	664	100	229	34,5	284	42,8	151	22,7
4	107	100	32	29,9	36	33,6	39	36,5
5	61	100	17	27,9	15	24,6	29	47,5

По мнению многих палеозоологов, как раз в переходное от неолита к бронзовому веку время происходит процесс одомашнивания лошади (Громова В.И., 1949; 1959; Матюшин Г.Н., 1971; Цалкин В.И., 1956; 1970; 1972). А.Г. Петренко отмечает, что кости лошади составляли около половины от всех костей домашних животных на десяти памятниках эпохи энеолита и ранней бронзы в Среднем Поволжье и Приуралье (1984, с. 69). Вместе с костями лошади встречены и зубы молодых особей. В.И. Цалкин считает, что эта черта гораздо чаще встречается при изучении остатков домашних животных по сравнению с дикими (1970). Н.М. Ермолова полагала, что лошадь в Южную Сибирь проникает вместе с племенами афанасьевской культуры в III тыс. до н.э. и генетически не связана с дикой формой лошади этого региона, которая исчезла здесь если не в конце плейстоцена, то в начале голоцена (1983, с. 189). Однако многочисленные находки костей лошади на энеолитическом поселении Ботай в Северном Казахстане, датированном В.Ф. Зайбертом концом IV–III тыс. до н.э. (1983, с. 89), позволяют пересмотреть эту точку зрения. По мнению В.Ф. Зайберта, это домашняя лошадь, хотя Н.М. Ермолова считала ее дикой. В любом случае эти находки свидетельствуют о том, что лошадь водилась в соседних районах Казахстана и в IV–III тыс. до н.э. и могла быть объектом одомашнивания жителями Казахстана и Верхнего Приобья. То, что дикая лошадь водилась здесь и в раннем бронзовом веке, свидетельствует находка каменного сосуда из Угловского района со сценами охоты на дикую лошадь. По устному сообщению П.А. Косинцева, находки костей лошади в Казахстане и на Алтае свидетельствуют не о доместикации лошади как вида, а о приручении ее древними большемысцами. На мой взгляд, здесь возможен такой вариант. Какая-то часть животных действительно была одомашнена или приручена, содержалась в полувольном или, может быть, полуневольном состоянии, охранялась и использовалась по мере необходимости.

Возможно, появление скотоводства в энеолите Верхнего Приобья следует связывать с контактами с афанасьевским населением западного и юго-западного Алтая и в целом Горного Алтая или населением восточно-средиземноморского типа, пришедшим сюда в позднем неолите–раннем энеолите с территории Средней Азии. Последнее предположение тем более вероятно, что многие исследователи считают Среднюю Азию одним из важнейших центров становления скотоводства (Шнирельман В.А., 1980, с. 30, 71–77). Может быть, как раз из Средней Азии попадает в район с. Ордынского крупная порода

Видовой состав млекопитающих по костным останкам
на поселении Костенкова Избушка

Вид животных	Горизонт, кол-во костей					Всего
	1	2	3	4	5	
Домашние животные						
Лошадь	75	187	92	9	5	363
К. Р. С.	14	68	52	6	–	140
М. Р. С.	7	24	22	6	–	61
Собака	11	43	63	9	12	138
Дикие животные						
Лось	159	514	252	26	4	955
Бл. олень	2	24	13	10	2	57
Косуля	–	24	10	–	4	38
Кабан	3	6	3	–	2	14
Зубр	–	–	–	–	5	5
Пушные животные						
Бурый медведь	7	38	67	8	6	126
Барсук	11	25	6	2	1	45
Лиса	7	16	3	2	1	29
Бобр	9	70	58	24	19	180
Сурок	–	9	11	1	1	11
Заяц	3	4	9	2	1	19

овец. Мне представляется, что наличие многочисленных большемысских поселений сезонного (летнего) характера в степной и лесостепной зонах Алтая и стационарных долговременных (зимних) по долинам рек, вытекающих из Горного Алтая, или рек самого Горного Алтая, свидетельствует о высоком уровне скотоводческого хозяйства большемысского населения. В пользу этого говорят и различные типы жилищ на зимних поселениях. Здесь были встречены наземные жилища размерами 3x3 м, крупное жилище размером 16x10 м, углубленное на 0,15 м, и жилища с приблизительными размерами 25–30x30–35 м и глубиной 0,4–0,5 м. В крупных жилищах в зимнее время могли содержать телят, жеребят, дойных коров и т.д. В этих долинах, особенно на Средней Катунь, в зимнее время обычно сдувает снег, что делает эти районы привлекательными для выпаса скота. Жители деревень Средней Катунь круглогодично выпасают определенную часть своего скота.

Занятию скотоводством способствовал влажный и теплый климат. То, что он был влажным, отмечалось выше, а то, что он был теплым (или просто мягким), указывают находки костей кабана и зубра на поселении Костенкова Избушка и украшений из клыка кабана в погребениях на Большом Мысу. Кости зубра встречены на пятом горизонте, а кабана на всех, кроме четвертого. Обитание и того, и другого требовало мягкого климата. К сожалению, почвенные особенности Горного Алтая плохо сохраняют костные остатки как домашних, так и диких животных. Как правило, в руки исследователей попадают жженые обломки колотых костей. Разведение собак было связано, скорее всего, с мясной и пушной охотой. В пятом горизонте встречены кости, челюсти, зубы и захоронение

целого черепа собаки. Все они относятся к собакам небольших размеров, сближающими ее с торфяной собакой и шакалом. Судя по материалам поселения Костенкова Избушка, их, видимо, использовали как жертвенных животных и употребляли в пищу. Собаки встречаются в неолитических памятниках Средней Азии, в частности, на поселении Джейтун (Массон В.М., 1971, с. 87). Захоронения собак при входах в жилище прослежены на поселении Ботай (Зайберт В.Ф., 1983, с. 89). Севернее Ордынского каких-либо свидетельств скотоводства мы не имеем. М.П. Грязнов выделил скотоводство на Верхней Оби в ранний этап развития скотоводческого хозяйства племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы, когда скотоводство дополняло охоту и рыболовство, но не заменяло их (1957, с. 21).

Охотой занимались практически во всех районах Верхнего Приобья, чему во многом способствовали благоприятные природные условия. Правда, материалы, прямо подтверждающие занятия охотой древних жителей этого региона, представлены далеко не равномерно, что, возможно, объясняется особенностями каждого из них. Для Верхнего Приобья характерна неплохая сохранность костей. Как уже отмечалось, в охоте выделяются два направления: мясная и пушная. Из мясных животных охотились на лося, благородного оленя, косулю, кабана, зубра и медведя, кости которых встречены на пятом горизонте Костенковой Избушки (рис. 162). Среди костей диких животных мясные составляют 47,7%, пушные – 52,3% (без медведя). Иную картину дают стоянки у с. Ордынского: на Западной, по данным М.П. Грязнова, 90–95% костей принадлежат лосю, остальные – медведю, бобру и мелким хищникам (1954, с. 6–7). Кости четырех ног лося были закопаны в специальной яме. На Восточной стоянке кости лося и медведя были помещены в восьми специальных ямках в нижней части культурного слоя. В пяти из них находились только кости ног лося, в шестой – костяные орудия и заготовки для них, в седьмой – кости лося и фрагменты сосуда, в восьмой – 13 клыков, три первых шейных позвонка, принадлежавших трем взрослым медведям и двум медвежатам. В одной из ям в материке лежало много костей ног лося, в другой – три орудия из тазовых костей лося (там же, с. 3–4). По мнению М.П. Грязнова, это были недолговременные стойбища охотников, промышлявших здесь преимущественно пушного зверя (там же, с. 46–47).

Мне представляется, что эти скопления костей лося и медведя скорее всего связаны с промысловыми культами этих животных. Так, у ваховско-васюганских и александровских хантов существовали лосиные и медвежьи праздники, для которых специально убивали медведя и лося. С медведя шкура снималась без головы и ног, которые хранились отдельно (Кулемзин В.М., 1972, с. 166–171; Кулемзин В.М., Лукина Н.В., 1977, с. 33–38). Лось у васюганских хантов вообще рассматривался как символ благополучия и богатства (Кулемзин В.М., Лукина Н.В., 1977, с. 167). Видимо, культ лося оформляется еще в позднем неолите, раннем энеолите, что нашло отражение в рисунках Томских и Алтайских писаниц (Мартынов А.И., 1966, 1979; Окладников А.П., Мартынов А.И., 1972; Окладников А.П., Молодин В.И., 1978). Сложение этого культа было обусловлено огромной ролью лося как промыслового животного. В более позднее время с изображением лося связывалось обеспечение удачного промысла (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1985, с. 25; Легенды, 1973, с. 71).

Клыки и когти медведя использовались в качестве украшений. Они встречались преимущественно в мужских погребениях Большого Мыса, но были также в женских и детских. Культ медведя нашел отражение и в его скульптурном изображении, встреченном в Самусьском могильнике (Matjustschenko W.I., 1963). Важную роль играл промысел пушного зверя. Кости таких животных, как барсук, лиса, бобр, сурок и заяц, встречены на поселении Костенкова Избушка, а в погребениях Большого Мыса в качестве украшений использовались клыки и резцы бобра, барсука, сурка, медведя, соболя и колонка. Видимо, на пушных животных охотились с целью получения шкуры и мяса.

Особое отношение складывается к бобру. На поселениях встречаются захоронения челюстей бобра, есть они и в погребениях. Бобры водились в Верхнем Приобье еще в XVII в. н.э., но позднее были выбиты. На поселении же кости бобра встречены на всех горизонтах и в больших количествах, что говорит о том, что бобр обитал на данной территории продолжительное время и являлся постоянным предметом добычи жителей поселения во все периоды его существования. Очевидно, численность бобров в этих местах оставалась достаточно высокой долгое время (Гальченко А.В., Кирюшин Ю.Ф., 1982; Калашникова Г.В., Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1982). Бобровые популяции являются саморегулирующейся системой и выдерживают вмешательство человека лишь в определенных пределах. Многие исследователи считают, что бобр совсем не выдерживает нерегулярного свободного промысла (Скалон В.Н., 1951; Федюшин А.В., 1935). В данном случае все костные остатки бобров от молодых особей в возрасте 8–10 месяцев. Молодые особи встречаются на четвертом, переходном, горизонте и на третьем, елунинском. Правда, на нем число их резко возрастает. Создается впечатление, что промысел бобра носил не стихийный характер, а был строго ограничен: выбивали строго определенное количество молодых особей, покинувших родителей, с тем чтобы не нарушить популяцию и не вызвать ухода бобров в другие места. Приведенные данные подтверждают наличие примитивного охотничьего хозяйства у жителей Верхнего Приобья в эпоху неолита и бронзы.

Существенную роль, видимо, играла охота на боровую и водоплавающую птицу. Обломки мелких трубчатых костей птиц – частая находка на всех поселениях. К сожалению, из-за большой фрагментарности они всегда не определимы.

Приемы охоты были, видимо, различны. В первую очередь, конечно, использовались лук и стрелы. Наконечники разных типов встречаются не только на поселениях, но и в могильниках. Скорее всего, наконечники разных типов и размеров применялись для охоты на определенных животных. Стрелы, вероятно, хранились в колчанах. Охотничьим снаряжением служили и дротики с массивными наконечниками, а туши убитых животных разделялись специальными мясными ножами. Возможно, для охоты на крупных животных применяли ее коллективные формы, такие как облавная и загонная. Для охоты на пушного зверя использовались различные ловушки, известные по этнографическим материалам у народов Сибири (Народы Сибири, 1956, с. 576–578, 615). Охота на пушных животных носила, скорее всего, сезонный характер, тушки убитых животных не всегда приносили на поселения, поэтому там нет костей скелетов соболя и колонка, а украшения из их зубов есть.

Для выделки шкур убитых животных служили многочисленные скребки. Эти приемы и формы охоты были едины для всех районов Приобья, однако роль ее для районов с различными природными условиями была не одинакова.

Свидетельства рыболовства встречены на памятниках всего Верхнего Приобья, так как эти памятники располагались на Оби, ее притоках и многочисленных озерах, богатых рыбой: осетром, стерлядью, нельмой, муксуном, сырком, язём, щукой, карасем, окунем и мелкими частичковыми породами. На стоянках у с. Ордынское и на поселении Костенкова Избушка встречены кости и чешуя рыб. Для Барнаульско-Бийского Приобья и юга Новосибирского наиболее часто встречаемыми орудиями рыболовства являются стерженьки для рыболовных крючков разных типов и костяные гарпуны. Здесь совершенно нет грузил для рыболовных сетей. Видимо, крючковое и гарпунное рыболовство было наиболее характерно для этого района. Однако нельзя исключать того, что по берегам мелких рек, впадающих в озера или вытекающих из них, могли ставить запоры, а около них и в самих озерах морды, верши т.д. Само расположение ряда поселений по берегам озер и стариц, богатых рыбой, позволяет сделать такое предположение.

Играло подсобную роль во всех районах Приобья. На рассматриваемой территории, видимо, собирали дикорастущие ягоды: землянику, клубнику, смородину, малину, чернику, бруснику, клюкву, ежевику, рябину, черемуху и шиповник. Большемысское население, живущее в долинах рек Горного Алтая, могло добывать кедровый орех. В осеннее время могла производиться его массовая заготовка. В пищу, видимо, употреблялись различные травы и корни: щавель, крапива, дикий чеснок и лук, лебеда, саранка, лопух и т.д. Причем как в сыром, так и в сушеном виде.

Большую роль в жизни большемысцев играло производство различных орудий. По качеству и разнообразию на первом месте идут каменные орудия. На всех поселениях встречены многочисленные следы каменной индустрии. Использовались те же приемы, что и в неолите: сверление, пиление, шлифование и полирование. Встречены и сами инструменты для изготовления каменных орудий. Обрабатывались также кость и рог, о чем свидетельствуют как сами костяные и роговые орудия, так и отходы от их производства. В качестве украшений использовались расщепленные клыки кабана и резцы лошади, сверленные клыки и резцы барсука, сурка, лисы, зубы медведя, благородного оленя и других животных.

Об обработке металла и получении медных орудий свидетельствуют находки самих орудий и следы их производства, прежде всего немногочисленные медные шлаки на ряде поселений.

Таким образом, подводя итоги, можно сделать вывод о том, что у населения эпохи энеолита Барнаульско-Бийского и южной части Новосибирского Приобья складывается комплексное хозяйство, которое базировалось на охотничье-скотоводческом типе с преобладанием охоты, где подсобную роль играли рыболовство и собирательство.

3.2. РАННЯЯ БРОНЗА

В целом направленность хозяйства остается прежней, однако меняются составляющие его отрасли. Так, в Барнаульско-Бийском Приобье возрастает роль скотоводства. Материалы по скотоводству получены с полностью или большей частью раскопанных поселений на оз. Иткуль, с поселения Березовая Лука, исследование которого только начинается, и из многочисленных могильных комплексов. В третьем горизонте поселения Костенкова Избушка, где преобладают материалы елуинской культуры, из 664 определимых костей 229 (34,5%) принадлежали домашним животным. Поселение Костенкова Избушка, видимо, было заселено в зимний период, так как остальные поселения (Коровья Пристань II и III, которые, по нашему мнению, являются летними) дали всего 21 и 23 определимых кости. Коровья Пристань II является однослойным памятником, а на Коровьей Пристани III берутся кости только из елуинского слоя. На Костенковой Избушке 40,2% костей домашних животных принадлежат лошади, 22,7% – крупному рогатому скоту, 9,8% – мелкому рогатому скоту и 27,5% – собаке. На первом месте, совершенно очевидно, стоит лошадь, а если отбросить собаку, то доля лошади в стаде возрастет до 55%. На поселении Коровья Пристань II 10 костей принадлежат лошади (2 особи), 6 – лосю (2 особи) и 5 – кулану (2 особи). На поселении Коровья Пристань III: 12 костей лошади (3 особи), 10 – лося (4 особи) и один целый скелет собаки. По лошадиным зубам выделяются три возрастные группы: первая группа до трех лет; вторая – от пяти до шести; третья – старше шести лет. Таким образом, на еду забивали лошадей, достигших полного веса и возраста, т.е. старше трех лет и выбракованных по каким-либо причинам. Основная масса лошадей малоросла, с высотой в холке 134–136 см. Только несколько костей принадлежат более высокорослым особям, с высотой в холке 152 см. Что лошади крупных размеров разводились на Алтае, свидетельствуют матери-

лы поселения Березовая Лука, полученные в ходе первых раскопок. Здесь были найдены кости лошадей крупных размеров, что подтверждается целой путовой фалангой, которая имела длину 90,8 мм, ширину проксимального конца 60,2 мм, ширину диафиза тела кости 44,4 мм, а также характерный признак доместикации. Такая длинная и широкая кость характерна для крупных и мощных особей. Что касается конституционного типа, то более всего он схож с современными тяжеловесами (Кирюшин Ю.Ф., Гальченко А.В., Тишкин А.А., 1995, с. 52). Здесь же были найдены костные остатки крупного рогатого скота, принадлежавшие взрослым животным (старше 3,5 лет), причем это были особи разные по конституции: одна – крупной формы, рост 130,3 см, по всей видимости, бык (возможно, вол – кастрированный бык?), вторая мельче по размерам – корова. Возраст животных указывает на длительное использование их в домашнем хозяйстве (там же). В материалах этих лет, по определению А.В. Гальченко, есть кости трех особей овцы возрастных групп: до одного года, 1,5–2 года и три года, кости козы старше трех лет и собаки.

Костные остатки с поселения Березовая Лука, обнаруженные в 1998–2000 гг., были исследованы П.А. Косинцевым. Им изучено более 11 тысяч обломков и целых костей, зубов, челюстей и т.д. Он считает, что домашние копытные животные составляют более 99% всех исследованных костных остатков. На первом месте идет мелкий рогатый скот – 60% (252 особи), на втором – лошадь – 24% (57 особей) и на третьем – крупный рогатый скот – 15% (30 особей). По мнению П.А. Косинцева, крупный рогатый скот очень крупных размеров, с высотой в холке от 128 до 155 см, а в среднем – 139, лошади в целом отличаются крупными и массивными костями, что, по моему мнению, также позволяет предположить более крупные размеры. Овцы очень крупных размеров значительно превосходили овец энеолита – ранней бронзы Восточной Европы, овец андроновской и синташтинской культур.

Наличие таких крупных животных, несомненно, указывает на длительный процесс их доместикации. А так как само население датируется концом III – первой третью II тыс. до н.э., этот процесс уходит своим началом в эпоху энеолита.

Однако на большей части поселений преобладали кости от более мелких лошадей. Видимо, подобная лошадь была изображена мастером на рукояти ножа из Елунино (рис. 148, 149), на рукояти ножа из Усть-Коксинского района (рис. 150–4). Изображение подобной лошади есть и на рукояти ножа из могильника Ростовка (Матющенко В.И., 1970). Низкорослая лошадь, которую разводили древние жители Верхнего Приобья, могла быть близкой родственницей современных монгольской и якутской лошадей. Ее отличает грубая удлиненная голова, низкая холка, прямая спина, короткие ноги и густая шерсть. С. Фолуменов пишет, что для древней якутской лошади никто не строил конюшни и не готовил корм на зиму. Она сама себе добывала корм, копытя его из-под снега (1974, с. 32). Монгольская и якутская лошади в чистом виде не требуют никаких затрат на свое содержание и наиболее приспособлены для добывания корма в условиях суровой и продолжительной зимы с глубоким снегом. Подобные лошади доживают на Алтае до раннего железного века. В частности, они встречаются в Пазырькских курганах (Витт В.О., 1952, с. 173). Лошадь могла служить и транспортным средством. Правда, фактов использования повозок на Верхней Оби нет, но вероятность этого очевидна. Повозки встречены в могильнике Синташта, датируемом XVI в. до н.э. На рукояти ножа из могильника Ростовка изображен лыжник, передвигающийся с помощью лошади, он держится за длинный повод, прикрепленный к недоуздку (Матющенко В.И., 1970, рис. 34).

Кости и зубы большей части крупного и мелкого рогатого скота и лошадей принадлежали в основном молодым особям, хотя среди мелкого рогатого скота выделяются две возрастные группы: первая от 1 до 1,5 лет, вторая – от 1,5 до 3 лет. Такая особенность животноводческого хозяйства указывает на его мясную направленность, а состав стада, в

котором преобладают мелкий рогатый скот и лошадь, на его большую подвижность. Огромное значение скотоводческого хозяйства нашло отражение и в погребальном обряде. Буквально на всех могильниках во многих захоронениях встречены зубы, нижние челюсти, черепа, кости ног в сочленении и отдельные кости лошади, целые скелеты, ноги в сочленении и кости, части скелета овцы. Кости крупного рогатого скота встречались крайне редко.

С началом исследования поселения Березовая Лука стало совершенно ясно, что все до сих пор изученные поселения являются летними сезонными стоянками. Исключение, может быть, составляли только поселения Боровое III и Костенкова Избушка. На летних поселениях нет следов долговременных жилищ, на них иной состав костей диких и домашних животных. На поселении Березовая Лука кости домашних животных составили 99%, а диких – всего 1%, да и то с большей частью пушных. На памятниках оз. Иткуль доля диких животных колеблется около 60%, а домашних от 30 до 40%. Такая особенность особенно четко прослеживается на памятниках андроновской и ирменской культур (Кирюшин Ю.Ф., Гальченко А.В., Удодов В.С., Шамшин А.Б., 1988, с. 138–142).

Буквально на всех поселениях встречены кости, черепа и зубы собаки, а на некоторых даже целые скелеты. Основная масса их принадлежала мелким особям, разведение которых связано с охотой. Меньшая часть костей принадлежала более крупным собакам, разведение которых могло быть связано со скотоводством: крупные собаки охраняли стада скота. Кости от шести особей только крупных собак найдены на Березовой Луке. Разведение собак обеих пород могло быть связано с гонной охотой на крупных животных (лося), которая начинается в августе–сентябре (Народы Сибири, с. 578). Этот вывод подтверждает и большое количество костей лося на Костенковой Избушке, которое составляет 88,7% от общего количества диких копытных животных. Собаки могли использоваться и при охоте на медведя и пушного зверя (белку, соболя, барсука, колонка, сурка и т.д.). Сцена охоты на дикого быка–тура помещена на каменном сосуде (рис. 136).

Изменения коснулись и охотничьего промысла. Если в целом доля охоты в хозяйстве сокращается с 72,1 до 65,5% (Барнаульско–Бийское Приобье), то доля охоты на мясных копытных животных возрастает с 24,6 до 42,8%, причем основным объектом охоты становится лось. Кости лося составляют 88,7% от общего количества костей диких животных, оленя – 6,7%, косули – 3,6%, кабана – 1%. На ряде летних поселений встречаются кости кулана. По зубам лося удалось выделить пять возрастных групп первая – до одного года (6,12%); вторая – до трех лет (41,83%); третья – до пяти лет (32,65%); четвертая – до десяти лет (18,36%) и пятая – старше пятнадцати лет (2,04%). Таким образом, преобладают вторая и третья группы, следовательно, охотились в основном на животных, достигших зрелости. Уже в полтора–два года лось весит 300–350 кг, т.е. при охоте на лося четко осуществлялся принцип максимализма. Доля пушной охоты в целом падает. Возможно, что это было связано с потеплением, начавшимся в начале II тыс. до н.э. Однако резко увеличивается роль охоты на медведя (40,4% среди костей пушных животных) и бобра (38,4%). Охоту на медведя, видимо, следует считать мясной. Судя по костям, вес большинства медведей колебался в пределах от 100 до 200 кг. Но кости одной особи позволяют предположить, что рост ее в холке составляет 120 см, вес этого медведя достигал 400 кг. Не совсем понятны причины роста охоты на бобра. Вполне возможно, что стимулятором этого была меновая торговля с южными соседями.

Приемы охоты были различны. На каменном сосуде изображена сцена охоты на дикого быка–тура, которого спереди и сзади держат две собаки, а охотник стреляет из изогнутого лука. Одна стрела уже торчит в загривке быка. Собаки гонят двух лошадей, горного козла с загнутыми рогами и двух рогатых животных с длинными шеями, воз-

можно, маралов. В гоне участвует полосатое животное с длинным хвостом, на конце закрученным в колечко. Рисунок напоминает хищников из семейства кошачьих. Возможно, прирученные животные действительно использовались в охоте, но утверждать об этом пока трудно. На крупных мясных животных могли настораживаться самострелы, о чем свидетельствуют крупные костяные наконечники, превышающие обычные в 1,5–2 раза. Края двух лопастей таких наконечников сделаны в виде жалец и заострены, на черешке имеется упор (рис. 143-1). Раненое животное не могло вытащить эту стрелу и уйти далеко, не оставив кровавый след. На пушных животных ставились различные ловушки, на них охотились с использованием костяных и деревянных наконечников – томаров, встреченных в могильнике Телеутский Взвоз (рис. 121-13-14).

Рыболовство продолжает играть подсобную роль в жизни населения ранней бронзы Барнаульско-Бийского Приобья. Здесь наблюдаются изменения каменных рыболовных стерженьков в сторону их уменьшения (рис. 113-7, 8, 10, 11, 13, 19, 20), что, видимо, было связано с появлением металлического крючка. На крохалевских памятниках Новосибирского Приобья обнаружены грузила, в том числе и каменные, что свидетельствует о появлении сетевого рыболовства.

Продолжают развиваться домашние производства. Заметно уменьшается доля каменных орудий и увеличивается доля бронзовых, что свидетельствует о повышении роли бронзолитейного производства. Следы его встречаются на каждом поселении, особенно много их на Березовой Луке. Резко увеличивается количество костяных орудий и отходов костерезного производства. Новое – это развитое скорняжное производство, подтвержденное находками многочисленных орудий по обработке кожи. По мнению ряда исследователей, высокий уровень такого производства свидетельствует о развитом скотоводческом хозяйстве.

Таким образом, подводя итоги, можно сделать вывод о том, что елунинское население ранней бронзы имело многоотраслевое хозяйство с преобладанием хорошо развитого скотоводства, где подсобную роль играли охота и рыболовство. Полученные данные позволяют утверждать, что елунинцы были хорошо знакомы с навыками разведения всех домашних животных, а качественный анализ костных остатков на поселении Березовая Лука наталкивает на предположение о возможном зарождении селекционной работы в это время.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги первой монографии, написанной на материалах памятников энеолита и ранней бронзы южной части Верхнего Приобья, хотелось бы отметить, что впервые в научный оборот вводится значительный блок оригинального материала, который дал возможность по-новому решать многие проблемы. В частности, раскопки многослойного, хорошо стратифицированного поселения Тьткескенъ II, позволили выявить энеолитические слои, отделенные от нижележащего слоя позднего неолита и вышележащего слоя бронзового века стерильными прослойками. В слое исследованы стационарные и временные энеолитические жилища, многочисленный каменный инвентарь, керамика и медные изделия (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993). Все это подтвердило обоснованность выделения автором большемысской энеолитической культуры (Кирюшин Ю.Ф., 1986). Памятники большемысской культуры протянулись полосой по предгорьям Алтая, заходя по долинам рек и в Горный Алтай от верховьев Алея до границ Кемеровской и Новосибирской областей. Раскопки Нижнетьткескенской пещеры и серия радиоуглеродных дат по погребению, исследованному в ней, а также комплекс инвентаря позволили пересмотреть датировку большемысской культуры, которая укладывается теперь в пределы второй половины IV–III тыс. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин А.Ю., 1998, с. 259). Все эти данные учтены в настоящей работе.

Раскопки поселения Березовая Лука, которое в силу природных катаклизмов (паводки, наводнения) оказалось законсервированным на многие столетия под трехметровым слоем речных осадков, и могильника Телеутский Взвоз дали многочисленные остатки древесины и изделий из нее, что позволило получить целую серию радиоуглеродных дат, выполненных Л.А. Орловой в лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии СО РАН. Эти даты наряду с уже имеющимися по ранней и развитой бронзе позволили автору настоящей работы уточнить хронологические рамки елунинской культуры, выделить ранние этапы формирования, уточнить взаимоотношения с более поздней андроновской культурой и синхронными, может быть, несколько более поздними культурами соседних регионов: самусьской и кротовской. Сейчас совершенно очевидно, что формирование елунинской культуры начинается во второй половине, а, возможно, даже в середине второй половины III тыс. до н.э., о чем свидетельствуют контакты афанасьевцев и елунинцев (Степанова Н.Ф., 1998). Заканчивает свое существование она в первой половине – середине XVI в. до н.э. Со второй половины XVI в. до н.э. на территории степного и лесостепного Алтая интенсивно расселяются андроновские племена, что приводит к полному вытеснению или ассимиляции каких-то частично оставшихся групп елунинцев. Вытесненные елунинские племена передвигаются в более северные районы Обь-Иртышского междуречья, и здесь на их основе с участием местных племен степановского типа формируется кротовская культура, развивающаяся одновременно с андроновской. То, что елунинская культура существует ранее кротовской, у меня не вызывает сомнений. Ранее я уже высказывал мнение, что сходство елунинцев и кротовцев можно объяснить участием в их формировании единого южного компонента или тем, что они являются хронологическими этапами единой культуры: ранним елунинским и поздним кротовским (1987, с. 121). Сейчас в свете новых данных мне представляется, что следует говорить о двух самостоятельных культурах, существующих одна за другой на разных территориях, но, видимо, входящих в единую культурно-историческую общность.

Елунинская культура существует в предгорных и лесостепных районах Восточного Казахстана и Алтая начиная со второй половины – последней четверти III тыс. до н.э. Кротовская развивается в более позднее время в лесостепных районах Обь-Иртышского

междуречья, синхронно андроновской культуре, основной массив которой локализуется в более южных районах Западной Сибири, активно взаимодействует с ней и испытывает сильное влияние, что хорошо прослеживается по бронзовому инвентарю. Существование кротовской культуры, видимо, заканчивается в XIII–XII вв. до н.э., когда в Барабинской лесостепи появляются позднебронзовые андроновидные культуры, известные по бегазы-дандыбаевскому могильнику Старый Сад и бегазы-дандыбаевским материалам из памятников ирменской культуры (погребение 1, курган 95 Преображение 3; курганы 14, 16 Абрамово 4, Гандичевского совхоза) (Молодин В.И., 1985, с. 140–142). Будущие полевые исследования и монографические работы, готовящиеся алтайскими археологами по поселению Березовая Лука и могильнику Телеутский Взвоз, и В.И. Молодиным по основному массиву кротовских погребений могильника Сопка 2 позволят убедительнее осветить эти проблемы.

В хозяйстве энеолитического большемысского населения прослеживается развитие производящего типа хозяйства – скотоводства, которое по своей значимости стояло на втором месте после охоты на мясных животных. Разводили лошадей, мелкий рогатый скот и в меньшей степени крупный рогатый скот. В раннебронзовую эпоху возрастает роль скотоводства. Зимние поселения фиксируют резкое преобладание скотоводства над охотой. Так, на поселении Березовая Лука 99% всех костных останков составляли кости домашних животных, среди которых на первом месте идет мелкий рогатый скот – 60%, на втором – лошадь – 24% и на третьем крупный рогатый скот – 15%. Состав стада указывает на большую его подвижность, что, видимо, было связано с системой сезонных перекочевок: весной в степные и лесостепные районы Алтая, осенью – в долины рек, вытекающих из Горного Алтая. Многочисленные материалы свидетельствуют о высоком уровне бронзолитейного производства и костерезного мастерства.